

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова
«История и политология»

4
2015

Москва
2015

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

4.2015

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Издается с 2010 г.

Вестник Московского государственного
гуманитарного университета им. М. А. Шолохова
Серия «История и политология»

ИЗДАТЕЛЬ:

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77–63326
от 09.10.2015 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс:

83632 по каталогу
«Газеты. Журналы»
ОАО Агентства
«Роспечать»

**С 9.10.2015 г. журнал называется
«Локус: люди, общество, культуры, смыслы»**

Редакционная коллегия

А.Б. Ананченко (*гл. редактор*),
А.А. Орлов (*зам. гл. редактора*),
Д.Н. Сергованцев (*отв. секретарь*),
Е.В. Бродовская, Ф.А. Михайловский,
А.В. Миронов, В.Д. Нечаев, Д. Савино,
Н.И. Смоленский, А.Д. Эпштейн,
А.И. Юрьев

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий
Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Электронная версия журнала:
www.mpgu.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Моисеев М.В.

Большие игры московской дипломатии:
проблема нейтрализации «крымской угрозы»
в русско-ногайских отношениях в 30–60-е гг. XVI в. 5

Патрикеева О.А.

Подготовка Императорского Таврического дворца
к работе Государственной думы России (1906–1917 гг.). 20

Закиров Р.С.

О роли эсера-террориста И.П. Каляева в российской истории 25

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Барабанов М.В.

Приближая «постсоциалистическую» трансформацию в странах
Восточной Европы: о некоторых «исторических предпосылках» 41

АРХЕОЛОГИЯ

Винокуров Н.И., Пономарёв Л.Ю.

Городище Артезиан в эпоху средневековья
(по результатам археологических исследований) 50

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глухарев Н.Н.

К вопросу о месте советско-германского фронта
Второй мировой войны в англо-американской историографии 59

Котова Е.С., Ширяева С.В.

Всеобщая история права
профессора Павла Гавриловича Виноградова 73

Курзанов С.В.

Синергетические процессы в эволюции права 79

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Никонов О.А.

Становление отношений Российской империи
с регионом Персидского залива 88

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

Кузнецов Д.С.

Движение за объединение еврейского народа в Пензе в 1917–1920 гг.	100
НАШИ АВТОРЫ	117
CONTENTS	119

М.В. Моисеев

Большие игры московской дипломатии: проблема нейтрализации «крымской угрозы» в русско-ногайских отношениях в 30–60-е гг. XVI в.¹

В статье рассмотрены взаимоотношения Ногайской Орды, Крымского ханства и России в 1530–60-е гг. Особое внимание уделяется мероприятиям русской дипломатии, направленным на нейтрализацию Крымского ханства. В ходе исследования удалось показать, что только со второй половины 50-х гг. XVI в. отчетливо прослеживается стройная стратегия русско-ногайского антикрымского сотрудничества. К 1563 г., в связи с наметившейся тенденцией к сворачиванию активной восточной политики, происходит прекращение выстраивания действенного русско-ногайского антикрымского военного союза. Теперь русские власти пытались добиться своих целей чисто дипломатическими средствами, что оказалось не очень эффективно.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Крымское ханство, крымско-ногайское противостояние.

После разгрома Большой Орды в 1502 г. отношения между недавними союзниками стали охлаждаться. Постепенно Русское государство и Крымское ханство стали непримиримыми противниками в борьбе за гегемонию в Диком Поле. В этих условиях московская дипломатия начала искать союзников для противодействия Крыму. Таким естественным союзником стала Ногайская Орда, которая предъявляла претензии на контроль над Нижним Поволжьем, а также над кочевьями правобережья Волги.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10148а(ц).

В 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил известный поход на Русское государство. В его войско входили и ногаи [11, с. 37], укрывшиеся в Крыму от казахов. После похода ногаи, по мнению В.В. Трепавлова, начали откочевку на родину и борьбу с захватчиками [18, с. 166]. Мухаммед-Гирей в сентябре 1522 г. захватил Хаджи-Тархан [11, с. 43]. Но торжество его оказалось скоротечным. Мамай-мирза и Агиш составили заговор и разгромили крымцев. Погиб хан Мухаммед-Гирей, его калга Бахадыр-Гирей и множество крымских беков и простых воинов. В убийстве хана и калги деятельное участие приняли крымские мангыты. Ширинские беки обвиняли в содеянном Джан-Мухаммед-мирзу мангыта [16, л. 3, 49 об. – 50], в России убийцей хана считался Мамай [19, с. 300]. Кроме ногаев и мангытов, по данным Типографской летописи, в этих событиях активное участие приняли и «старые ординцы» [12, с. 221–222]. Ряд исследователей склонны связывать этот погром с деятельностью русской дипломатии, но, как указал Трепавлов, для этого нет никаких оснований [5, с. 54; 6, с. 39–40; 18, с. 170–171].

Разгром крымцев ногаями был ужасен [15, л. 257 об. – 258]. Азовский бурхан конкретизировал картину погрома. По его информации, ведущая роль в этом избиении принадлежала Мамай-мирзе. От смерти спаслись два султана – Гази-Гирей и Биби. Они возглавили сопротивление ногайскому вторжению. Шейх-Хайдар б.¹ Шейх-Ахмед, возглавлявший войско ногаев и мангытов, прошел Перекоп и стал у Соленого озера. Здесь, разделившись, они пошли на Крым (Солхат), опору Ширинов, и Киркор (Чуфут-Кале), резиденцию крымских ханов. Осадив города, ногаи и мангыты устроили тотальный грабеж этих местностей [15, л. 260; 16, л. 3]. В то время, как Шейх-Хайдар устроил погром в центре полуострова, от Хаджи-Тархана продолжали возвращаться крымцы. У Перекопа, окруженного двумя рядами стен [1, с. 207; 16, л. 3 об. – 4], Мемешбеку ширину и Девлет-бахти-беку барыну удалось отразить нападение Хаджи-Мухаммеда и Удем-бека мангыта [16, л. 3 об.]. Однако вскоре Шейх-Хайдару удалось сломить сопротивление крымцев [4, с. 191–194; 16, л. 3 об. – 4]. После перекопской победы Шейх-Хайдар отошел от города на 10 верст и оставался на таком удалении около двух недель, отсылая отряды в загон к Очакову и ниже Очакова. Загонщики из этих местностей угнали все тамошние улусы и стада. Блокирование Перекопа принесло ногайско-мангытскому войску очередные успехи. В их руках оказалось четыре крымских султана [16, л. 3 об. – 4]. В условиях катастрофы Крымского ханства, шокированности его элиты турецкие

¹ «б.» – принятое сокращение от «ибн» («сын»).

власти прислали Саадет-Гирей-султана, ранее скрывавшегося в Турции от Мухаммед-Гирей-хана. Претендент на власть первоначально находился в Кафе, к нему приехали Гази-Гирей-хан и Биби-султан. По приказу султана Сулеймана Гази был казнен (задавлен [16, л. 4 об.]), а султаны Биби и Чобан – пойманы. Аресту подвергся и бек Абд ар-Рахман, старинный недруг Саадет-Гирея, и многие иные беки и мирзы. По данным посла в Турции, все они были сосланы в Стамбул [15, л. 260 об.]. Однако русский посол в Крымском ханстве И.А. Колычев сообщал, что Чобан-султану удалось скрыться от Саадет-Гирей-хана. Судьба Абд ар-Рахмана-бека тоже оказалась иной. Он возглавлял крымских ичек Саадет-Гирей-хана, а в 1525 г. отправился в Мекку [16, л. 5, 13–13 об., 48 об., 64 об., 85]. Новый хан при внушительной военной поддержке турецкого султана (20 тыс. конников, 500 пищальников) начал принимать активные действия по нейтрализации ногайской угрозы. Он послал послов в Хаджи-Тархан с просьбой не пропускать ногаев на «крымскую сторону», а также просил нового ногайского бия Агиша не пускать ногаев на Крым [15, л. 261]. Ногаи в победной эйфории желали уничтожить («разкопать») и Хаджи-Тархан [Там же, л. 261 об.; 16, л. 49 об.].

Новый хаджитарханский хан Хусейн б. Джанибек принял спешные меры против ногаев. 26 июля 1523 г. он отправил послов в Азов, стремясь заручиться поддержкой крымцев против Мамай-мирзы и его братьев. В союзе с ним выступил и Агиш-бий. Хусейн вел переговоры и с казанцами, призывая их совершить поход на Мамай [Там же, л. 263–263 об.]. По всей видимости, именно Мамай призывал к разрушению Астрахани. Его поддержал только Юсуф-мирза. Агиш-бий, Хаджи-Мухаммед-мирза находились с ними в розни. Мамай и Юсуф совершили поход на Астрахань и были разбиты. Мамай откочевал в северокавказскую Тюмень на р. Терек и оттуда продолжил кочевку к Каспийскому морю [Там же, л. 270 об.].

Но, несмотря на разногласия, основной целью своей внешней политики ногаи продолжали видеть разгром Крымского ханства. 15 февраля 1524 г. волошский посол сообщил крымцам о посольстве Агиша и мирз в Великое княжество Литовское. Они требовали отдать им последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмада, за что предлагали литовцам крепкую дружбу. Ногаи обещали разорить Крым, а города Очаков и Ислам-Кермен отдать королю. По сообщению волошского посла, литовцы отдали им Шейх-Ахмада [Там же, л. 286 об. – 287]. По словам хорезмийского историка Утемиш-хаджи б. Маулана Мухаммед Дости, он выбрался из вилайета Король (т.е. Великого княжества Литовского) и «... пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан» [21, с. 96]. По мнению И.В. Зайцева, хан не сыграл активной

роли в тех событиях и вскоре умер [3, с. 45]. Дипломатические материалы позволяют предположить, что Шейх-Ахмед б. Ахмед правил в Астрахани с 1525 г. [16, л. 163] до 1528 г. [4, с. 107–108, 249].

Таким образом, с 1523 г. ногаи вели чрезвычайно активную и агрессивную политику как против Крымского и Астраханского ханств, так и против Казахской Орды [18, с. 179, 201–203]. Как выстраивались их отношения с Русским государством в это время – серьезный вопрос.

Возобновление русско-ногайских отношений произошло в 1522/23 г. Инициатором этого явились ногаи, возможно, Мамай-мирза. Неслучайно в Описи Посольского приказа 1614 г. эта посольская книга определена как «при великом князе Василии Ивановиче как был на Нагайской Орде во княжое место Мамай мурза» [9, с. 106]. Необходимо отметить, что заголовки дел, переданные в описях Посольского приказа, условны и принимать их для датировки правления биев или ханов следует с большой осторожностью. Так, например, посольская книга 1489–1508 гг. называлась: «Книги ногайские с лета 6998-го по лето 7017 при великом князе Иване Васильевиче, как был на Ногайской Орде Ивак царь», [9, с. 106; 10, с. 225], хотя Ибак был на Ногайской Орде до 1490 г., а затем до своей гибели в 1495 г. находился в Тюмени. Посольская книга 1550/51 г. – 1560/61 г. определялась «как был на Нагайской орде Исмаиль князь», также правлением Исмаил-бия определена посольская книга 1561/62–1564/65 гг. [Там же]. Однако в обоих случаях данным описей доверять нельзя. Как известно, Исмаил вступил на престол в Ногайской Орде после убийства своего брата Юсуф-бия в конце 1554 г. [18, с. 271]. Сам же Исмаил умер в сентябре 1563 г. [Там же, с. 296] и никак не мог вести отношения с Россией в 1564/65 г. Таким образом, интересующий нас заголовок не может служить свидетельством «княжения» Мамаю в Ногайской Орде в 1522/23–1532/33 гг.

Однако он имеет определенный источниковедческий потенциал. Во-первых, он может служить свидетельством, что одним из инициаторов возрождения русско-ногайских отношений являлся Мамай-мирза. Во-вторых, в описании посольской книги указано, что Мамай в то время в Ногайской Орде «был во княжое место». По мнению Трепавлова, Мамай мог быть «правителем улуса» [Там же, с. 176]. Посольство Мамай-мирза, скорее всего, отправил до конца 1523 г., после астраханского погрома крымцев и, вероятно, до астраханской осады, т.к. именно в этот период против него оказалось настроено большинство ногайских аристократов [15, л. 270 об.]. Провал астраханской авантюры Мамаю привел к исключению его из активной политической деятельности на некоторое время.

Таким образом, Ногайская Орда после своего восстановления еще не обрела черт государственности. Сообщение Герберштейна демонстрирует три области, на которые делилась орда и которые, в результате реформы Саид-Ахмед-бия в 1530-е г. г., превратились в нурадинство и кековатство. Симптоматично отсутствие во властной элите героя 1522–1523 г. Мамая, что может свидетельствовать не о долгом нахождении его «во княжом месте», упоминаемом описью Посольского приказа. Подобная рыхлая структура орды не могла не сказаться на содержании ее внешней политики вообще и, в частности, на русско-ногайских отношениях. Впрочем, это восстанавливается из-за неполноты (а также утери) источников весьма фрагментарно. В целом, до 1530 г. русско-ногайские отношения развивались вполне мирно, хотя сведений о них немного, но можно говорить, что в это время московские дипломаты пока не рассматривали Ногайскую Орду как союзника против Крымского ханства. После 1530 г. во взаимоотношениях Русского государства и ногаев наступил кризис, связанный с «казанским вопросом». После смерти великого князя Василия III ногайский бий Саид-Ахмед начал проводить политику, направленную на пересмотр русско-ногайских отношений. В это время Саид-Ахмед добивался повышения количества и стоимости поминок и превращения их в дань [7, с. 22–24]. Великокняжеским дипломатам пришлось перейти к активным поискам противовеса для бия. Такой противовес вскоре обнаружился.

В конце лета 1535 г. в Москве стало известно о готовящемся набеге крымских султанов. Исходя из известий Д.И. Губина о ногайских заставах против крымцев, русские дипломаты решили привлечь к антикрымским мероприятиям ногайских мирз, кочевавших по Волге. Они призывали ногаев крымскому хану и султанам в случае похода на Русское государство «помешку чинить» [13, с. 133–134].

В декабре 1535 г., после общеногайского посольства, возглавляемого карачи Кудояром, в Москву приехали послы от мирз правого крыла Ногайской Орды. Посольство прислали Кель-Мухаммад-мирза, Чемаш-мирза, Усек-мирза, Исмаил-мирза, Урак-мирза, Уразлы-мирза, Джан-мирза и крымский Баки-бек мангыт [Там же, с. 134–135]. Послы, прибыв в Москву, не захотели стоять на одном дворе с бийским послом Кудояром, поэтому их разместили на Городецком дворе за Яузой [Там же, с. 135]. Несмотря на то, что это посольство прибыло много позже бийского, на двор их вызвали 2 января 1536 г., тогда как после первого визита 23 ноября 1535 г. бийских послов держали без официальных переговоров до конца февраля 1536 г.

Общим местом грамот мирз стало подчеркивание дружественности к Русскому государству, готовность препятствовать нападениям

Крымского ханства, ожидание от Москвы поминков [13, с. 135–137]. Кель-Мухаммад-мирза обещал противодействовать не только крымцам и хаджитарханцам, но и сообщать об агрессивных намерениях ногайской аристократии [Там же, с. 136]. Исмаил-мирза ограничивал союзные обязательства, отказываясь вступать в борьбу с Казанским ханством и Великим княжеством Литовским. Он же просил прислать к нему пушку и пушечника [Там же, с. 137].

Подобная позиция мирз правого крыла Ногайской Орды давно обратила на себя внимание историков. Анализируя русско-ногайские отношения, они пришли к выводу об особой роли этих мирз в дипломатических контактах [17, с. 134, 143, 180; 22, с. 212; 23, с. 49; 24, с. 120]. Вместе с тем, необходимо отметить, что выраженной геополитической ориентации западных мирз на Россию в 30-х гг. XVI в. не было. Так, Исмаил-мирза исключал возможность участия в русско-казанском противостоянии. Легко заметить, что мирзы правого крыла были готовы противодействовать крымскому хану, но они и так находились в «стороже» от Крыма [13, с. 128, 133]. При этом за службу ногаи ждали соответствующих поминок, при отсутствии их они намеревались напасть на русские окраины [Там же, с. 137]. Очевидно, что стимулом к сближению с Россией стала политика Саид-Ахмад-бия, направленная на аккумуляцию всех поминок, идущих из Москвы, в своих руках [Там же, с. 124, 125, 127, 147, 162]. Это привело к отсутствию необходимых вещей у большинства ногайских мирз, особенно «молодших».

Интерес правительства Елены Глинской к группировке западных мирз диктовался не в последнюю очередь информацией о наличии у них агентов в Крымском ханстве и Хаджи-Тархане. Ногайские мирзы брались оберегать русские окраины от крымцев по осень [Там же, с. 138]. Русские дипломаты высоко оценили эти предложения и к ним отправили посольством П.Д. Левского [Там же, с. 139]. Дабы укрепить наметившийся союз, подготовили шертную запись. Перед присягой послы попробовали получить с Русского государства денежные выплаты. По их словам, те мирзы, что кочевали по левому берегу Волги, получали с Хаджи-Тархана 60 тыс. алтын, а с «московские земли» – 40 тыс. алтын. Если Русское государство готово к подобным выплатам, ногаи присягнут на шерти. Ф.И. Карпов «с товарищи» остался непреклонен: «Государь наш дружбы не выкупает...». Если будут мирзы держать к великому князю дружбу, то и он готов «поминки свои посылати». Этот ответ вполне удовлетворил послов и они, прочитав шертную запись, одобрили ее и присягнули [Там же, с. 139–140]. Впрочем, этот успех оказался хрупким.

Мирзы правого крыла Ногайской Орды пытались добиться от Москвы различных преференций, если же это не удавалось, они грозили изменить свое дружественное отношение на враждебное и заключить антирусский союз с Казанью. К сентябрю 1537 г. в Ногайской Орде положение Саид-Ахмед-бия упрочилось. Ногайская племенная элита приняла нововведения своего бия. Новая структура определила властные полномочия ведущих мирз. Это единение отразилось и на русско-ногайских отношениях: ногаи готовы к союзу с Москвой, но в обмен требуют поминки. Однако Кель-Мухаммад-мирза и Урак-мирза, лидеры правого крыла орды, готовы препятствовать агрессивным намерениям своих соплеменников. В результате попытки великокняжеской дипломатии сыграть как на внутренних противоречиях орды, так и на внешних имели ограниченный успех. В антикрымской интриге Москвы Ногайская Орда в 1530-х гг. не исполнила ведущей роли.

В период «казанской войны» ногаи на определенное время (до 1550 г.) активно помогали Русскому государству, перерезая пути сообщения между Крымом и Казанью, перехватывали их посольства. Однако после того, как на казанском престоле утвердился малолетний Утямыш-Гирей, Ногайская Орда перестала поддерживать Москву, призывая ее к прекращению войны. В это время не приходится говорить о противопоставлении ногаев крымцам [8, с. 110–111].

Все изменилось после переворота 1554 г. и убийства бия Ногайской Орды Юсуфа. Теперь ногаи проявляют заметную антикрымскую активность. Эта их позиция в значительной мере подпитывалась резким охлаждением русско-крымских отношений и начавшимися походами царских воевод на Крымское ханство [2, с. 51–189]. Уже в марте 1555 г. русский посланник И.Т. Загряжский должен был склонять ногаев к военным действиям против Крымского ханства. Правда, вместе с этим ему предписывалось отказываться от предложений совместного вторжения большими силами. Сами русские власти в материалах наказа сообщали о своем желании идти на Крым весной 1556 г., однако уклонялись от идеи совместного похода с ногаями, прося прислать в поддержку отряд около 10 тыс. человек под командованием сыновей Исмаила [14, с. 169–170].

В декабре 1555 г. Исмаил просил прислать его четверым «временникам» подарки. К его посланию они сделали приписку, в которой обязывались нападать на Крымское ханство. Благодаря этой приписке до нас дошли их имена: Джан-бахти имилдеш, Иш-Мухаммед-батыр, Тутай имилдеш и Епчюра-батыр [Там же, с. 181].

19 февраля 1556 г. из Москвы отправились ногайские послы с русскими: к Исмаил-бию направлялся послом А.Т. Тишков. Важной задачей

этой миссии являлось вовлечение ногаев в борьбу с Крымским ханством. Иван Грозный сообщал, что в результате проведенной разведки ему стала известна крымская дорога [14, с. 187–188]. Ногаям предлагалось сообщить об их планах войны с Крымским ханством. Особо отмечалось, что русское правительство ради «крымской войны» замирилось с Великим княжеством Литовским [Там же, с. 188]. Одна из идей русского плана войны с Крымским ханством состояла в том, что, в случае нападения крымцев на одного из участников соглашения, другой нападал на крымские кочевья [Там же, с. 188]. Вместе с тем, русские послы должны были отговаривать ногаев от идеи совместного с русскими похода на Крымское ханство [Там же, с. 191–192, 195, 199].

В конце 1556 г. Исмаил для успешности борьбы с Крымским ханством просил прислать к нему бывшего казанского хана Утемыш-Гирея. По мнению Исмаил-бия, при сочетании войны с Крымом со стороны Русского государства и наличия в орде Утемыша крымские карачи и беки «передадутца» ногаям. В случае отправления предпоследнего казанского хана в Ногайскую Орду, войну с Крымом Исмаил рассматривал как свою обязанность [Там же, с. 215].

В январе-феврале 1557 г. русский посланник М.Г. Лачинов должен был призывать ногаев к походу на Крымское ханство [Там же, с. 240]. Впрочем, эти призывы, как вскоре стало ясно, оказались безуспешными.

13 июля 1557 г. в Москву прибыли ногайские послы. В связи с тяжелым хозяйственным положением, бий предупреждал о невозможности выступить в поход на Крым этим летом [Там же, с. 250]. Исмаил вновь подчеркивал, что, в связи с плачевным состоянием Ногайской Орды, воевать Крым они не могут [Там же, с. 252]. Однако тут же он сообщал о решении воевать заволжских мирз и просил царя послать рать на Дон, чтобы пресечь их бегство в Крымское ханство [Там же, с. 253]. Первым пунктом шерти ногаи использовали традиционную клаузулу военно-политического союза, определяя врага как Крымское ханство. Обещали быть в союзе с Русским государством и от него не отступаться и прекратить любые недружественные акции [Там же, с. 249–250].

В марте 1558 г. Е. Мальцев объяснял враждебные отношения с Крымским ханством, в первую очередь, защитой интересов ногаев и мстью за притеснения Айсы-мирзы. Дипломат призывал ногаев активизировать антикрымскую деятельность. Предлагалось войти в союзнические отношения с «нашими холопами с черкасы» и действовать с ними заодно [Там же, с. 265–266]. Таким образом, налицо деятельность русской дипломатии, направленная на создание антикрымского блока, включавшего в себя северокавказских и ногайских феодалов. Вместе с тем, в Москве

отчетливо понимали, что в условиях междоусобной борьбы ногаям будет трудно участвовать в борьбе с Крымом. Поэтому озвучить призыв к походу на крымцев Мальцев должен был, если Исмаил сможет утвердить свою власть и «без страшен будет ото вселе» [14, с. 266–267]. Русская дипломатия продолжала политику отказа от общего участия в походе на Крымское ханство [Там же, с. 267]. В посланиях к Белек-Пулад-мирзе, Мухаммад-мирзе и Айсе-мирзе содержалось настойчивое требование совершать набеги на Крымское ханство [Там же, с. 269–270].

Бедственное положение Ногайской Орды не способствовало широкоформатным действиям против Крымского ханства. Напротив, начался исход ногаев с родины. Однако Исмаил-бий воспринимал отъезд ногаев в Крым, скорее, как удар по интересам Крымского ханства. По его словам, Крым – «земля кормом не сильная», а пошли к ним «люди все голодные». Бий предполагал, что бежавшие туда ногаи или вернуться в скором времени, или даже «сечу учинят», а крымцы им сами не верят [Там же, с. 277].

4 сентября 1559 г. в Москву приехал посол Исмаил-бия Аман-гилди-имилдеш, 5 сентября он находился в дьячей избе И.М. Висковатого, которому отдал грамоту [Там же, с. 291]. В этом послании Исмаил писал, что его сыновья Кутлугбай и Динбай отъехали в Крым под давлением своих улусников. Отныне Крымское ханство для Ногайской Орды стало главным врагом. Бий отправил «лехким делом войной» на крымские улусы 9 братьев. Он планировал сделать набеги на них регулярными [Там же, с. 292]. Для решительного успеха Исмаил-бий предлагал совершить совместный поход на Крымское ханство летом. Русские войска должны были идти «водой», а ногаи – степью. Определенный расчет у него был на ногайские эли, откочевавшие в Крым. По его мнению, увидев ногайскую конницу, они перейдут на его сторону [Там же, с. 293]. Тогда же стало известно, что попытки привлечь помощь Турции провалились, султан отказался вмешиваться в борьбу Крыма с Россией [Там же, с. 294–295].

В 1560 г. Исмаил уведомлял русское правительство о предпринимаемых им действиях против Крымского ханства. Так, он собирался послать в набег («лехкой войной») Якшисаат-мирзу б. Мамай-мирзы с братьями и племянниками и дает им свой «полк». До этого он отправлял в набег неких 9 братьев. Большой поход он намеревался совершить после того, как меж собой «срок учинят» [Там же, с. 297].

В апреле 1560 г. русское правительство решило активизировать свою антикрымскую операцию. На Днепр отправили черниговского наместника Д. Ржевского с крымским аристократом Тягри-берди-мирзой

кипчаком. На Дон – И. Извольского. Он должен был помогать ногаям в случае их похода на Крым. В Кабарду послали князя Д. Вишневецкого вместе с черкасскими князьями Амашиком и Сибоком [14, с. 300]. Таким образом, планировалось наносить удары по Крыму из трех мест. К тому же, русские власти встали на местах традиционных крымских кочевков, по сути, запирая крымцев на полуострове.

Русские дипломаты призывали ногаев к решительным действиям против Крымского ханства. Стрельцы для поддержки ногайской конницы стояли на Дону. По русскому плану, Исмаилу предлагалось самому возглавить поход. Переправиться на «крымскую сторону» Волги, затем идти на р. Медведицу и оттуда отправить в набег на Крым детей и племянников. При этом ожидалось, что ногайские эли, узнав о нахождении на Медведице Исмаил-бия, уйдут из Крыма и вернутся под его власть. В Москве требовали начать войну с Крымом летом 1560 г. Особо отмечалось, что сейчас наступил наиболее благоприятный момент. Если его упустить, то «тово дела зделати будет не мочно» [Там же, с. 300–301].

В целом, ногайские набеги на Крым не преследовали достижения глобальных целей. Чаще всего они ограничивались отгоном коней и захватом пленных. Так, русские гонцы Т. Тимеев «с товарищи» сообщали, что ногаи отряда Якшисаат-мирзы «лошадей много поймали» [Там же, с. 301]. В свою очередь, русские власти сводили свое участие в совместном противоборстве с Крымом к контролю речных переправ и поощрению тех ногайских мирз, что участвовали в набегах на ханство. Например, астраханскому воеводе И.Г. Выродкову указывалось перевозки взять под строгий контроль. Для оперативной переправы через Волгу он должен их держать наготове, а Исмаил-бий предупредить его о дне начала похода на Крым. Русские дипломаты сообщали, что отправили жалованье Динбай-мирзе, Якшисаат-мирзе и Дин-Али-мирзе за их набеги на Крым. На просьбу Дин-Али-мирзе прислать им по 50 стрельцов во время очередного набега на Крым было дано согласие. Особо отмечалось, что основной контингент стрельцов ногаи получают у Извольского на Дону. Посланники Русского государства регулярно настаивали либо на организации большого ногайского похода на Крымское ханство, либо на организации серии набегов силами «детей и племянников» Исмаила. В случае же отказа послать их, русские послы должны были оказывать давление на бия, отмечая, что за это русскому царю будет «вельме гневно» и дружба их «порушиться» [Там же, с. 301–302, 303–304].

Однако постепенно эта политика лишалась перспектив. Попытки создать антикрымский блок совместно с Литвой провалились [2, с. 114] и, хотя перемирие должно было длиться до марта 1562 г., стороны

фактически начали активную дипломатическую работу по подготовке войны. Новый импульс эта интрига получила в результате наметившегося сближения Великого княжества Литовского с Крымским ханством. Летом 1559 г. М. Гарабурда заключил союз с крымским ханом. Литовские послы призывали ногаев откочевать в Крым [20, с. 224–237]. Тогда русские власти для блокирования литовских инициатив решили канализировать военную энергию ногаев и черкасов против Крымского ханства.

В мае 1560 г. Исмаил-бий в своей грамоте сообщал, что эли, откочевавшие в Крым, вернулись к нему. Он констатировал ослабление крымцев и предлагал приказать ему их воевать. Однако препятствием для этого оказался Гази-мирза, укrywшийся у черкесов. Исмаил просил приказать им, чтобы они его изгнали. Некий «Юсуфов сын» укрылся у шавкал, и он также враг и Исмаилу, и русским [14, с. 313]. Высказал бий претензии и к деятельности донских воевод. Так, из Крыма шло 60 ногаев, а они их захватили в плен. Среди них оказались жена и два сына Атай-мирзы б. Саид-Ахмед-бия, а также 15 человек сына имилдеша Исмаила Тумара. Нападали они и на ногайские отряды, шедшие в крымский набег. Исмаил-бий требовал их отпустить [Там же, с. 313–314].

В ответном послании, адресованном Исмаил-бию, русские дипломаты настаивали на продолжении нападений на Крымское ханство. Если Исмаилу удастся обезопасить свой гарем и улусников, то ему рекомендовалось самому возглавить поход ногаев на Крым осенью 1560 г. В обратном случае, самому с элями прикочевать к Астрахани, а в поход послать детей своих и племянников. Русские подразделения, расположенные по Днепру и Дону, будут дожидаться ногаев до зимы. Как они подойдут, русские воеводы и головы отправятся в поход вместе с ними. Стрельцов при необходимости ногаи должны были получить на Дону у Д. Чулкова [Там же, с. 316–317]. Пищали находились в готовности в Астрахани, ногаи могли их получить при необходимости, в случае похода на Крымское ханство. Мухаммед-мирзу призывали воевать Крым и сообщали об отсылке продовольствия к нему в благодарность за нападение на Крымское ханство [Там же, с. 319]. В сентябре 1560 г. стало известно, что Урус-мирза и Ханбай-мирза во главе 13 мирз отправились в набег на Крымское ханство [Там же, с. 320].

В октябре 1560 г. «с поля» приехали служилые татары, сопровождавшие Урус-мирзу в походе на Крым. С ними следовали послы от Урус-мирзы б. Исмаил-бия, Хасанак-мирзы б. Ходжи-Мухаммад-мирзы, Каракесек-мирзы б. Хасан-бия, Шабаз-мирзы б. Джанбай-мирзы б. Исмаил-бия. Они сообщали, что в Крым бежал пленник, и поэтому ногаи с Молочных вод вернулись в Ногайскую Орду [Там же, с. 322].

Однако главным препятствием для успешных походов на Крым ногаи считали Девлет-Гирей-хана, Гази-мирзу, Юсуфовых детей и астраханцев. Исмаил призывал им не верить. По его словам, Девлет-Гирей и Гази вступили в союз, по которому Гази-мирза препятствует военным походам ногаев на Крым. Исмаил требовал изгнать Гази-мирзу из Черкес, особенно он подчеркивал, что черкесы «в твоей (русского царя. – *М.М.*) воле» [14, с. 324–325, 326]. Мухаммед-мирза клялся «до живота» быть союзником Ивана Грозного [Там же, с. 327]. Значительно больше энергии и деловитости проявлял другой сын Исмаила – Урус-мирза. Он сообщал о своем походе на Крым. На Дону к нему присоединилось 230 человек из русского отряда. Для базы они избрали Молочные воды, что располагались недалеко от Перекопа. Находились они там 5 дней. Оттуда они совершали рейды для захвата «языков». Одного из пленников упустил русский сторож, пленник бежал в Крым и привел к их базе крымское войско. Поэтому ногайско-русский отряд, опасаясь разгрома, ушел [Там же, с. 328].

Урус просил весной 1561 г. дать ему «полки многие» для нападения на Крымский п-ов. В этот раз сил, предоставленных для похода, оказалось недостаточно, что привело к «истомности» ногайского отряда, и за это мирза «гневался» на царя [Там же, с. 328]. Урус призывал прислать жалованье своим батырам, постоянно совершавшим походы на Крымское ханство: Ишим-хафизу кипчаку, Кармыш-батыру кыяту, Иш-Туру-батыру келечи. Просил особо пожаловать своего главу всех слуг Кулуш кипчака. Требовал освободить своих людей, попавших в плен к русским казакам [Там же, с. 328–329]. Крымские походы ногайских мирз и батыров вызвали благожелательную реакцию в Москве. Русское правительство просило продолжать эту практику и обещало участников походов жаловать [Там же, с. 333–334]. Вместе с тем, Москва была не готова кардинально решить проблему «Казыева улуса», на чем настаивал Исмаил-бий. Напротив, русские дипломаты пытались вовлечь это образование в борьбу с Девлет-Гиреем. Соротника Гази-мирзы Ислам-Гази призывали начать войну с крымским ханом [Там же, с. 334], а самому Гази посылали жалованье и предлагали выехать на службу в Русское государство [Там же, с. 335].

Конечно, эта практика не могла успокоить ногайские власти. 23 июня 1561 г. Исмаил требовал выбить Гази-мирзу из Кабарды, т.к. он в союзе с крымским ханом и блокирует ногайские походы на Крым. В случае, если русские власти этого не сделают, то Гази ногаев «извоюет» [Там же, с. 336]. Также возмущали ногаев случаи злоупотреблений русских властей в Астрахани и голов отрядов, разбросанных по перевозам. Так, Исмаил-бий просил об освобождении ногаев, попавших в плен. Причем

в русский плен они попадали, когда шли в набег на Крым, или в случае нападений казаков и служилых людей на ногайские кочевья, и даже просто сводились проезжавшими через орду русскими послами [14, с. 336–337]. Явно обозначился и конфликт в понимании результатов набегов на Крым. В декабре 1562 – январе 1563 г. к Урус-мирзе отправили сына боярского И.В. Шишилова. На претензии Уруса он должен был отвечать, что виновником ряда неудач крымских походов является сам мирза. Так, русскую рать на Крым не послали, потому что Урус-мирза пошел в набег, но об этом не известил русские власти. «Ино наша рать была безвестна, и, не нарядясь на рать, хто ходит?» – риторически вопрошали царские дипломаты [Там же, с. 308]. Крымскую угрозу же всячески приуменьшали. Во-первых, отмечалось, что крымские набегии случались и ранее. Во-вторых, подчеркивалась успешность противодействия набегам со стороны русских войск.

В целом, военное сотрудничество с ногаями против Крыма в это время не было организовано надлежащим образом. Взаимодействие русских и ногайских отрядов было едва отлажено. Более того, те подразделения, что царские власти разместили глубоко в степи, не гнушались нападениями на ногаев и угоном их в плен, что не единожды становилось поводом для дипломатических претензий [Там же, с. 329, 336–337]. В итоге, к 1563 г. вся эта стратегия переживает очевидный кризис и затухание обоюдного интереса к продолжению подобной «игры».

Подводя итог, можно отметить, что попытки Москвы привлечь ногаев для нейтрализации крымской угрозы не сыграли большой роли. Только со второй половины 50-х гг. XVI в. отчетливо прослеживается стройная стратегия русско-ногайского антикрымского сотрудничества. Уже с 1555 г. русский посланник Загряжский должен был склонять ногаев к военным действиям против Крымского ханства. Правда, вместе с этим, ему предписывалось отказываться от предложений совместного вторжения большими силами. Вся операция, задуманная в Москве, сводилась к самостоятельному ногайскому набегу, поддержанному отрядом русских пищальников [Там же, с. 168–169]. Идея совместного участия в борьбе с Крымом небольшими отрядами, при отказе от общего наступления большими силами, была основной в планировании этой «странной войны» [Там же, с. 188, 192, 195, 198–199]. К 1558 г. заметна эволюция русской антикрымской стратегии. Теперь ногаев призывали к совместному с черкесами нападению на ханство [Там же, с. 265], однако вектор на отказ от общего вторжения сохранялся [Там же, с. 267]. Военное сотрудничество этого периода было малоэффективным. Ногаи, переживавшие очередную усобицу (весьма глубокую) и экономический кризис, не были

способны к сколько-нибудь серьезному противостоянию с Крымским ханством. Нам известно, что Исмаил отсылал отряды мирз «лехкою войной» [14, с. 297]. Т.е. ногаи оставались верны своей тактике, используемой не только в борьбе с внешними, но и внутренними врагами, а именно – подрыву экономической базы противника. Из дипломатической документации становятся известны активные участники нападений на Крым: Якшисаат, Урус, Динбай и Дин-Али.

К 1560 г. отчетливо наметился контур сотрудничества России и Ногайской Орды: оперативное взаимодействие русских и степняков против крымцев должно было осуществляться за счет донского отряда Извольского. Воплощение в жизнь этой стратегии выявило массу проблем. Донской отряд, очевидно, плохо ориентируясь в степных реалиях, напал не только на крымцев, а также ногаев, бежавших от голода в Крым, но и на ногайские отряды, шедшие для нападения на ханство. Проблемы во взаимодействии русских и ногаев сохранялись и позднее. К 1563 г., в связи с наметившимся трендом к сворачиванию активной восточной политики, происходит прекращение выстраивания действенного русско-ногайского антикрымского военного союза. Теперь русские власти пытались добиться своих целей чисто дипломатическими средствами, что, как стало вскоре понятно, было не очень эффективно. В итоге, к концу XVI в. формируется «новое лицо» крымской политики Москвы, архитектором которой во многом стал Б.Ф. Годунов.

Библиографический список

1. Боплан Г.Л. Описание Украины / Пер. с франц. З.П. Борисюк; Ред. пер. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004.
2. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения (50-е – вторая половина 70-х годов XVI в.). Ч. 1. М., 2007.
3. Зайцев И.В. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сб. ст. в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003. С. 31–52.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.
5. Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск, 1986.
6. Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII вв. Волгоград, 2005.
7. Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI в. // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2011. № 4. С. 17–31.
8. Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 107–112.

9. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
10. Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. к печати В.И. Гальцов; Под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977.
11. Полн. собр. русских летописей. Т. 13. М., 2000.
12. Полн. собр. русских летописей. Т. 24. М., 2000.
13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
14. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.
15. Посольская книга по связям России с Турцией 1512–1564 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Д. 1.
16. Посольская книга по связям России с Крымским ханством 1523–1532 гг. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Д. 6.
17. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
18. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
19. Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 278–300.
20. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003.
21. Чингиз-наме / Пер. В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
22. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Тр. Московского гос. историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187–256.
23. Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI в. и казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Тр. Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. 71. Чебоксары, 1977. С. 25–62.
24. Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 115–135.

О.А. Патрикеева

Подготовка Императорского Таврического дворца к работе Государственной думы России (1906–1917 гг.)

Статья посвящена основным этапам работы Высочайше утвержденной Особой комиссии по приспособлению здания Императорского Таврического дворца для помещения в нем Государственной думы. Главное внимание уделяется перестройке зимнего сада Таврического дворца под зал заседаний Общего собрания нижней палаты российского парламента: уникальной технологии укладки паркета, поставкам мебели и драпировок, акустическим работам и т.д. Основу статьи составляют документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, часть которых впервые вводится в научный оборот. Сухие строки архивных документов дополняют воспоминания, письма, дневники журналистов и депутатов Государственной думы Российской империи, материалы периодической печати, помогающие воссоздать атмосферу, эмоциональный фон тех событий.

Ключевые слова: Таврический дворец, зал заседаний Государственной думы, журналисты в Государственной думе, Государственная дума Российской империи.

Таврический дворец, как известно, был построен выдающимся русским архитектором И.Е. Старовым для всесильного фаворита императрицы Екатерины II князя Г.А. Потемкина-Таврического 225 лет назад. За эти годы дворец, ставший эталоном облика русских усадеб [1, с. 5], пережил как периоды блестящего подъема, так и долгие десятилетия забвения. В 1861 г. у берега Невы была возведена высокая кирпичная водонапорная башня. Ее поставили прямо напротив Таврического дворца. В градостроительном отношении это решение оказалось крайне неудачным: массив башни и прилегающие к ней строения отрезали дворец от Невы, нарушив ансамбль, созданный в конце XVIII в.

На рубеже XIX–XX вв. Таврический занимал довольно скромное место в жизни столицы империи. У дворца не было строго определенно-го предназначения. Он стал приютом для пожилых фрейлин, в его залах ремонтировались декорации Императорских театров, реставрировались произведения живописи Эрмитажа, проводились выставки исторических портретов. Таврический дворец все более напоминал «склад забытых вещей и людей».

Однако осенью 1905 г. в судьбе Дворца произошел крутой перелом. Здесь решено было поместить первый российский парламент. Для «направления работ» по приспособлению здания Императорского Таврического дворца под размещение в нем будущей Государственной думы учреждалась Особая комиссия. Председателем ее назначили статс-секретаря Н.Ф. Дерюжинского, а общее руководство возложили на госсекретаря барона Ю.А. Иксуля фон Гильденбандта. Перестройкой внутреннего пространства руководил архитектор П.И. Шестов. При этом сохранялась надежда, что рано или поздно для Государственной думы будет построено специальное помещение. 6 октября 1905 г. Ю.А. Иксуль писал министру Императорского двора барону Фридриксу: «Имея в виду, что помещение Государственной думы в Таврическом дворце можно рассматривать лишь как меру временную, впредь до возведения для нее особого здания, я нашел нужным дать комиссии надлежащие указания, ... даже наиболее капитальные переделки во Дворце должны быть... исполняемы с таким расчетом, чтобы впоследствии Дворец мог быть без особых затруднений приведен в прежний вид» [5, л. 21]. Все работы по реставрации здания проводились на тендерной основе. Реконструкцией Таврического дворца занимались лучшие предприятия Российской империи.

Для заседаний Государственной думы отводился зал дворца, служивший ранее зимним садом. Образцом внутреннего устройства зала заседаний послужила французская палата депутатов. В полукруглом амфитеатре располагались 13 рядов кресел для членов Думы. Заказ на поставку мебели получила мебельно-столярная фабрика «Ф. Мельцер и К» – крупнейшее мебельное производство России. Предприятие выпускало дорогую высокохудожественную мебель, материалом для которой служили лучшие сорта древесины. Фабрика имела звание «поставщика Императорского двора» и выполняла заказы как частных лиц, так и всякого рода учреждений и организаций.

Зал заседаний был рассчитан на 560 мест, где каждому депутату предназначалось мягкое, обитое козьей кожей кресло с пюпитром из светлого дуба. Фирму «Ф. Мельцер и К» попросили не оснащать откидные столики углублениями для чернильниц: «А то будут ими бросаться!» [2, л. 355]. Депутатов же обязали использовать для записей не ручки, а карандаши. (Народные избранники быстро нашли выход: неугодных ораторов стали изгонять с трибуны не только криками, но и грохотом пюпитров).

На специальном возвышении подготовили места для председателя Государственной думы и двух его заместителей. У основания возвышения

установили трибуну для ораторов. «Кого искренне жаль, так это председателя, – делилась впечатлениями известная столичная журналистка С.И. Смирнова, посетившая одно из первых заседаний Думы. – Депутаты уходят курить, пить чай, а он, как привинченный, сидит на своем возвышении. Издали кажется, что он сидит в сундуке: его место обнесено дубовой загородкой» [2, л. 419].

Для украшения думского зала потребовался портрет императора, написать который поручили знаменитому русскому живописцу И.Е. Репину. «В каком формате желательно изобразить Его Величество, в каком месте, если это не безразлично для комиссии?» – просил указать художник [5, л. 46 об.]. Николая II он написал стоящим на площадке беломраморной лестницы Ливадийского дворца. За спиной государя простиралось море. Свою работу Илья Ефимович оценил в 3 000 рублей.

Значительно дороже обошлась рама для портрета. Ее спроектировали в виде отдельного сооружения, примыкающего к председательской трибуне. Раму изготовили на фабрике «Ф. Мельцер и К», учитывая, что всю мебелировку и оборудование для зала заседаний выполняла именно эта фирма в строго определенном стиле. «За одну раму к портрету столляр запросил 18 000 рублей. Отбросив лишние украшения, сторговались на четырех тысячах», – сообщала популярная столичная газета «Новое время» [3]. Фирма обязалась изготовить постамент и раму из лучшего сухого дерева и «вызолотить их червонным золотом» [Там же].

Первоначально зал заседаний не имел глухой стены, разделяющей пространство бывшего зимнего сада на два изолированных помещения. В этот период императорский портрет в монументальной раме стоял свободно между колонн, которыми поддерживались перекрытия. Позднее из драпировок создали временную перегородку, а затем и глухую стену, отделив амфитеатр с депутатскими местами от зала для баллотировки.

Поставкой оконных стекол и зеркал в Таврический дворец занималось знаменитое Северное стекольно-промышленное общество братьев А. и М. Франк. (Напомним, в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже витражи этой фирмы были признаны лучшими в мире). В одном только зале Общих собраний понадобилось установить 23 оконных блока.

Затянувшийся ремонт Таврического дворца препятствовал своевременному открытию российского парламента. В начале апреля 1906 г. его посетил знаменитый сотрудник газеты «Новое время» Михаил Осипович Меньшиков. «Кроме зала заседаний сейчас в Таврическом дворце нечего смотреть. Ничего не готово, – свидетельствовал публицист. – Меня, как журналиста, остановила оригинальная картина. Стены многих огромных комнат оклеены петербургскими газетами, очевидно – под обои.

Отовсюду глядят знакомые заголовки: “Новое время”, “Сын Отечества”, “Правительственный вестник”... Необъятная, как в океане, рябь газетных строчек. С грустью увидел я собственный фельетон и, как раз, посвященный парламенту. Вот судьба наша – публицистов! В конце концов, наше вдохновение идет на подклейку парламентских обоев. Что же – и это служба. ...Без этих распятых на стенах парламента неисчислимых фельетонов, статей, заметок не было бы и самого парламента» [3].

Реставрационная комиссия просила продлить сроки ремонтных работ ввиду их «чрезвычайной сложности». На темпы реставрации здания существенно влияла и политическая ситуация в стране. К обустройству Таврического дворца для заседаний Государственной думы приступили еще в сентябре 1905 г. в самый разгар революционных событий. Так, поставщик мебели Федор Мельцер, жалуясь на постоянные забастовки рабочих на своем предприятии, заранее предупреждал о возможном срыве сроков выполнения заказа [6, л. 19].

Корреспондента «Торгово-промышленной газеты», побывавшего в Думе накануне ее открытия, заинтересовала технология укладки паркета в зале заседаний. Дубовый паркет настелили на слой асфальта, и звук шагов по нему стал абсолютно не слышен. Связка ключей, брошенная на пол, «даже не звякнула», а упала «словно на ковер» [7]. Журналист с удовлетворением отмечал, что Думский зал вдвое больше палаты общин в Англии. «Вся зала белая, – писал он. – Белые стены, по карнизам расписанные фресками потемкинского времени, ныне подновленными, белого дуба трибуны и ложи, кресла и пюпитры, белого дуба паркет производят впечатление какой-то свежести, новизны» [Там же].

Специальная ложа в зале заседаний Таврического дворца отводилась думским журналистам. Для нее фирма «Ф. Мельцер и К» изготовила 34 удобные кресла. Однако накануне открытия I Думы под напором прессы количество парламентских корреспондентов пришлось удвоить. Понадобилось спешно оборудовать на хорах зала заседаний дополнительную «верхнюю ложу», уставив ее жесткими венскими стульями. Журналисты, вынужденные сидеть под потолком, жаловались на духоту и плохую акустику. Акустические условия зала заседаний Государственной думы и вправду были крайне неудовлетворительными. «С акустикой этой много возились, ставили перегородки, снимали их, вешали занавески и тоже снимали, – вспоминал депутат С.И. Шидловский. – Была образована даже научная комиссия для нахождения способов улучшения акустики, ...но это ни к чему не привело, и акустика оставалась такая же невозможная» [9, с. 114].

После перестройки летом 1910 г. восточной части Таврического дворца и без того не слишком хорошая слышимость в зале Общих собраний

значительно ухудшилась: произносимое с трибуны слово оставалось слышимым в течение приблизительно 5 секунд. За это время оратор успевал сказать еще 12–15 слов, и потому речь звучала невнятно и неразборчиво.

Узнав о проблемах с акустикой в Таврическом дворце, американский физик Уоллес Сэбин любезно предложил свои услуги [4, л. 18]. Сэбин прославился как основатель архитектурной акустики. В то время он как раз занимался улучшением акустических условий Конгресса США. Сэбин сформулировал понятие времени реверберации, которое до сих пор является самой важной характеристикой помещения. (Реверберация – это процесс постепенного уменьшения интенсивности звука при его многократных отражениях). Однако средств для приглашения именитого заокеанского ученого найти не удалось.

Улучшением акустики зала заседаний Государственной думы занялся профессор Н.Г. Егоров – Управляющий палатой мер и весов Российской империи. Ознакомившись с устройством большого зала германского рейхстага, Н.Г. Егоров распорядился «покрыть стену против трибун» специальными холщевыми панно, окрашенными масляной краской. Подобная конструкция, по его расчетам, способна была поглощать звук раз в 10–12 сильнее гладких оштукатуренных стен [Там же, л. 77 об.].

2 марта 1907 г. в зале Государственной думы вместе со штукатуркой и люстрами рухнула потолочная обшивка. «Неожиданное вмешательство архитектуры в политику», – иронизировала пресса того времени [8]. Заседания Государственной думы пришлось на время перенести в здание Дворянского собрания столицы. Чтобы возобновить работу парламента, три сотни рабочих сутки напролет приводили пострадавшее помещение в порядок. Для уборки помещений Таврического дворца за 300 рублей был приобретен «пылевсасывательный аппарат “Атом”» – новинка бытовой техники начала XX в. [5, л. 237 об.].

На следующий год архитектор А.А. Бруни разработал проект замены деревянных перекрытий над залом на железобетонные конструкции. Заказ был сделан Санкт-Петербургскому металлическому заводу, а изготовление стеклянного фонаря поручено Северному стекольно-промышленному обществу братьев М. и А. Франк.

В начале октября 1910 г. все работы по реконструкции зала заседаний Таврического дворца завершились, и в таком виде он просуществовал до Октябрьской революции 1917 г.

Как видим, специальное здание для Государственной думы так и не было построено. Таврический дворец, временное пристанище российского парламента, в целом, достойно справился с этой задачей.

Библиографический список

1. Андреева Е.А. История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв.) // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». 2013. № 4. С. 5–16.
2. Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь – сентябрь 1906 г. // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48.
3. Меньшиков М.О. Письма к ближним. В святая святых // Новое время. 1906. 9 апреля.
4. Об улучшении акустики в зале Общих собраний. 1910–1912 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 8. Д. 124.
5. Об учреждении Особой комиссии по приспособлению Таврического дворца для Государственной думы и общая переписка // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1.
6. По производству поставки на изготовление мебели мебельной фабрикой Ф.Ф. Мельцера // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1206. Оп. 1. Д. 55.
7. Ф.Д. Два часа в Государственной думе // Торгово-промышленная газета. 1906. 18 февраля.
8. Хроника // Речь. 1907. 6 марта.
9. Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. I.

Р.С. Закиров

О роли эсера-террориста И.П. Каляева
в российской истории

На основании анализа мемуарной литературы, архивных данных, опубликованных материалов исследуется биография эсера-террориста И.П. Каляева, эволюция его мировоззрения. Выясняются причины радикализации его взглядов, затрагивается вопрос отношения Каляева к религии. Рассматривается влияние, оказанное Каляевым на русскую культуру, отражение сюжетов его биографии в художественной литературе и кинематографе.

Ключевые слова: 1905 г., эсеры, Партия социалистов-революционеров, Боевая организация Партии социалистов-революционеров, терроризм

в дореволюционной России, И.П. Каляев, покушение на великого князя Сергея Александровича, революционно-террористическая субкультура, политический радикализм.

4 февраля 1905 г. на Сенатской площади в московском Кремле от взрыва бомбы погиб вел. кн. Сергей Александрович – дядя царя Николая II и «серый кардинал» Российской империи [12, с. 22–23]. Великий князь был символом черносотенства и охранительства, являлся сторонником и проводником жестких мер в борьбе с революцией. Во время его нахождения на посту генерал-губернатора Москва фактически была великим княжеством, на которое не распространялись законы империи [4, с. 114]. После отставки в начале 1905 г. вел. кн. Сергей Александрович сохранил за собой пост командующего войсками Московского военного округа. Он продолжал участвовать в управлении городом, регулярно посещал нового градоначальника Е.Н. Волкова, а Московское охранное отделение направляло ему донесения о выступлениях рабочих и студентов вплоть до дня его гибели [21, с. 1–2].

Бомбу в великокняжескую карету бросил член Боевой организации Партии социалистов-революционеров И.П. Каляев, который сдался полиции, был приговорен к смертной казни и повешен в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г.

Жизнь и деятельность Каляева оказала огромное влияние на революционно-террористическую субкультуру и русскую культуру в целом. Его роль в Партии социалистов-революционеров и участие в покушениях Боевой организации достаточно известны, однако значительный след, который он оставил в русской литературе и культуре, мало привлекал внимание исследователей. Между тем, образ и поступки Каляева оказали значительное влияние на современников, а к его биографии и в наше время продолжают обращаться политики и философы, писатели и поэты, художники и кинорежиссеры, и эта тема, несомненно, остается актуальной.

Основные историографические этапы данной проблемы совпадают с этапами историографии эсеровской партии как таковой: всплеск интереса в годы революции и до середины 1920-х гг., затем занявший несколько десятилетий перерыв, и новая волна публикаций уже на рубеже 1980–1990 гг. Так, после казни Каляева в 1905 г. и вплоть до революции 1917 г. выходят в свет множество посвященных ему публикаций, в основном, мемуарного характера, выпускаются открытки с его изображением и памятные листовки. Февральская революция 1917 г. вызвала новый всплеск интереса к личности легендарного террориста, и появился ряд новых публикаций.

В 1920-е гг. появились множество публикаций с упоминанием Каляева в самых различных изданиях, в т.ч. в школьных учебниках. Особенно много их появилось в 1925 г., в год 20-летия первой русской революции и убийства вел. кн. Сергея Александровича.

В частности, книга Ю. Соболева «Как и за что был убит великий князь Сергей Романов» отражает тенденцию к преуменьшению роли немарксистских партий в революционном движении в советской историографии. Рассказывая о покушениях Боевой организации на вел. кн. Сергея Александровича и министра внутренних дел В.К. фон Плеве и даже упомянув эсеровскую газету «Революционная Россия», автор ухитрился ни разу не употребить словосочетание «социалист-революционер» и не назвать имя Савинкова, хотя местами савинковские «Воспоминания террориста» воспроизведены почти дословно. Но в целом о террористах автор пишет с уважением, указывая, что на Боевой организации лежала самая тяжелая и грязная работа, убийство «наиболее гнусных и ответственных слуг царского правительства» [28, с. 6].

Работа А. Орлинского [16] написана в духе большевистской интерпретации революции 1905 г. В книге, помимо подробной хронологии и анализа событий, дается оценка убийства вел. кн. Сергея Александровича, которую можно считать официальной оценкой советской историографии: данное событие рассматривается как устранение одного из членов императорской фамилии, а не чиновника царской администрации (что противоречило официальной позиции Партии социалистов-революционеров по этому вопросу), и ставится в единый контекст с событиями 9 января 1905 г. в Петербурге (с чем эсеры, несомненно, были бы согласны).

До середины 1920-х – начала 1930-х гг. продолжают публиковаться материалы о Каляеве, в основном, мемуарных. Впоследствии, после «зачистки» идеологического поля в СССР, эти публикации прекратились. Были закрыты и многие журналы, в которых печатались бывшие политкаторжане и ссыльнопоселенцы. Изданные в 1931 г. воспоминания адвоката М.Л. Мандельштама [15], с предисловием и характерными критически-язвительными редакторскими комментариями Н.Ф. Чужака, вдоволь поиздевавшимся над индивидуализмом и мистицизмом Каляева, стали последней публикацией о Каляеве перед последующими несколькими десятилетиями забвения этой темы. За рубежом в эмигрантских журналах время от времени публиковались мемуарные материалы о Каляеве, но посвященного ему исследования не появилось и там.

Начиная с 1970-х гг. имя Каляева время от времени упоминается в исследованиях, посвященных истории Партии социалистов-революционеров. Общий контекст упоминаний таков, что террористы были лично

честными и мужественными людьми, но в целом индивидуальный террор как средство борьбы с самодержавием являлся исторической ошибкой.

С новой силой интерес к деятелям революционного движения, в т.ч. к Каляеву, возник в 1990-е гг. В 1992 г. вышла книга К.В. Гусева «Рыцари террора», которая по-прежнему освещала развитие эсеровского терроризма в дореволюционной России с позиций официальной советской историографии. Автор не только не разграничивал понятия «террор» и «терроризм», но и считал, что «бесплодность» и «историческую обреченность этого явления подтвердила история тактики индивидуального террора в России» [7, с. 5]. При этом из приведенных самим автором фактов, если отбросить его трактовки, следовали прямо противоположные выводы. В целом, критикуя тактику индивидуального террора, автор положительно относился к самим террористам, неоднократно отмечал их личное мужество и бескорыстность, искреннюю веру в дело революции, а Каляева назвал «подлинным рыцарем освободительного движения» [Там же, с. 19].

В 1990 г. в СССР впервые с 1920-х гг. были переизданы «Воспоминания» Б.В. Савинкова [25], в связи с чем имя Каляева вновь оказалось на слуху. В это время появляются несколько кратких биографий Каляева справочного характера. В последующие годы выходит множество работ по истории Партии социалистов-революционеров и ее Боевой организации, однако они не дали ничего нового в изучении личности и мировоззрения Каляева.

Особо стоит отметить работу А.С. Баранова «Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков)», который обращает особое внимание на то, что Каляев стал одним из первых террористов, чья жизнь и деятельность стала точкой соприкосновения России В.Я. Брюсова и А.А. Блока и террористической субкультуры [2, с. 188].

В современной зарубежной историографии личность Каляева почти не рассматривается. Можно отметить монографию американско-израильского исследователя А.А. Гейфман «Революционный террор в России 1894–1917 гг.» [5]. События революции 1905–1907 гг. освещаются автором с привлечением широкого круга архивных источников, в т.ч. материалов Департамента полиции. Вместе с тем, с мнением Гейфман о корыстной мотивации участников революционного движения (особенно террористов) едва ли можно согласиться. Фактически всех террористов она считает параноиками, шизофрениками и кровожадными убийцами, не признает, что у них могли быть какие-то иные побудительные мотивы, кроме жажды славы и желания удовлетворить собственную манию величия, ставятся под сомнение их личная честность и бескорыстность.

Соответственно, вопрос о массовой поддержке, которую имели в обществе революционеры и террористы, полностью игнорируется. Стремление автора свести историю революции к истории преступлений и представить весь революционный процесс как череду вымогательств, грабежей и убийств (которые якобы и были самоцелью революционеров) явно противоречит объективным данным, во всяком случае, применительно к членам Боевой организации и Каляеву.

Таким образом, несмотря на многочисленные исследования, посвященные истории революционного движения и деятельности террористических организаций в дореволюционной России, следует отметить, что личности Каляева в историографии до настоящего времени практически не уделялось внимания.

Между тем, значительная популярность Каляева в годы революции и в Советской России требует осмысления, равно как и то внимание, которое его персоналия привлекает в наши дни.

Личность Каляева (1877–1905) сформировалась на рубеже XIX–XX вв., в период нового витка борьбы революционных сил с царским режимом. Истоков его религиозности и духовных поисков проследить не удастся по причине отсутствия источников: отношение его отца и матери к религии неизвестно.

Но в остальном на формирование его личности повлияла, прежде всего, социальная среда, в которой он родился и вырос. Начало было положено общей атмосферой Варшавы с ее богатыми традициями восстаний и борьбы за свободу; бедностью семьи и примером принципиально не бравшего взятки отца; учебой в гимназии, в Московском и особенно в Петербургском университетах.

В Петербургском университете (1898–1899 гг.) началась революционная деятельность Каляева. В данный период его участие в ней ограничилось сбором средств для высылаемых студентов в рамках студенческого движения, которое, несмотря на декларируемую непримиримость и бескомпромиссность, носило характер мирного протеста. Но впоследствии взгляды Каляева постепенно радикализируются.

Причиной этого стали опять же социальные условия, в частности, распространенная практика нарушения властями законов (проявившаяся, например, в аресте Каляева за границей и выдаче его русским властям при том, что на противозаконность этих действий указало даже российское Министерство юстиции), и фактическая невозможность для Каляева продолжить образование в университете.

Во время екатеринославской ссылки (1899–1901 гг.) Каляев состоял в местной социал-демократической организации, но не принимал

активного участия в ее работе. Он все еще надеялся на продолжение образования после отбытия срока ссылки и вступил в активную переписку с властями по этому вопросу [29, л. 26 об., 29, 40]. Однако после ряда безуспешных попыток он понял, что дорога в университет для бывшего ссыльного навсегда закрыта. Более того, из ссылки его не выпустили не только для продолжения образования, но даже к больной матери, в одиночку воспитывающей несовершеннолетних детей.

Отбыв осенью 1901 г. ссылку, он первым делом направился в Петербург с целью на месте добиться восстановления в университете, прошел множество инстанций – от ректора университета до директора Департамента полиции, но безуспешно. После этого он вернулся домой в Варшаву.

Заявление, сделанное Каляевым в апреле 1905 г. в кассационной жалобе о том, что в декабре 1901 г. он вступил в екатеринославский комитет РСДРП и участвовал в демонстрации, а после намеревался совершить покушение на екатеринославского губернатора гр. Ф.Э. Келлера, другими источниками не подтверждается, отлучка его из Варшавы местной полицией (где он после возвращения из ссылки находился под надзором полиции) не зафиксирована [9, с. 12].

Поэтому трудно сказать, был ли он в действительности в декабре 1901 г. в Екатеринославе; единственное указание на это – его собственные слова, написанные им несколько лет спустя после самого события. Во всяком случае, подготовки к покушению на Келлера не было, а намерение устроить террористический акт против екатеринославского губернатора если и имело место, то было декларативным, на уровне разговоров с товарищами. Возможно, Каляев задним числом приписал себе террористические намерения в этот период с целью показать эволюцию и радикализацию своих взглядов, историю становления революционера и террориста, дав понять, что его террористические настроения имеют глубокие корни.

В начале 1902 г. он поступил во Львовский университет, намереваясь впоследствии перевестись в Берлинский университет. При этом имеется множество положительных характеристик Каляева от екатеринославских властей, а впоследствии он собственноручно написал в протоколе допроса, что он не участвовал и не будет участвовать ни в какой противозаконной деятельности [22, с. 49].

Все это свидетельствует о том, что в период с 1898 по 1902 гг. Каляев больше всего стремился к продолжению образования, и его радикализм и приверженность террористическим методам борьбы были скорее декларативными, их можно считать своеобразной данью тогдашней моде.

В екатеринославский и львовский период он «переболел» марксизмом, хотя это, скорее всего, было увлечением: есть указания на его членство в екатеринославском комитете РСДРП, но нет никаких следов его активной деятельности, в перечне изъятой при аресте в июле 1902 г. нелегальной литературы имеются издания всех революционных направлений, не только социал-демократические, а впоследствии Каляев активно выступал с критикой марксизма.

Продолжить образование за границей, во Львове и Берлине, Каляеву также не удается; летом 1902 г. его арестовывают и выдают российским властям, после чего он оказывается под надзором полиции в Ярославле. С точки зрения Департамента полиции, бывший ссыльный Каляев вез через германо-австрийскую границу несколько десятков нелегальных изданий и шифровальные таблицы неслучайно и едва ли для личного пользования; это служило явным указанием на его участие в революционном движении, соответственно, по соображениям государственной целесообразности его арест и высылка были вполне объяснимыми. Однако с юридической точки зрения Каляев во время нахождения за границей находился вне российской юрисдикции, и его задержание и выдача российским властям были незаконными. Кроме того, следствию не удалось доказать даже намерение Каляева ввезти нелегальные издания в Россию, не говоря уже о чем-то более серьезном. Соответственно, действия властей были чистейшим произволом, что не могло добавить Каляеву уважения к существующему строю.

В Ярославле, под влиянием местных народовольческих кружков, бесед с будущими товарищами по Боевой организации – Савинковым Б.В. и С.Н. Моисеенко, встреч с Е.К. Брешко-Брешковской, продолжается формирование личности Каляева и его мировоззрения. Происходит окончательный отход от марксизма в пользу народовольчества, нищестанства и мистики. В этот же период развивается и его поэтический дар.

Народовольческие идеи естественным образом привели его к участию в террористической борьбе, мысли о которой у него возникали еще за три года до этого, в Екатеринославле, и впоследствии во Львове. Этому способствовала общая общественно-политическая обстановка в России, явный кризис власти и социально-экономические проблемы в стране. Поскольку власть в России была самодержавная, а ответственность за все проблемы в стране народ традиционно и обоснованно возлагает на власть, индивидуальный террор был направлен против государственного управления и, особенно, против власти как социального института.

Идейной наследницей и хранительницей традиций «Народной воли» была Партия социалистов-революционеров, и осенью 1903 г. Каляев

становится членом Боевой организации, которая ставила себе целью физическое устранение особо опасных для революции государственных чиновников.

Концентрированной сущностью косности и жестокости самодержавной власти, по мнению революционеров, был министр внутренних дел, и первое покушение, в котором участвовал Каляев, было направлено против Плеве. Было предпринято несколько безуспешных попыток, и, хотя бомбу в карету министра в итоге бросил другой метальщик, участие в этом покушении дало Каляеву необходимый боевой и конспиративный опыт, который пригодился при подготовке покушения на вел. кн. Сергея Александровича.

О жизни Каляева за границей в период между этими двумя покушениями (июль–декабрь 1904 г.) имеется мало информации. Достоверные сведения есть лишь о жизни в Брюсселе и Париже, центрах русской эмиграции: об опротивевшем ему трактирном образе жизни, встречах с девушкой по имени Лида, нескольких беседах с товарищем по Боевой организации будущим литератором С.А. Басовым-Верхоянским.

В период участия в Боевой организации мировоззрение Каляева окончательно оформилось и радикализировалось; сентябрем 1904 г. датирована его статья с критикой марксизма [9, с. 5–7] (которая символизирует, скорее, формальный, чем фактический разрыв с социал-демократией, явно произошедший гораздо раньше), и он все более склоняется к анархическим взглядам. В частности, он критикует официальную позицию Партии социалистов-революционеров, которая отмежевалась от французского анархиста-террориста Ф.К. Кёнигштейна (Равашоля) и говорит даже, что верит в террор больше, чем во все парламенты мира [25, с. 87]; в другой раз он сказал, что «революция сама по себе уж есть террор» [3, с. 152]. Когда после покушения на вел. кн. Сергея Александровича его везли в участок, он кричал: «Убили князя, убьем и государя, весь дом Романовых и вас всех» (говоря «убьем вас всех», Каляев, очевидно, обращался к арестовавшим его агентам охраны и полицейским) [23, л. 13 об.].

Т.е. его политические взгляды были далеки от взглядов ортодоксального социалиста-революционера, и были, скорее, анархическими, однако в публичных выступлениях, на суде, члены Боевой организации (в т.ч. и Каляев) старались не высказывать своих личных взглядов и стремились проводить строго партийную точку зрения.

С политическим радикализмом Каляева парадоксальным образом сочетались его любовь к искусству и религиозность (в выпускном аттестате варшавской гимназии можно увидеть «пять» по закону божьему) [1, с. 2].

По всей видимости, его религиозность ассоциировалась не столько с православием, сколько с социалистической идеей. Во всяком случае, в период членства в Боевой организации он избавился от креста и Евангелия, но продолжал считать себя верующим человеком. В тюрьме перед казнью он отождествлял себя с Христом, который тоже принес себя в жертву ради других людей и которого тоже казнили за его веру [4, с. 93]. После того, как в прессе появились статьи с тенденциозным описанием его встречи с вдовой вел. кн. Сергея Александровича вел. кнг. Елизаветой Федоровной (говорилось, что Каляев якобы упал на колени, объявил себя верующим и раскаялся), он избавился от подаренной княгиней иконки и демонстративно отказался от соблюдения поста, видимо, не желая, чтобы его считали «кающимся грешником» [27, с. 30, 200.]

Фактическая сторона покушений на вел. кн. Сергея Александровича 2 и 4 февраля 1905 г., следствия над Каляевым, суда, кассации и казни также оказались очень интересными и яркими.

Никогда ранее перед террористом не стоял вопрос: бросить или нет бомбу в карету, в которой, кроме намеченной жертвы, находятся еще женщина и дети? Прецедентов этому не было, в работах партийных идеологов эта тема не поднималась, решение требовалось принять самостоятельно и мгновенно, и ошибиться было нельзя. Каляевым было принято правильное решение.

Прецедент убийства террористами члена императорской фамилии был: в 1881 г. народовольцами был убит император Александр II. Однако, если Александр II был устранен именно как император, олицетворявший самодержавную власть в стране, то в случае с вел. кн. Сергеем Александровичем эсеры и сам Каляев неоднократно указывали на то, что великий князь был убит не по причине принадлежности к правящему дому Романовых, а несмотря на это: занимая должности генерал-губернатора Москвы и командующего Московским военным округом, он не переставал быть великим князем. Однако в глазах общества это было покушение в первую очередь на члена императорской фамилии, тем более что накануне гибели великий князь успел уйти в отставку с поста генерал-губернатора. Судя по многочисленным отзывам на гибель великого князя, достаточным основанием для убийства был сам факт его принадлежности к дому Романовых. Провокация Департамента полиции с участием великой княгини тоже была явлением совершенно новым и беспрецедентным, равно как и вмешательство Николая II.

Таким образом, можно считать, что в биографии Каляева присутствует целый ряд ярких и уникальных сюжетов. При этом он как нельзя лучше подходил на роль героя-революционера. Безупречная биография

(небольшие изъяны вроде отца-полицейского и прошения в Департамент полиции о разрешении жить в столичных городах с целью доучиться в университете можно было не принимать во внимание), бескорыстное служение и преданность социалистической идее, бережное отношение к чужим жизням, мужественное поведение на суде и во время казни, последовательные отказы от помилования, – все это соответствовало существовавшему в массовом сознании образу «идеального революционера» и воплотилось в живой эталонный пример настоящего борца с самодержавием.

Более того, религиозность Каляева и его поэтический дар добавляли еще одну черту к образу «настоящего революционера». Религиозность и богоискательство не являлись редкостью среди революционеров и террористов начала XX в. (хотя и не были присущи их идейным предшественникам – народовольцам), что с учетом образа жизни и менталитета людей, идущих в индивидуальный террор, не вызывает особого удивления. Жизнь боевика проходила в постоянном напряжении, в разрешении дилеммы о допустимости убийства, при ежедневной угрозе собственной гибели во время покушения, от случайного взрыва заряжаемой бомбы или на эшафоте. Эти факторы являлись хорошей почвой для появления и роста религиозных исканий и мессианских настроений, тем более что у многих террористов они зарождались задолго до вступления в Боевую организацию. Однако эта, хотя и далекая от официальных канонов, но несомненная внутренняя религиозность террористов не дает возможности упрекнуть их в преследовании каких-то личных корыстных целей.

Стремление Каляева к образованию и, впоследствии, самообразованию, его интерес к поэзии и искусству, изучение последних работ современных ему мыслителей (на тот момент одним из самых актуальных философов являлся Ф. Ницше), позволяет утверждать, что участие в терроре было не результатом какого-то незнания жизни или необдуманного порыва, а являлось осознанным и взвешенным решением. Вся социально-политическая обстановка в тогдашней России и анализ имевшейся на тот момент информации вполне естественно указывали именно на такой выход, а вступление в Боевую организацию Партии социалистов-революционеров, уже осуществившую несколько более или менее успешных покушений, позволяло заняться этим на практике.

Кроме того, Каляев был писателем и поэтом, до последних дней жизни писал стихи; кроме многочисленных стихотворений, напечатанных большей частью в первой четверти XX в., в основном, посмертно, в новейшее время опубликована также его тюремная пьеса «Законом мне служила бомба» [10, с. 428–439].

Несмотря на то, что Каляев был членом одной из «мелкобуржуазных» и «непролетарских» партий, его впоследствии признала и «канонизировала» советская власть, о нем с уважением отзывался В.И. Ленин. В одной из своих статей он ссылаясь на убийство великого князя как на пример образцового политического убийства и безупречности личности исполнителя, а Брестский мир назвал «каляевской сделкой большевистского правительства» [13, с. 362].

Именем Каляева в Советской России называли пароходы и улицы в столичных и провинциальных городах, писали о нем в школьных учебниках, выпускали его биографии и сборники стихов, публиковали статьи в журналах, на основе его жизнеописания ставили пьесы и спектакли (соавтором одной из них был адвокат Каляева В.В. Беренштам), а его престарелая мать получала от ВЦИК персональную пенсию. Сенатская площадь в Московском Кремле, на которой произошло покушение на вел. кн. Сергея Александровича, также была переименована в площадь Каляева.

При этом идейные противники большевиков, в частности, оказавшиеся в эмиграции русские социалисты, также обращались к каляевскому примеру. Так, левый эсер и бывший нарком юстиции И.З. Штейнберг прямо противопоставляет «террористов героической эпохи» (лучшие качества которых, по его мнению, воплотились в Каляеве), которые «бросали *свою* (курсив в тексте. – *Р.З.*) цветущую жизнь под колесо истории», и «ремесленников террора нынешней эпохи», которые смотрят на себя «как на последний вывод эволюции» и считают, что в терроре «лучше пересолить, чем недосолить» [31, с. 181–182]. Т.е. Каляев оказался своего рода консенсусной фигурой для бывших и сущих идейных противников, оказавшихся по разные стороны идеологических баррикад и государственных границ.

Летом 1918 г. В. Брюсов, работавший тогда в Наркомпросе, обратился в ЦК РКП(б) и Совнарком с просьбой при составлении списка революционеров, которым планировалось поставить памятники к первой годовщине революции, не забыть талантливого поэта Каляева. Он по-прежнему видел в нем, прежде всего, поэта, а его участие в терроре – одну из сторон его творческой природы, не нашедшую выражения в стихах и прозе. Пожелание знаменитого поэта вскоре сбылось: на Воскресенской площади в Москве в рамках осуществления ленинского плана монументальной пропаганды появился памятник Каляеву.

Каляев оставил значительный след в русской и мировой культуре и литературе. К сюжетам, так или иначе связанным с жизнью Каляева, обращались такие писатели, как Л.Н. Андреев, М.П. Арцыбашев,

А.А. Блок, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко, философ А. Камю, А.И. Куприн, А.М. Ремизов, Б.Л. Пастернак, Б.В. Савинков, Ю.С. Семёнов, Ю.М. Нагибин, Б.Л. Васильев и ряд других авторов.

Каляевский сюжет привлек пристальное внимание Л.Н. Толстого. Хотя писатель и не одобрял убийств, но, судя по дневникам Д.П. Маковицкого, отношение Толстого к Каляеву не было отрицательным. Известно также, что Толстой читал публикации о деле Каляева в журнале «Былое» (при этом высоко оценив анонимную статью «Последний день Каляева») и неоднократно упоминал о каляевской истории в личных беседах [14, с. 50].

В октябре 1905 г. в Ясную Поляну приезжал адвокат Беренштам, с которым Толстой долго гулял и разговаривал. И хотя встречались они не по поводу дела Каляева и Толстой не одобрил книгу Беренштама «За право», увидев в ней оправдание убийств, но писатель знал, что Беренштам был защитником Каляева, и тот наверняка рассказывал Толстому о нем.

Толстой также советовал художнику И.Е. Репину написать картину на тему встречи великой княгини и Каляева в тюрьме, говоря, что это психологически очень интересно [Там же, с. 151].

К сожалению, Репин так и не взял этот сюжет, однако в 1926 г. картина «И.П. Каляев бросает бомбу в карету великого князя Сергея Александровича в Москве в 1905 г.» была написана его учеником – художником-передвижником В.С. Сварогом [26, с. 6]. Также картина «Покушение И.П. Каляева на великого князя Сергея Александровича 4 (17) февраля 1905 г.» была написана советским художником Н.И. Струнниковым.

В 1905 г. в ряде сатирических журналов появились рисунки на тему убийства великого князя. В частности, в петербургском сатирическом журнале «Зритель» [8, с. 5] был размещен рисунок, изображающий Каляева, изготавливавшего в лаборатории бомбу, в другом журнале был обыгран сюжет с городовым на Сенатской площади, который отвечал на вопросы прохожих «Кого убили?»: «Проходи, кого надо, того и убили» [6, с. 195]. Имеются и другие рисунки неизвестных авторов. Стоит отметить, что убийство великого князя было первым политическим убийством в истории Российской империи (а возможно и единственным), ставшим предметом шуток и острот.

Обратили внимание на И.П. Каляева и другие писатели и поэты. Блок в письме к В.В. Розанову причислял Каляева к «истинным героям с сиянием мученической правды на лице» [18, с. 88]. Блок был знаком с поэтическим наследием Каляева: некоторые исследователи его творчества считают, что поэма «Возмездие» написана под впечатлением стихотворений Каляева, она как бы продолжает их [Там же].

Э.К. Метнер, музыкальный критик и ближайший друг А. Белого, в письме А.С. Петровскому писал, что «в настоящий момент прав безмерно не молчаливый, как вы, по-видимому, думаете, а прав Каляев и ему подобные» (отметив также, что Каляев – это «натура очень тонкая, блоковская»), и очень досадовал, что, исполняя обязанности нижегородского цензора, не мог разрешить опубликование прощального письма Каляева к матери [20, с. 224].

Писатель Б.Л. Пастернак в 1926 г. долго колебался и не мог решить, кому посвятить свою поэму о 1905 годе – Каляеву или лейтенанту П.П. Шмидту, и, несмотря на критику со стороны М.И. Цветаевой (которая называла Каляева истинным героем того времени) и В.В. Маяковского, Пастернак все же выбрал Шмидта, т.к. ему не импонировали решимость Каляева и его убежденность в собственной правоте [24, с. 159].

По пьесе Камю «Праведники», в основе которой лежит биография Каляева, в 2003 г. поставил спектакль режиссер театра «У Никитских ворот» М.Г. Розовский.

К связанным с биографией Каляева сюжетам неоднократно обращались кинематографисты.

Так, в феврале 1905 г., буквально через несколько дней после убийства великого князя, была сделана первая попытка экранизации: неизвестными авторами была смонтирована кинолента, состоявшая из слайдов с изображениями великого князя, Каляева, места взрыва на Сенатской площади и т.п.

В 1978 г. по книге Ю.С. Семенова «Горение», в основе которой лежит биография Ф.Э. Дзержинского, был снят советско-польский фильм «Особых примет нет» (режиссер А.А. Бобровский). Эпизодическую роль Каляева в этом фильме сыграл актер А.С. Ростоцкий. Он же в 1987 г. сыграл эпизодическую роль Каляева в другом фильме – «Николай Подвойский» (режиссер Ю.А. Борецкий).

В 1991 г. был впервые экранизирован роман Савинкова «Конь бледный» (режиссер В.С. Панин), роль Каляева в котором сыграл В.А. Конкин. В августе 2012 г. любительский фильм «Иван Каляев» снял польский музыкант и поэт В. Дворжак.

В 2004 г. по мотивам романов Савинкова «Конь бледный», «То, чего не было» и его «Воспоминаний террориста» были сняты фильм «Всадник по имени Смерть» (режиссер К.Г. Шахназаров) и сериал «Империя под ударом» (С. Газаров, А. Малюков, В. Никифоров, З. Ройзман), крайне неудачные и тенденциозные.

Не вдаваясь в анализ данных фильмов (особенно двух последних) с точки зрения исторической достоверности и соответствия действительности

авторской интерпретаций событий и мотивов террористов, отмечу лишь, что хотя изображение террористов – членов Боевой организации, в т.ч. и Каляева, порой карикатурно-лубочное, исключительно тенденциозное и не выдерживает никакой критики, несомненно огромный авторский и читательский интерес, который до сих пор вызывает эта тема.

В биографии Каляева множество поразительных жизненных поворотов, совпадений, которые иначе как мистическими не назовешь. Например, гр. П.П. Шувалов, лично знавший великого князя и присутствовавший в качестве зрителя на процессе Каляева, вскоре стал московским градоначальником (должность, которую когда-то занимал великий князь) и был застрелен товарищем Каляева П.А. Куликовским, при обыске у которого обнаружили фотографию Каляева. Судили Каляева в том самом здании, перед которым он за два месяца до того убил великого князя, и вот Каляев ждет начала судебного заседания, и смотрит в окно на место покушения. Крест работы В.М. Васнецова на площади еще не появился, но были временные деревянные ограда и крест на месте гибели великого князя – из окна третьего этажа все как на ладони.

Или вот еще интересный сюжетный поворот: Каляев и один из судей, сенатор С.Э. Зволянский, ранее уже встречались. Зволянский до 1902 г. занимал пост директора Департамента полиции, а Каляев, пытаясь восстановиться в университете, осенью 1901 г. с соответствующим прошением ходил к нему на прием. Узнали ли они друг друга во время судебного заседания, неизвестно: ни Зволянский, ни Каляев ничего об этом не написали.

Прокурором, который приехал в Шлиссельбургскую крепость добиваться от Каляева прошения о помиловании, оказался А. Федоров, однокашник Каляева по Московскому университету. Его командировал с этой миссией директор Департамента полиции С.Г. Коваленский, который, в свою очередь, получил соответствующее указание лично от Николая II [17, с. 205].

Подводя итог, можно сделать вывод, что Каляев стал частью не только российской истории, но и российской культуры. Революционная деятельность, террористический акт, суд, заключение, казнь, – каждому из этих событий он вольно или невольно придал какую-то эстетику, глубину, сделал частью не только истории, но и культуры.

Библиографический список

1. Аттестат зрелости И.П. Каляева // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5831 (Б.В. Савинков). Оп. 1. Д. 557.

2. Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 181–191.
3. Басов-Верхоянский С.А. Из давних встреч // *Печать и революция*. 1925. № 5–6. С. 151–160.
4. Беренштам В.В. В боях политических защит. М.–Л., 1925.
5. Гейфман А. Революционный террор в России 1896–1917. М., 1997.
6. Гессен И.В. В двух веках: Жизненный отчет // *Архив русской революции*. Т. 22. Берлин, 1937.
7. Гусев К.В. Рыцари террора М., 1992.
8. Зритель. 1905. № 3. С. 5.
9. Иван Платонович Каляев. Б.м., 1905.
10. Каляев И.П. Законом мне служила бомба // *Московский архив: историко-краеведческий альманах*. Вып. 2. М., 2000.
11. Кассационная жалоба И.П. Каляева на приговор Особого присутствия правительствующего Сената // *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)*. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 568.
12. Колосов А. Смерть Плеве и великого князя Сергея Александровича. Berlin, 1905.
13. Ленин В.И. О чесотке // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 35. М., 1958. С. 361–364.
14. Маковицкий Д.П. [Дневник] 1908 г. // *Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн.* М., 1979–1981 (Литературное наследство. Т. 90). Кн. 3: 1908–1909 (январь–июнь). 1979. С. 7–291.
15. Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах: записки защитника. М., 1931.
16. Орлинский А. Первая русская революция (1905 год). М., 1925.
17. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
18. Петрова М.Г. Блок и народническая демократия // *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 4. С. 75–122.
19. Письмо И.П. Каляева Б.В. Савинкову (предположительно). Октябрь 1904 г. // *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)*. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 561.
20. Письмо Э.К. Метнера к А.С. Петровскому от 27 мая 1905 г. // *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 3. С. 224.
21. Представления его Императорскому Высочеству великому князю Сергею Александровичу // *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 63 (Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении московского градоначальника). Оп. 25. Д. 21.
22. Протокол допроса И.П. Каляева от 7 октября 1902 г. // *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 222 (Канцелярии прокурора варшавской судебной палаты). Оп. 1. Д. 7.
23. Протокол допроса агентов московского охранного отделения Евсева и Родионова от 5 февраля 1905 г. // *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 63. Оп. 25. Д. 250.
24. Рильке Р.М. Б. Пастернак. М. Цветаева. Письма 1926 года. М., 1990. С. 159.
25. Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990.

26. Сварог В.С. Иван Каляев бросает бомбу в карету вел. князя Сергея Романа в Москве в 1905 г. // Открытка из каталога художественных открытых писем и художественных изданий. М., 1933. С. 6. № 48.
27. Сведения, переданные сенатором Е.Б. Васильевым министру юстиции С.С. Манухину // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124 (Министерство юстиции) Оп. 67. Д. 591а.
28. Соболев Ю. Иван Каляев. Как и за что был убит великий князь Сергей Романов. М., 1924.
29. Ходатайства И.П. Каляева на имя министра внутренних дел // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 99. Д. 2369.
30. Ходатайство следователя К.М. Головни от 5 марта 1905 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124. Оп. 67. Д. 591а.
31. Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923.

М.В. Барабанов

Приближая «постсоциалистическую» трансформацию в странах Восточной Европы: о некоторых «исторических предпосылках»

В статье рассматриваются некоторые негативные аспекты экономических отношений восточноевропейских стран, входивших в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), и стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС), политика руководства КПСС и СССР периода «перестройки» по отношению к социалистическим европейским странам – все те значимые, на взгляд автора, объективные обстоятельства, приведшие эти страны, в конечном счете, к отказу от социализма и переходу к «постсоциалистической» трансформации.

Ключевые слова: социалистическое разделение труда, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), западноевропейская интеграция, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), «Общий рынок», формы экономических отношений, «постсоциалистическая» трансформация.

В подавляющем числе работ как зарубежных, так и российских исследователей утверждается мысль, что системная «постсоциалистическая» трансформация в странах Центральной и Восточной Европы, входивших в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), не импортирована и не навязана им, а «порождена их глубинным, полифакторным развитием» и «вызрела внутри них» [13, с. 69–76]. Это утверждение не оспаривается; оно стало уже аксиомой и констатацией важнейшей исторической предпосылки в переходе этих стран к новой «рыночной и демократической» модели развития.

При этом о других «исторических предпосылках» пытаются не говорить. В частности, о тайных и нескрытых планах западных стран по

приближению этой трансформации в европейских странах Совета экономической взаимопомощи, стараются умалчивать. Но, как говорится, со временем все тайное становится явным. Сегодня у исследователей достаточно документов и фактов, чтобы утверждать: «системная трансформация», проведенная в конце XX – начале XXI вв. в постсоциалистических европейских странах, задумывалась на Западе давно, и к ней тщательно готовились.

В далеких 60-х гг. XX в. на Западе, конечно, не могли мечтать о том, что через всего лишь двадцать лет социалистических стран в Европе не будет. Но уже тогда начали формироваться принципиальные целевые установки Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в отношении к восточноевропейским странам, находившимся в Совете экономической взаимопомощи, – используя экономические и финансовые проблемы в восточноевропейских странах, привязать к себе их экономики.

Конечно, в официальных документах «Общего рынка» эти цели не упоминались; как писал Д. Кеннан, «европейский “Общий рынок” не отразил этого момента ни в букве, ни в духе своего устава» [14, р. 35]. Но реальная политика ЕЭС на протяжении многих лет демонстрировала названные «целевые установки».

Еще в марте 1962 г. в США на международной конференции западноевропейские и американские ученые настоятельно рекомендовали правительствам стран «Общего рынка» взять курс на постепенную интеграцию экономик восточноевропейских стран в «общерынковскую» экономику с последующим включением некоторых стран Восточной Европы в «Общий рынок» [15, р. 228]. Через несколько месяцев в тех же США эта рекомендация вновь будет озвучена [16, р. 150].

Идеологи поэтапного вовлечения восточноевропейских стран в «интегрированную Европу» разрабатывали различные способы реализации этого вовлечения. В частности, учитывая тесные связи стран Восточной Европы с нейтральными странами – Австрией и Швейцарией, французский аналитик П. Друэн предлагал в 1963 г. через прием этих «нейтралов» в ЕЭС выйти на сближение с их социалистическими соседями [17, р. 289]. Но этим идеям в то время не суждено было сбыться.

Тогда в ЕЭС приступают к реализации плана переориентации внешней торговли стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) на рынки стран ЕЭС. При этом руководство «Общего рынка» вводило официальные ограничения и запреты на внешнеэкономические отношения в целом между ЕЭС и СЭВ. Но торговые отношения отдельных стран «Общего рынка» с отдельными странами СЭВ не возбранялись. Например, объем экспорта ФРГ из ГДР и других социалистических стран Восточной

Европы увеличился в 1965 г. на 23% по сравнению с уровнем 1964 г., а импорт – на 20% [9, с. 3–19]. И за срыв «согласованных решений» об ограничении торговли ФРГ не была наказана.

В первой половине 1970-х гг. Европейское сообщество по-прежнему вело «дифференцированную игру» в экономических отношениях со странами СЭВ, игнорируя прямые контакты между СЭВ и «Общим рынком». Впрочем, и СЭВ не шел навстречу ЕЭС.

Касаясь сотрудничества Запада и Востока, исследователь А. Бланк писал в 1974 г., что каждое капиталистическое государство Европы развивает отношения с Востоком, исходя якобы «из традиций прошлого, соседства, имеющихся возможностей, собственной ориентации» [18, р. 39–51]. Другой западный исследователь З. Земан был более откровенен. Говоря об экономических отношениях Запада и Востока, в частности, о совместных предприятиях и экономической кооперации, он считал, что эти формы экономических связей могут способствовать рационализации экономики стран Восточной Европы и привнести в их экономику ряд «западных качеств» [19, р. 1].

При этом сторонников расширения связей с европейскими социалистическими странами не пугало возможное усиление «экспансионистских устремлений Востока», поскольку они были уверены в экономическом превосходстве Запада [20, р. 93]. Тем не менее, страны ЕЭС вместе с США не допускали продажу в восточноевропейские страны «стратегических товаров», передачи современных технологий, сознательно, таким образом, тормозя их экономическое развитие.

В период с 1970 по 1975 гг. в большинстве стран СЭВ отмечалось бурная динамика роста импорта из развитых европейских стран, в т.ч. из стран ЕЭС. Это явление частично объяснялось предоставлением западных кредитов, позволивших социалистическим странам увеличить импорт. Но эти кредиты загоняли европейские социалистические страны в «долговую ловушку». К тому же рос дефицит торгового баланса стран СЭВ.

Что касается самих социалистических стран, то там в 1970-е гг. в расширении взаимной торговли со странами ЕЭС ничего опасного не виделось: наоборот, это рассматривалось как некая диверсификация внешнеэкономических связей; более того – как необходимое условие участия в международном разделении труда.

Курс на «экономические и научно-технические связи с другими странами, независимо от их общественного и государственного строя» был подтвержден на XXVI съезде КПСС, состоявшемся в 1981 г. [6, с. 195–196]. В Комплексной программе социалистической экономической интеграции отмечалось, что страны-члены СЭВ, исходя из того, что «международное

социалистическое разделение труда строится с учетом всемирного разделения труда» будут продолжать развивать экономические отношения с западными странами «на принципах равноправия, взаимной выгоды и соблюдения суверенитета» [6, с. 195–196].

В начале 1980-х гг. на европейские страны, важнейшие из которых входили тогда в интеграционные объединения СЭВ и ЕЭС, приходилось, по утверждению советских исследователей, почти 90% всех торгово-экономических связей государств с различным общественным строем [4, с. 17]. Это давало основания коммунистическому руководству СССР и восточноевропейских стран полагать, что Европа сможет играть положительную роль в деле дальнейшего развития экономического сотрудничества между странами с различным общественным строем.

Формирование внешнеэкономической стратегии государств ЕЭС по отношению к странам СЭВ явилось результатом разнонаправленного действия целого ряда факторов, утверждали советские исследователи. Они обращали внимание на «непоследовательный, противоречивый характер мер государств ЕЭС в отношении стран СЭВ» [Там же, с. 187]. Отстаивая свои принципиальные, жизненные интересы, государства «Общего рынка» отвергли якобы навязываемую им со стороны США «экономическую войну» против стран социализма как «контрпродуктивную». Вместе с тем, по вопросам второстепенного значения они пошли, писали советские авторы, на уступки требованиям своего атлантического союзника по НАТО и ввели ряд ограничений на торговлю со странами СЭВ.

В целом же, советские исследователи подчеркивали, что в ЕЭС стал преобладать «деловой, прагматический подход к развитию торгово-экономического сотрудничества с социалистическими странами [Там же, с. 188–189]. Сегодня ясно, что приведенные суждения и утверждения были далеко не полными и не объективными.

В планах западноевропейской интеграции всегда присутствовала перспектива вхождения и восточноевропейских стран в будущее общеевропейское интеграционное объединение [11; 12; 21; 22]. Это первое направление деятельности «Общего рынка» по отношению к восточноевропейским странам. Вторым направлением, считает российский исследователь И.И. Орлик, явилась торговая дискриминация этих стран. Две эти противоречивые тенденции по-разному проявлялись, по мере усиления одной несколько отодвигалась другая, а затем – наоборот, пишет упомянутый автор. Но обе они служили одной и той же цели, утверждает Орлик, – оказать влияние на страны Восточной Европы [10].

Конечно, сбой в реализации модели «социалистического разделения труда», трудности и проблемы в экономиках восточноевропейских стран,

хозяйственные изъяны экономической модели их развития и многое другое, – все это толкнуло их в 1980-е гг. на путь форсированного расширения торговых связей со странами ЕЭС.

Польша, Чехословакия и Венгрия, к примеру, тянулись к ФРГ. Кстати, названные страны воспринимались в ФРГ как «естественное поле» немецких интересов. Правда, в 70-е – первой половине 80-х гг. XX в. доля ФРГ во внешнеторговом обороте с социалистическими странами – Польшей, Венгрией и Чехословакией – была незначительной – менее 1% с каждой из стран [23, р. 266, 593]. Но сотрудничество социалистических стран с ФРГ не ограничивалось торговлей. Предприятия Венгрии, Польши и Чехословакии активно участвовали в производственной кооперации с западногерманскими компаниями, в результате чего в экспорте этих стран в ФРГ преобладала готовая продукция [5, р. 91].

Особенно активны были внешнеторговые связи ФРГ и ГДР. Некоторые политики и аналитики ФРГ вообще эти связи считали не внешней, а внутривосточной торговлей.

Каждый год ФРГ предоставляла ГДР кредиты, под которые закупались товары. Предоставляли также обычные коммерческие кредиты, достигшие в 1984 г. 950 млн. марок, а также кредиты для автомобильных перевозок из ФРГ в Западный Берлин. Пользуясь этими финансовыми возможностями, ГДР смогла уменьшить свою внешнюю задолженность с 11 млрд. дол. в 1981 г. до 7–8 млрд. дол. в 1984 г. [24, р. 66].

Ряд отраслей ГДР в очень значительной степени ориентировали свою деятельность на западногерманский рынок. В частности, 50% производимых в ГДР текстильных товаров и одежды вывозилось в ФРГ.

ФРГ также извлекала из внутривосточных отношений экономические и политические выгоды, утверждали западные аналитики. Политические выгоды, по их мнению, состояли в том, что ФРГ получала в обмен на кредиты политические уступки. В частности, она добилась от ГДР разрешения на выезд жителей в ФРГ. В 1984 г. их число составило около 40 тыс. Западногерманские предприятия также получали выгоды. Вследствие повышения курса доллара, они зачастую предпочитали закупать товары в ГДР, а не в тех странах, валюты которых более или менее были привязаны к доллару [24, р. 66].

В начале 1980-х гг. росла задолженность стран СЭВ. По данным Банка международных расчетов, задолженность шести европейских стран СЭВ составила в конце 1981 г. более 36 млрд. дол. [25, р. 4]. Согласно американским расчетам, на конец 1982 г. задолженность Болгарии была равна 1,77 млрд. дол., Чехословакии – 3,26 млрд., ГДР – 11,09 млрд. дол., Польши – 23,26 млрд., Румынии – 9,4 млрд., Венгрии – 7,03 млрд. дол. [25, р. 5].

Расширение торгово-экономического сотрудничества социалистических стран Восточной Европы со странами ЕЭС, получение от них займов, субсидий и т.п. сопровождалось постепенно отказом от монополии государства на внешнеэкономическую деятельность. Все эти объективно необходимые действия властей восточноевропейских стран носили непродуманный характер. Предприятия и объединения фактически еще не располагали такими возможностями, которые позволили бы им вступить в прямые связи с зарубежными партнерами.

Таким образом, Запад умело превращал различные формы экономических отношений в инструменты постепенной трансформации экономик социалистических стран в своих экономических и политических интересах.

Во второй половине 1980-х гг. особо остро встала проблема реформирования Совета экономической взаимопомощи. Но, к сожалению, кроме общих разговоров советского руководства о необходимости этого шага [7], дело дальше не пошло.

В записке Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева Политбюро «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами» [8, с. 315] главное внимание было сосредоточено на реформе механизма внешнеэкономических отношений. Все более очевидным становилось несоответствие структуры экономического и научно-технического сотрудничества потребностям развития социалистических стран. Эта структура практически не менялась на протяжении многих лет: примерно две трети всего содействия европейским социалистическим странам приходилось на 5–6 ресурсоемких отраслей, в основном, тяжелой промышленности, а также транспорта и связи [1].

Общий уровень оказываемого Советским Союзом научно-технического содействия социалистическим странам оказывался явно несоизмеримым с их потребностями. Об этом, в частности, говорилось в записке ИЭМСС «Об эффективности экономического и технического содействия СССР социалистическим странам» [1]. В последних с начала 1980-х гг. осуществлялась серьезная перестройка структуры экономики, значительное развитие получали передовые технологии, а развитие энерго- и материалоемких отраслей замедлялось. Советское же техническое содействие не было ориентировано на поддержку новых тенденций.

В ноябре 1986 г. в Москве состоялась встреча в верхах по проблемам экономического сотрудничества в рамках СЭВ. Ее участники указывали на несовершенство самой экономической модели, действовавшей в странах социалистического содружества, на «пороки экономической политики, не обеспечивающей оптимальное соотношение эффективности

и социальной справедливости, социальных программ и стимулов к труду» [8, с. 315]. Таким образом, можно утверждать, что были поставлены под сомнение основополагающие принципы, которыми в предшествующие десятилетия руководствовались в своей политике правящие коммунистические партии.

В горбачёвском руководстве начинают возникать представления о том, что союзники стали «обузой» и от них лучше бы «дистанцироваться» – это позволило бы снять ответственность за положение в этих странах [2, с. 475]. В значительной степени указанной логикой было обусловлено и решение советского руководства на перевод торговых отношений со странами СЭВ на конвертируемую валюту, что нанесло им сильнейший удар [1].

Нарастающие противоречия между социалистическими странами, их неготовность к реформированию СЭВ привели к его роспуску; в 1990 г. Совет экономической взаимопомощи перестал существовать. Это привело к неуправляемому резкому свертыванию всех форм взаимного сотрудничества между странами СЭВ в торговой, производственной, научно-технической сферах. Таким образом, можно с полным основанием считать, что одной из «исторических предпосылок» отказа стран Восточной Европы от социалистической модели развития является политика тогдашнего руководства КПСС и СССР.

В таких условиях не только для новой элиты восточноевропейских стран, но и для коммунистической номенклатуры стало ясно: «социалистическая модель» доживает последние дни.

После роспуска СЭВ на определенное время возникла эйфория по поводу снятия «оков» «социалистического разделения труда». Ожидали, что расширившиеся возможности экономического сотрудничества восточноевропейских стран с Западом принесут им существенные дивиденды в виде инвестиций, кредитов и т.п. Однако этого не произошло.

К тому времени, пожалуй, только Венгрия и Польша получили более или менее существенный приток новых инвестиций, все остальные страны Восточной Европы испытывали острейшую нехватку финансовых ресурсов. Начавшийся в них экономический кризис и отношение к нему Запада показало, что западному рынку экономики уходящих в небытие социалистических стран были не нужны. Западные инвесторы не считали и не могли считать Восточную Европу «привлекательной сферой» приложения капитала.

Отсюда сам собой напрашивался вывод для восточноевропейских стран – без окончательного отказа от социалистической модели (даже с «человеческим лицом»), без радикальных изменений в политической

и экономической сферах, без экономической помощи западных стран не обойтись. Начинается период «посткоммунистической» трансформации восточноевропейских стран.

Что касается Запада, то он праздновал победу и был готов «использовать исторический шанс объединения Европы на принципах, господствовавших в ее западной части» [3, с. 52].

Таким образом, крах социалистической модели развития в странах Восточной Европы был связан не только с изъянами самой этой модели, а переход восточноевропейских стран к постсоциалистической трансформации был обусловлен не только их «глубинным, полифакторным развитием», но и с долготелными экономическими и политическими действиями ведущих западных стран, объединенных, прежде всего, в ЕЭС, а также бездумной политикой Горбачева и его соратников.

Библиографический список

1. Барановский В., Шмелев Б. Эпоха радикальных преобразований // Новая Польша. 2010. № 7/8. С. 3–18.
2. Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.
3. Глинкина С.Л. Центрально-восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 46–65.
4. Крюгер О.И. Торгово-экономические связи между странами СЭВ и ЕЭС (критический анализ буржуазных взглядов): Дис. ... канд. экон. наук. М., 1983.
5. Кузнецов А.В. Мирохозяйственные связи германских компаний. М., 2004.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
7. Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994.
8. Михаил Горбачёв. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995.
9. Орлик И.И. Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3–19.
10. Орлик И.И. Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=59591> (дата обращения: 07.08.215).
11. Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. И.И. Орлик. М., 2015.
12. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в.: В 3 т. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000.
13. Яжборовская И.С. Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008.
14. Foreign Affairs. 1964. January. 35 p.
15. Berlin and the Future of Eastern Europe. Chicago, 1963.
16. France and the European Community. Ohio State University Press, 1964.
17. Drouin P. L'Europe du marché commun. Paris, 1963.

18. Blanc A. L'Europe socialiste. Paris, 1974. P. I. Ch. 3. Les relations avec les pays de l'Ouest. P. 39–51.
19. Herlach M. Joint ventures in East Europe. Prentice-Hall, 1990.
20. Knirsch P. Ost-West-Wirtschaftsbeziehungen zwischen Kooperation und Konfrontation // Europäische Rundschau. Wien, 1984. Jg. 12. № 4. S. 83–102.
21. Brzezinsky Z. The Soviet Block. Unity and Conflict. Cambridge, 1960.
22. Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. NY, 1953.
23. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1982.
24. Le «german connection» // Usine nouvelle. 1985. 4 avril. № 14. P. 66–68.
25. Bethkenhagen J., Machowski H. Commerce Est – Ouest; La stagnation après l'expansion // Problèmes econ. 1984. 14 mars, № 1865. P. 2–9.

Н.И. Винокуров, Л.Ю. Пономарёв

Городище Артезиан в эпоху средневековья (по результатам археологических исследований)

В статье анализируются находки, которые позволяют реконструировать малоизученные периоды в средневековой истории городища Артезиан (Керченский полуостров). Наиболее ранние из них относятся к ранневизантийскому периоду и датируются VI–VII вв. Следующая группа охватывает вторую половину X–XIII вв., период, на протяжении которого степи Керченского п-ва контролировали печенеги, а потом половцы. Остальные находки датируются XIV–XVIII вв. Большой частью они связаны с позднесредневековым поселением, остатки которого прослеживаются в северной части городища.

Ключевые слова: Керченский полуостров, городище Артезиан, салтово-маяцкая культура, амфора, фибула, наконечник стрелы, печенеги, половцы, ранневизантийский период.

Античное городище Артезиан, расположенное на территории одноименного урочища в северной части Керченского п-ова, исследуется с 1989 г. [17, рис. 4]. Как и многие другие открытые в пределах Керченского п-ова античные городища и поселения, оно представляет собой многослойный памятник, в напластованиях которого зафиксировано несколько стратиграфических горизонтов [15]. Наиболее ранний из них прослежен на уровне погребений в ямах, представлявших собой остатки курганного могильника эпохи энеолита, насыпи которого были скрыты в античный период. Следующую эпоху маркируют «жилые» горизонты античного времени с общими хронологическими рамками в пределах IV в. до н.э. – начала IV в. н.э. Верхний зафиксированный на городище «жилой» горизонт относится ко времени существования на его

территории салтово-маяцкого поселения второй половины VIII – первой половины X вв. Вследствие недостаточной изученности и плохой сохранности, его размеры, планировка и инфраструктура реконструируются с большими допущениями. Тем не менее, есть все основания полагать, что, как и все остальные исследованные салтово-маяцкие поселения Керченского п-ова, оно представляло собой неукрепленное селище с обособленными и хаотично расположенными постройками. В центральной и южной части поселения раскопаны полуземлянки, жилые постройки с каменным фундаментом, загоны для скота, хозяйственные ямы, разнообразные ритуальные комплексы и одиночные захоронения в грунтовых могилах [16, с. 63]. Некоторые из них уже введены в научный оборот [18, с. 160–195; 19, с. 28–42], по другим в ближайшее время будет подготовлена серия отдельных публикаций.

В данной работе основное внимание уделено немногочисленным средневековым находкам, для которых не удалось пока обнаружить хронологически соответствующего им археологического контекста. Наиболее ранние из них относятся к ранневизантийскому периоду и могут быть датированы VI–VII вв. Следующая группа находок характеризует слабоизученную для Керченского п-ова эпоху – вторую половину X–XIII вв. И, наконец, последний период, с нижней границей в пределах XIV в. (или конца XIII в.), представлен находками, связанными с позднесредневековым поселением в северной части городища.

В ранневизантийский период немногочисленное население Керченского п-ова предпочитало, видимо, селиться как можно ближе к берегу моря, а внутренние его районы оставались практически пустынными [34, с. 212, рис. 1]. На городищах и поселениях, расположенных вдали от морского побережья, следы пребывания человека в это время фиксируются, как правило, в виде отдельных находок. При этом большая часть из них выявлена среди подъемного материала, или включена в качестве примеси в несоответствующие им по времени напластования.

Не является исключением и городище Артезиан площадью около 7 га, расположенное в 4,5 км к востоку от берега Азовского моря. В пределах его исследованной территории (6720 кв. м) и на прилегавшем к нему с востока античном некрополе площадью более 15 га обнаружены только две находки, относящиеся к ранневизантийскому периоду. Одна из них – серебряная подвязная фибула, найденная на городище в слое второй половины VIII – первой половины X вв., вторая – амфора VI–VII вв., выявленная на античном некрополе.

Амфора обнаружена в выбросе древнего грабительского шурфа, разрушившего позднеантичную грунтовую могилу 39/2001 [17, с. 46,

рис. 168, 1]. Изготовлена она из глины красного цвета, оранжевого и лилового оттенков, с примесью частиц карбонатов, шамота и железистых минералов. Поверхность покрыта жидким ангобом светло-бежевого оттенка. Тулово сигарообразной формы, с едва заметным перехватом в средней части. Ручки с хорошо выраженным гребнем на верхней плоскости и желобками по бокам от него.

В последнее время такие амфоры обычно датируют VI–VII вв., однако генезис их морфологического типа и время появления его позднего варианта (тип *Orait B-1d*) еще остаются предметом дискуссии [21, с. 52; 41, с. 24–25; 42, с. 109; 45, р. 28–29]. На Керченском п-ове они найдены в комплексах второй четверти и второй половины / конца VI – третьей четверти VII вв. [20, с. 130–131, рис. 30а, 15; 36, рис. 1, 1, 5; 42, с. 109, рис. 9, 1–4; 46, Fig. 24].

Помимо амфоры, но уже на территории городища, в слое темно-коричневого суглинка второй половины VIII – первой половины X вв., найдена серебряная фибула с подвижным приемником. Ее пластинчатая дуговидная спинка украшена рельефным орнаментом в виде косых крестиков, нанесенных в два ряда и разделенных рельефными вертикальными поясками. Ножка украшена таким же орнаментом, но крестики расположены в один ряд.

Немногочисленные находки однотипных фибул в Крыму известны по находкам в могильниках горной части полуострова, юго-западного предгорья и южнобережья [3, с. 133–134, рис. 6, 1–3; 4, с. 60–61]. Первые они были найдены в могильнике Суук-Су [40, с. 116–118, 143, 146, рис. 111–113]. Ю.В. Кухаренко и В.К. Пудовин датировали их VI в. и концом VI – началом VII вв. [29, с. 145; 39, с. 184–185], А.К. Амброз отнес к III хронологическому этапу, ограничив временные рамки первой четвертью VII в. [7, с. 114; 8, с. 6, 10, 11, рис. 1]. В этих же пределах погребения с подвижными фибулами из могильника Суук-Су датировал А.И. Айбабин [1, с. 21, 178, рис. 2]. Однотипные фибулы найдены им в погребениях седьмой и восьмой группы могильника Лучистое, совершенных, как полагает исследователь, между второй половиной VI – первой половиной VII вв. [5, с. 26, 36, 55, 57, рис. 16–19, 28].

Уточнить дату фибулы с городища Артезиан позволяют близкие ей по морфологическим признакам и декору фибулы, найденные в погребении 17 склепа 122А могильника Лучистое и подбойной могиле 155/2 могильника Суук-Су [1, с. 21, 178, рис. 2; 5, с. 26, 55, 57, рис. 16, 18].

Таким образом, фибула и амфора могли попасть на городище Артезиан и его некрополь примерно в один и тот же период. К сожалению, не только «жилых» горизонтов и строительных комплексов, но и отдельных

фрагментов керамики ранневизантийского периода на исследованных участках городища Артезиан обнаружить пока не удалось. Но, учитывая находку фибулы и амфоры, можно предположить, что его территория, как минимум, изредка посещалась в VI–VII вв.

Столь же немногочисленны археологические свидетельства посещения городища Артезиан в период господства в степях Керченского п-ова печенегов и половцев. К их числу относится только одна находка – византийская бронзовая монета периода правления императора Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), найденная в слое второй половины VIII – первой половины X вв.

Напомним, что все салтово-маяцкие поселения Керченского п-ова были оставлены жителями не позднее первой половины X в., и оседлое население надолго покинуло этот регион [32, с. 37]. К середине X в. степные районы Крыма оказались под контролем печенегов, на что предельно ясно указывают границы их кочевий – «Пачинакии», пролежавшие, согласно Константину Багрянородному, в непосредственной близости от Херсона и Боспора [26, с. 36–37, 40–41, 156–157]. В конце XI в. в Крыму появляются половцы, а к середине XII в. под их контролем оказались не только степи, но и южнобережные районы Крыма [2, с. 277; 9, с. 266]. Следы пребывания печенегов и половцев в Крыму прослеживаются, в основном, благодаря их захоронениям в курганах и каменным изваяниям. На Керченском п-ове погребений средневековых кочевников раскопано немного, но такая задача, собственно говоря, никем из исследователей еще не ставилась [38, с. 385–386]. Одно из них, впущенное в насыпь кургана могильника Чистополье-1, обнаружено южнее городища Артезиан [15, рис. 12, 2]. В его окрестностях был также найден железный наконечник стрелы ромбической формы с упором, датирующийся XII–XIII вв. [35, с. 68–69, тип 48].

В пользу того, что печенеги, а затем и половцы, полностью контролировали степи Керченского п-ова, свидетельствует и тот факт, что за пределами городской территории Боспора не выявлено ни одного поселения, которое можно было датировать серединой X–XIII вв.

Впрочем, на некоторых античных и салтово-маяцких поселениях обнаружены единичные находки, относящиеся к этому периоду. Так, в одном из шурфов, заложенных Ю.Ю. Марти на городище Киммерик (г. Опук), были найдены три медные монеты императора Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), а на городище Тиритака – херсоно-византийская монета Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) [28, с. 33, № 200; 33, с. 108–109]. В Керчи (за пределами городской территории Боспора) найдены золотые монеты – солид Константина VIII и Романа II (945–959 гг.) и солид Никифора II Фоки (959–969 гг.), но визуальным обследованием

и шурфовкой на месте их обнаружения культурный слой этого периода выявлен не был. К разряду таких «случайных» находок можно причислить и монету Иоанна Цимисхия с городища Артезиан. Любая попытка объяснить, каким образом она здесь оказалась, будет являться пока не более чем рабочей гипотезой.

Оседлым населением Восточный Крым был вновь освоен только к концу XIII в. – 30–40-м гг. XIV вв., когда он находился в составе Крымского улуса Золотой Орды и был включен в систему международной торговли Запада с Востоком [10, с. 161; 30, с. 108–111; 44, с. 501]. В это время на Керченском п-ове появляются десятки поселений, но большей частью они еще не картографированы. На месте некоторых из них локализованы прибрежные пункты, нанесенные на средневековые карты-портоланы [11, с. 47–48; 12, с. 38–39]. Рядом с ними формировались плитово-грунтовые могильники, захоронения в которых были совершены по христианскому обряду. На плитах некоторых погребений в могильниках у с. Золотое, с. Осовины и на городище Мирмекий вырезаны кресты, а на территории могильника, открытого в окрестностях с. Золотое, раскопан небольшой однефный храм [14, с. 38–41; 27, с. 132; 37, с. 116–124]. Есть мнение, что они были оставлены выходцами с Прикубанья и Северо-Западного Кавказа – народами адыгского происхождения, известными в византийских, древнерусских, европейских и восточных источниках как «касоги», «зихи», «черкасы», «черкесь», «кабарда» [12, с. 40; 13, с. 30, 34; 31, с. 71].

Впрочем, если судить по местоположению немногих из раскопанных могильников, пришлое христианское население, видимо, предпочитало селиться на побережье. Насколько им были освоены внутренние районы полуострова, включая и урочище Артезиан, судить пока сложно. Согласно сведениям арабского путешественника Ибн-Батутты, совершившего поездку от Керчи до Кафы (Феодосии) в первой половине 30-х гг. XIV в., «местность эта... принадлежит к степи, известной под именем Дешт-Кипчака» [43, с. 279], а в прилегавших к Керчи степных районах проживает народ «именем Кипчак» [Там же]. При этом Ибн-Батутта счел нужным уточнить, что придерживается этот народ «христианской веры» [Там же]. Об этом же народе в первой трети XIV в. сообщает сирийский историк и географ Абу-л-Феда, назвавший земли, лежащие к северу и востоку от «ал-Кафы» (Феодосии), «пустыней ал-Кибджак». «Неверными кибджаками» (кипчаками-христианами?) назвал он и жителей «Ал-Карши» (Керчи) [25, с. 123, 159]. Таким образом, в обоих источниках Керченский п-ов упоминается как «степи кипчаков», по мнению И.Г. Коноваловой, кочевников, «пришедших в Северное Причерноморье еще в домонгольское время» [25, с. 159].

На территории городища Артезиан к этому периоду можно отнести мелкие фрагменты полихромной глазурованной посуды и черешковый наконечник стрелы с широким лезвием – двурогий полулунный срезень с упором, встречающийся в комплексах второй половины XIII – начала XIV вв. и XIV в. Использовались такие стрелы как охотничье и боевое снаряжение для нанесения обширных и рваных ран. При этом в бою были наиболее эффективны для борьбы с конницей (лошадьми) противника [35, с. 72, 114, табл. 26, 18, 19; 23, с. 314, 354, табл. 140, 9].

Остальные позднесредневековые находки с городища Артезиан датируются не ранее XV–XVI вв. Представлены они, в основном, обломками поливной монохромной посуды, красноглиняных плоскодонных кувшинов и фрагментом горшка с рельсовидным венчиком. Вероятно, к этому же периоду относится круглая латунная пуговица или нашивка. Отметим также две красноглиняные и одну сероглиняную курительные трубки XVII–XVIII вв. с выделенным килем и валиком на чубуке [22, с. 379, рис. 2, 1; 6, с. 374–376].

Таким образом, в сравнении с несколькими «случайными» находками ранневизантийского и кочевнического периодов, позднесредневековые находки гораздо более многочисленны, хотя на исследованных участках городища культурного слоя и строительных комплексов этого времени обнаружить пока не удалось. Вероятно, позднесредневековое поселение занимало не всю его территорию, а располагалось в северной части возвышенности, в пределах которой прослеживаются остатки построек д. Паша-Салын (Сердюково), отмеченной на картах XIX в. [24, с. 492–493]. Иными словами, в дальнейшем есть все основания надеяться выделить еще один «жилой» горизонт, которым и завершится средневековый, более чем тысячелетний, период истории городища.

Библиографический список

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранневизантийского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990. С. 3–87, 175–241.
2. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 277–306.
3. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII. Симферополь, 2007. С. 129–150.
4. Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // Античная древность и средние века / Под ред. П.В. Степаненко. Вып. 39. Екатеринбург, 2009. С. 60–70.

5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.) // Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь – Керчь, 2008.
6. Алядинова Д. Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустон // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 22. Ч. 1. Київ, 2013. С. 372–378.
7. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. 1971. № 2. С. 96–123.
8. Амброз А.К. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимошук. М., 1988. С. 5–12.
9. Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965.
10. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции / Гл. ред. П.И. Иваненко. Керчь, 2001. С. 157–161.
11. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. М., 2011. С. 46–49.
12. Бочаров С.Г. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Шестая Международная археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2013. С. 37–40.
13. Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Боспорские чтения. Вып. V. Керчь, 2004. С. 30–35.
14. Бутягин А.М. Средневековый некрополь Мирмекия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. Вып. IV. Керчь, 2003. С. 38–41.
15. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
16. Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 55–87.
17. Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) // Боспорские исследования. Supplementum 12. Симферополь – Керчь, 2014.
18. Винокуров Н.И., Пономарёв Л.Ю. Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе П) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 160–195.
19. Винокуров Н.И., Пономарёв Л.Ю. Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // Древности Боспора. М., 2015. Т. 19. С. 28–42.

20. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
21. Голофаств Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь, 2013. С. 49–161.
22. Гусач И. Османские курительные трубки из раскопок крепости Азак // Нови дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 22. Ч. 1. Київ, 2013. С. 379–383.
23. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985. С. 298–363.
24. Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. IV. Симферополь, 2014. С. 443–585.
25. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарии // Древнейшие источники по истории Восточной Европы / Под ред. В.Л. Янина и др. М., 2009.
26. Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий) / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Смирнова. М., 1989.
27. Корпусова В.Н. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.). Киев – Судак, 2002. С. 132–137.
28. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4–4. М., 1962. Прил.: 15 отд. л. ил. в папке.
29. Кухаренко Ю.В. Широкопластинчатые фибулы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 74. М., 1958. С. 143–145.
30. Маврина О.С. Від улусу Золотої Орди до Кримського ханства: особливості політичної еволюції // Сходознавство. Київ, 2006, № 33–34. С. 108–119.
31. Маврина О.С. Взаємовідносини черкесів з Кримським ханством у період пізнього середньовіччя // Сходознавство. 2007, № 37. С. 71–79.
32. Майко В.В. Археологическая ситуация в средневековой Таврике и на Тамани в середине X в. (к вопросу о времени смены археологических культур) // Хазарский альманах. Т. 10. Киев – Харьков, 2012. С. 100–121.
33. Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китэй, Акра) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Вып. 2 (59). Симферополь, 1928. С. 103–126.
34. Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 181–218.
35. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. М., 1966.
36. Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея / Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж – Белгород, 1991. С. 63–73.
37. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 116–124.

38. Пономарёв Л.Ю. Степи Керченского полуострова во второй половине X–XIII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. Вып. XIV. Керчь, 2013. С. 384–391.
39. Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550–650 гг.) // Советская археология. 1961. № 1. С. 177–185.
40. Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готов. Ч. II // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXVII. Одесса, 1907. С. 101–148.
41. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург, 1995.
42. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIV. Симферополь, 2008. С. 103–144.
43. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
44. Яacobson А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 85. С. 458–501.
45. Orait A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia // British Archaeological Reports. 2004. Vol. 1274.
46. Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 / Fedoseev N. e.a. // Archeologia. Warsaw, 2012. Vol. LXI. P. 63–94.

Н.Н. Глухарев

К вопросу о месте советско-германского фронта Второй мировой войны в англо-американской историографии

В статье рассматриваются основные тенденции в исследовании событий Великой Отечественной войны в англо-американской историографии. Ее развитие определялось многими факторами (как политическими, так и практическими). В Великобритании и США продолжает выходить множество книг, повествующих о военных событиях с участием вермахта и Красной Армии. Вводятся в оборот новые источники, применяются новые подходы. Однако характер освещения советско-германского противостояния во Второй мировой войне на Западе зачастую продолжает носить отпечаток эпохи «холодной войны».

Ключевые слова: англо-американская историография, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, советско-германский фронт.

Истории развития событий на советско-германском фронте 1941–1945 гг. в рамках изучения истории Второй мировой войны в англо-американской историографии традиционно уделяется значительно меньше внимания, чем отечественными и немецкими авторами. Это неудивительно, учитывая, что обобщение военного опыта наиболее актуально именно для сторон, непосредственно сталкивавшихся на полях сражений. Естественно, что события мирового конфликта, в которых принимали прямое участие войска западных союзников СССР, например, операции в Северной Африке и Италии, высадка в Нормандии, война на Тихом океане и др., относятся к числу наиболее

популярных тем для исследователей военных действий Второй мировой войны в Великобритании и США.

Тем не менее, за семьдесят лет со времени окончания войны в США и Великобритании издано множество работ, в которых так или иначе затрагиваются проблемы истории «советско-германской войны» или «войны на Востоке» («Восточного фронта»), как принято называть на западе Великую Отечественную войну.

Серьезное влияние на выбор тематики и подходов к исследованиям, и в еще большей степени на формирование итоговых оценок роли советско-германского противостояния в рамках Второй мировой войны, оказал политический фактор. Неприятие советской общественной системы политическими кругами США и Великобритании в сочетании с противоречиями по вопросам послевоенного мироустройства привели к открытому антикоммунистическому курсу правительств обоих государств после окончания войны, что не могло не наложить отпечаток на развитие историографии. Если издаваемые в годы войны статьи и книги, в которых многочисленными корреспондентами, посещавшими СССР, по горячим следам воспроизводились сюжеты советско-германского противостояния, отличались антигерманским взглядом, солидарностью с советским народом, отмечали его героизм и стойкость, то после ее окончания все более заметной стала недооценка военных усилий Советского Союза в работах британских и, особенно, американских авторов. В условиях «холодной войны» занижение роли Советского Союза в достижении победы над Германией стало, по сути, одним из элементов идеологической борьбы. Подобный курс был заявлен президентом США Г. Труменом, отметившим «колоссальное значение» труда американских историков в борьбе с коммунизмом [57].

Немалую роль в исследовании советско-германской войны на Западе сыграло военное ведомство США, которое допускало возможность войны против Советского Союза, и поэтому было заинтересовано в пристальном анализе борьбы между Германией и СССР. С помощью попавших в плен гитлеровских генералов и офицеров в послевоенные годы были подготовлены работы об особенностях военных действий на советской территории в условиях наступления и обороны вермахта, призванные стать наставлениями для армии США. Для этих наставлений был характерен прагматический подход: причины неудач вермахта исследовались с точки зрения извлечения уроков при планировании кампании против Советского Союза. Они объяснялись влиянием климата, местности, ошибок верховного командования. Как указывалось в одном из мемурандов, «условием успешного ведения войны против СССР является

систематическая подготовка к этому мероприятию. Нельзя идти на развязывание подобного конфликта в надежде на случайное достижение в нем конечного успеха. Вооружение и снаряжение солдат, все материально-техническое обеспечение должны соответствовать требованиям всех сезонов на территории России» [31, p. 116].

Проблема источников стала еще одним важнейшим фактором, оказавшим влияние на характер англо-американской историографии советско-германского фронта. Огромный массив советских источников был долгое время закрыт для отечественных историков и, тем более, для западных исследователей. В распоряжении последних имелись преимущественно официальные советские публикации, к которым с конца 1950-х гг. стали добавляться опубликованные мемуары советских военачальников. Подобные материалы, естественно, носили довольно тенденциозный характер и зачастую не удовлетворяли англо-американских историков, не готовых воспроизводить советский взгляд на Великую Отечественную войну в условиях, когда бывшие союзники по антигитлеровской коалиции превращались в соперников в «холодной войне». В связи с этим, существенное расширение источниковой базы западных исследователей произошло после окончания Второй мировой войны за счет трофейных германских материалов, а также документов и мемуаров, привлеченных для обобщения опыта войны офицеров и генералов вермахта. Широкому использованию немецких источников в англо-американской историографии во многом способствовала военно-историческая служба армии США.

Но работа преимущественно с немецкими материалами, в свою очередь, не могла способствовать большей объективности исследований и неизбежно приводила к односторонности в освещении истории советско-германской войны, заключавшейся, по сути, в повторении немецкого взгляда на ход, проблемы и результаты войны, формируя искаженное представление о значении советско-германского фронта в глобальном конфликте.

Необходимо отметить, что на многих работах сказывалось то, что их авторы не владели русским языком, и, вследствие этого, были плохо знакомы с доступными советскими источниками. Тем самым, занижение вклада СССР в победу над Германией имело не только концептуальную, но еще и практическую сторону [3, с. 22]. Неслучайно немногие авторы, знакомые с советскими материалами, стремившиеся, по возможности, отойти от односторонности, самым обращением к теме военных действий на советско-германском фронте и демонстрацией масштабов сражений на нем в большей степени отдавали должное вкладу СССР [36; 38; 40; 41].

Одним из первых к серьезному исследованию советско-германского фронта обратился британец Дж. Эриксон. Американский военный историк полковник Д. Глэнтц с 1989 г. написал более 10 трудов о советско-германской войне, многие из которых переведены на русский язык [4–7].

Тем не менее, как отметил в 1986 г. Глэнтц, «весь период с 1945 г. по настоящее время... немецкие взгляды на войну на Восточном фронте являлись доминирующими... В результате эти взгляды были укоренены в учебных пособиях средних школ и колледжей, в программах военно-учебных заведений США» [38, р. 2]. В действиях советской стороны часто выискивались негативные моменты, о которых советские историки предпочитали умалчивать или упоминать вскользь. Английская газета «Гардиан» в 1978 г. ярко охарактеризовала подобный подход к освещению истории советско-германского фронта как взгляд «сквозь затемненные очки холодной войны» [17, с. 22].

Неслучайно поэтому в отечественных исследованиях англо-американской литературы о событиях Великой Отечественной войны, в первую очередь, обращалось внимание именно на искажение западными авторами ее истории, вплоть до выявления намеренных фальсификаций [9; 12; 16; 17]. В советский период подавляющая часть западной, и в т.ч. англо-американской историографии, категорично оценивалась как «буржуазная» и «реакционная», стремящаяся «вытравить из памяти человечества правду о всемирно-историческом подвиге советского народа», «извратить и умалить роль Советского Союза в разгроме фашизма» и т.п. [11].

Несмотря на смягчение современных оценок и устранение идеологического фона, критический анализ работ британских и американских авторов после распада СССР сохраняет свою актуальность. Характерно, что основные концептуальные установки времен «холодной войны» так и не были подвергнуты существенному пересмотру и продолжают воспроизводиться в работах ряда современных американских и британских историков. Нередки случаи, когда существенное расширение источниковой базы в связи с рассекречиванием и публикацией ряда советских материалов с конца 1980-х гг. не становилось основой для пересмотра устаревших оценок. Доступ к новым источникам в этом случае служил лишь способом подтвердить уже известные концепции.

Одной из центральных концепций, в которую укладываются англо-американские представления о роли и значении советско-германского фронта во Второй мировой войне, продолжает оставаться т.н. теория «поворотных пунктов» или «великих кампаний». В соответствии с ней, исход войны был предопределен поражением стран агрессивного блока в ряде «решающих битв». Число «решающих битв» отличается у разных

авторов – от 5 до 20 – но к ним всегда относят «битву за Англию», морские сражения на Тихом Океане (у о. Мидуэй, за о. Гуадалканал), сражения у Эль-Аламейна и в Арденнах. Из сражений на советско-германском фронте в ряд с ними, как правило, ставится Сталинградская битва, но такие крупные сражения, как битвы под Москвой и Курском, далеко не всегда попадают в этот перечень. Количественные и качественные характеристики задействованных сил, пространственный и временной размах, нанесенный противнику материальный и моральный ущерб, а главное – вытекающие из этого стратегические и политические последствия, таким образом, не учитывались большинством англо-американских историков при определении «решающего» значения событий на тех или иных театрах военных действий. Важнейшим критерием становился сам факт участия американских и английских войск в военных действиях в том или ином регионе.

Нередко теория «решающих битв» становилась инструментом для доказательства американскими историками решающей роли США в победе «свободного мира над силами тоталитаризма» [32, р. VII]. В этом смысле ключевыми событиями всей войны преподносятся нападение Японии на Пёрл-Харбор, приведшее к вступлению в войну США, и последующие за этим бои и операции с участием американских вооруженных сил. Еще в годы войны недостаточная осведомленность американцев о боевых действиях на советско-германском фронте могла стать одной из причин уверенности, что в борьбе со странами агрессивного блока именно США вносят решающий вклад [1, с. 103]. После завершения войны к этой основе добавилось активное действие политического фактора.

Объективные оценки значения различных театров войны все же встречаются в отдельных англо-американских исследованиях, способствуя выработке нового взгляда на вклад каждого из членов антигитлеровской коалиции в общую победу. Например, еще в 1970 г. американский историк Л. Мортон писал о войне в России, что она «велась совершенно независимо от войны на Западе и была по любым критериям самым большим, кровопролитным и решающим театром Второй мировой войны. По сравнению с этой войной все усилия союзников на Западе имели карликовые размеры» [18, р. 190]. Однако в американском обществе подобные оценки не получали широкой популярности. Во многом из-за того, что американцам недоставало полного осознания значимости военных операций на советско-германском фронте: война в Европе оставалась для них слишком «далекой – и географически, и психологически» [1, с. 312] и это, в свою очередь, не могло не повлиять на становление взглядов целого поколения историков.

В большинстве обобщающих трудов по истории Второй мировой войны советско-германский фронт занимает незначительное место. Важнейшим источником в подобных работах стали мемуары английских и американских военных и политических деятелей. Акцент на англо-американский вклад в борьбе с агрессивным блоком сделан в многотомных и широко известных мемуарах У. Черчилля, лишь изредка упоминавшего события, разворачивавшиеся на Восточном фронте [15]. Черчилль акцентирует внимание читателей на таких событиях в ходе войны, как «битва за Англию», бои в Северной Африке, открытие второго фронта и т.д., рассматривает «битву за Атлантику» как «доминирующий фактор на протяжении всей войны» [8, с. 210]. Следует вспомнить характерное заявление Черчилля, сделанное им в 1952 г.: «Вторая мировая война представляла собой почти непрерывный ряд неудач и поражений до битвы у Эль-Аламейна и высадки войск генерала Эйзенхауэра в Северной Африке... Эти два события изменили весь ход войны» [Там же]. Как признают современные исследователи, англо-американская историография Второй мировой войны в своей основе и сейчас основывается на ключевых оценках, содержащихся в работе Черчилля [49, р. XX].

Недостаточное освещение советско-германского фронта характерно и для ставшего классическим в западной историографии труда Дж. Фуллера «Вторая мировая война», предпочитающего уделять первостепенное внимание операциям союзников [14]. В книге «Тотальная война: Причины и ход второй мировой войны» британских историков П. Калвокоресси и Г. Уинта из 46 глав лишь 2 содержат сведения об участии Советского Союза в войне. В популярной американской «Иллюстрированной истории Второй мировой войны» Б. Лиддел Гарта и Б. Питта, подготовленной редакцией журнала «Ридерз Дайджест», только 4 из 57 статей посвящены боевым действиям на советско-германском фронте (5% общего объема издания) [48].

В тех работах, где советско-германский фронт становился специальным предметом изучения, также можно наблюдать ряд общих тенденций. Внимание британских и американских исследований чаще всего акцентируется на важнейших военных событиях советско-германского фронта: «великих битвах» войны на Востоке [34]. В их числе центральное место занимает Сталинградская битва. Популярными для исследователей стали также события начального периода войны (прежде всего, битва под Москвой), а также Курская битва, Ленинград, операции по освобождению оккупированной территории СССР.

Английские историки Л. Купер, А. Ситон и американский историк А. Терни посвятили свои работы битве за советскую столицу,

воспроизводя при этом тенденциозные оценки, присущие работам гитлеровских генералов и офицеров [27; 53; 58]. Историки стремились показать, что главным препятствием на пути гитлеровцев к Москве стала не Красная Армия, а плохая погода, распутица, а затем и сорокоградусные морозы, остановившие поздней осенью 1941 г. вермахт на ближних подступах к столице СССР. «Бездонная грязь на дорогах стала важнейшим препятствием для дальнейшего продвижения немецко-фашистских войск», писал Купер [27, р. 215–216]. Данное утверждение стало, по сути, классической формулировкой, объясняющей причины неудач моторизованной немецкой армии в природно-географических условиях СССР. В связи с этим, яркий образ, созданный в англо-американской историографии о событиях осени-зимы 1941 г., можно найти на страницах «Иллюстрированной истории Второй мировой войны»: фотография застрявшего в грязи немецкого мотоцикла содержит подпись: «Русская зима замедлила нацистское наступление, дожди превратили дороги в потоки грязи. Люди, лошади и машины быстро застревают в ней, и германский блицкриг был остановлен» [48, р. 269].

Английские историки Дж. Джукс и Дж. Эриксон объяснили, что исход битвы обусловили не распутица и морозы, а действия «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат [36, vol. 1, р. 221–222, 258; 46, р. 77, 78, 110, 121]. Английский историк А. Кларк в числе факторов, остановивших вермахт, отмечал героические усилия советских бойцов: «следует сказать об обычном русском солдате. Неадекватно руководимый, недостаточно обученный, плохо экипированный, он изменил ход истории благодаря своему мужеству и твердости в этот первый год войны» [2, с. 836; 26].

В книге «Барбаросса: Вторжение Гитлера в Россию», написанной на основе привлечения новых архивных документов, Глэнтц убедительно оспорил устоявшееся в англо-американской литературе представление о том, что основными причинами провала плана «Барбаросса» были плохие погодные условия, сложная местность и ошибочное стратегическое мышление Гитлера [41]. По оценке британского исследователя Р. Брэйтвэйта, битва за Москву стала одним из самых крупных сражений в истории войн (более 7 млн. солдат и офицеров с обеих сторон сражались на огромной территории на протяжении нескольких месяцев) и сыграла важнейшую роль в поражении Германии [23].

Американский исследователь Дж.П. Мигарджи, поднимая тему преступных целей немецкой войны против СССР, отметил, что важным препятствием на пути изучения советско-германской войны является мифологизация немецкого военного гения. Кроме того, автор вновь

обращает внимание на проблемы доступности источников и конъюнктурное использование мемуаров проигравших генералов в антикоммунистических целях, в т.ч. и при оценке периода 1941 г. В отношении событий зимы 1941–42 гг. на фронте автор подчеркнул высокое значение Московской битвы: шанс на победу вермахт упустил именно в снегах под Москвой [47].

При рассмотрении советского контрнаступления под Москвой зимой 1941–42 гг. ряд историков подчеркивает факт вступления в войну США в этот период как решающий фактор, оказавший влияние на все дальнейшее ее течение. Как отметил Г. Уоллин, после нападения японцев на американские тихоокеанские базы, «весь потенциал США направлялся на европейскую войну» [59, р. 3]. После Пёрл-Харбора, утверждал Т. Хиггинс, позиции Гитлера пошатнулись [43, р. 193].

Сталинградская битва занимает центральное место среди прочих событий Великой Отечественной войны в англо-американской литературе. Это величайшее сражение практически сразу же приобрело характер одного из главнейших символов Второй мировой войны. Окружение и разгром 300-тысячной вражеской группировки под Сталинградом признается решающим событием, предопределившим изменение военно-стратегической обстановки в пользу стран антигитлеровской коалиции. Сталинград раньше других событий советско-германской войны прочно вошел в западной историографии в число выделяемых там «поворотных пунктов» войны.

Одним из первых серьезных трудов, в которых Сталинградская битва стала предметом подробного исследования, стала книга Э. Зимке «От Сталинграда до Берлина». «В стратегическом плане, – пишет Зимке, – Сталинград частично волей случая, частично преднамеренно стал центральным пунктом, одной из решающих битв Второй мировой войны» [60, р. 37]. При этом, критикуя советское военное искусство, автор отметил, что наступление под Сталинградом все-таки ознаменовало собой новую ступень в ведении операций Красной Армии. Однако точка зрения Зимке на источник победы советских войск под Сталинградом соответствует немецкому взгляду и кроится, прежде всего, в признании решающими ошибочных («роковых») решений командования вермахта [Там же, р. 52]. Подобные оценки содержатся также в работах Т. Дюпуи и М. Галахера [34. vol. VII, р. 5; 37, р. 16].

Работа У. Крейга «Враг у ворот. Битва за Сталинград» стала классической в англо-американской историографии советско-германского фронта [28]. Изложение военных действий в районе Волги и в Сталинграде оказалось не лишено известных клише (в частности, признание блестящим

немецкого военного искусства, утверждение о признании советскими солдатами непобедимости вермахта до начала битвы, о массовом отчаянии и др.) и недостаточной изученности исторического материала. Примеры, приводимые в книге – «факты из жизни» сдавшихся в плен немецких солдат, офицеров и генералов, – призваны создать негативный образ советского плена. Тем не менее, в итоговых оценках Крейг избежал необоснованного приравнивания Сталинграда к боям под Эль-Аламейном и событиям на Тихом океане.

Между тем, точка зрения, будто серьезную помощь советским войскам под Сталинградом оказало вторжение союзников СССР в Северную Африку, в период «холодной войны» широко распространялась в американской историографии. Д. Стоксбери писал, что советское командование специально отложило контрнаступление под Сталинградом до ноября 1942 г., когда англо-американские войска, как было запланировано, сковали германские резервы в Западной Европе десантной операцией на Севере Африки [54, р. 239]. Часто западные авторы в доказательство сопоставимости победы при Эль-Аламейне и Сталинградской битвы завышают данные о немецких потерях в Тунисе [55, р. 185]. На их основе историк Бэйтзелл сделал вывод, что «в психологическом и военном отношении Сталинград стал более значительной победой союзников. В стратегическом плане и в смысле истощения ресурсов [стран] “оси” Тунис был более продуктивным» [21, р. 65, 66]. Сталинградская битва приравнивается по значению к событиям в Северной Африке и на о. Мидуэй, где страны «оси» навсегда потеряли инициативу во Второй мировой войне [19, р. 3].

При этом существуют и иные оценки. Например, американский историк Д. Григг признал, что кампания союзников в Северной Африке не могла принести пользу СССР, т.к. соотношение войск на советско-германском фронте не изменилось [42, р. 93].

Введение в научный оборот новых источников побудило историков США и Великобритании вновь обратиться к изучению Сталинградской битвы, используя новые методологические подходы. Так, американский историк Э. Хойт в своей работе на основе архивных документов подробно осветил действия как немецких, так и советских войск, приводя рассказы о героических защитниках города, со многими из которых историк лично беседовал в России во время сбора материалов для книги [44].

Британец Э. Бивор предпринял попытку исследовать битву за Сталинград «в человеческом измерении», обратив внимание на войну как сумму человеческих взаимоотношений [20]. Однако данная попытка вылилась в итоге в сочувствие к солдатам вермахта и в освещение с негативных

сторон бойцов Красной Армии, их морального состояния и поведения. Автор отмечает высокую роль карательных мероприятий в поддержании советской обороны, по-прежнему объясняет главные причины поражения вермахта ошибками Гитлера и нерешительностью командующего 6-й немецкой армией Ф. Паулюса, не взявшего вовремя ответственность на себя. Таким образом, в книге явно прослеживается влияние консервативного немецкого взгляда на советско-германский фронт.

Не принимая версию Бивора, в которой советские солдаты изображаются идущими в бой под страхом расстрела заградотрядами, М. Джонс подчеркивает, что «они воевали потому, что были патриотами, защищали свою страну от порабощения врагом» [45].

Британский историк Дж. Робертс в книге «Сталинград. Битва, которая изменила историю» рассказывает об этой огромной человеческой драме, исследуя ту роль, которую играли в ней представители политического и военного руководства обеих сторон [13]. Автор показывает, что настоящая история о битве за Сталинград должна затрагивать и вопрос о том, почему Советскому Союзу не удалось достигнуть своей самой большой и амбициозной цели: нанести по германской армии такой сокрушающий удар, который бы непосредственно вел Красную Армию к победному и быстрому окончанию войны. Вместе с тем, автор признает действительно решающее значение Сталинградской битвы в ходе всей Второй мировой войны.

Битва на Курской дуге в англо-американской историографии долгое время оставалась в тени Сталинграда. Во многом это было связано с акцентированием внимания ряда историков на ограниченности целей немецкого наступления – операции «Цитадель» (Зимке, Дюпуи). По их мнению, поражение вермахта в операции с ограниченными целями не может считаться стратегически важным, и бои под Курском считались второстепенными.

Некоторые авторы связывали победу Красной Армии под Курском с десантной операцией англо-американских союзников в Сицилии, вынудившей гитлеровское командование «внезапно прекратить операцию Цитадель». Как утверждает официальная история Второй мировой войны в США, «самым большим источником беспокойства для Гитлера и его командования была Сицилия, где американские и английские войска высадились 10 июля» [35, р. 433]. Заявляя о том, что Курск изменил историю, Г. Солсбери пишет, что «Гитлер повернул назад, чтобы отразить вторжение союзников на остров Сицилию» [52, р. 159].

Более объективным исследованием следует считать работу М. Кэйдина «"Тигры" горят». Им выделены главные факторы, приведшие Красную

Армию к победе на Курской дуге: блестящий план преднамеренной обороны и контрнаступательных действий и выдающиеся боевые качества советских солдат [24, р. 244]. Подробно исследовав план наступления немецких войск по плану «Цитадель» и в целом на летнюю кампанию 1943 г., Кэйдин сделал вывод о далеко идущих целях вермахта: наступлении на Москву в случае успеха, захвате Швеции и переброски войск в Италию. «Под Курском должна была решиться не только судьба русских, но и войны в целом», – заключил автор [Там же, р. 4–8].

Британский историк М. Кросс рассмотрел планы Сталина и Гитлера, проанализировал состояние Красной Армии к началу сражения, отметил ее высокую техническую оснащенность и боевое мастерство войск. Подводя итоги битвы, Кросс отметил, что «разгром под Курском был для германской армии более тяжелым ударом, чем под Сталинградом. В дальнейшем вермахт уже не предпринимал крупных наступлений на востоке» [29, р. 251–252].

Д. Глэнц и Д. Хаус издали книгу «Битва за Курск», написанную в результате использования широкого доступа к российским архивам и оцененную многими рецензентами как перспективное научное исследование, показывающее объективную роль Красной Армии в этом сражении [7].

Таким образом, консервативная школа историков, взявших за основу немецкие взгляды на Восточный фронт (Зимке, Крейг, Солсбери, Купер, Ситон, Тернии др., в т.ч. «официальные» правительственные историки США и Великобритании) в числе наиболее распространенных представлений поддерживает версии о решающем влиянии погоды, российского климата и «роковых» ошибок Гитлера на срыв «молниеносного» наступления вермахта на Россию, о шаблонности советского военного планирования, о подавляющем превосходстве Красной Армии в живой силе практически в любых операциях благодаря «неиссякаемости» людских ресурсов, о «большой крови» как основном источнике советских побед (вместе с действиями союзников на других театрах войны, особенно на ее завершающих этапах). Этим представлениям часто сопутствует точка зрения на союзническую помощь СССР по ленд-лизу как имевшую определяющее значение для победы в войне. Ряду важнейших сражений Великой Отечественной войны приписывается статус локальных событий. При этом в действиях Красной Армии выискиваются преимущественно негативные стороны, ей приписываются внутренние слабости и антагонизмы, по возможности делается акцент на ее неудачах, часто объясняющихся ошибками и безразличиями к потерям со стороны командования. Характерен взгляд Крейга, утверждавшего, что дисциплина

в Красной Армии поддерживалась «методом расстрела каждого десятого» [28, р. 72].

Второстепенную роль советско-германского фронта в представлении консервативной части западных историков сформулировал Зимке. Он отметил, что, исходя из цифровых данных, Восточный фронт был доминирующим, но для реальной оценки его значимости в войне необходимо учитывать иные факторы. К ним автор отнес соображение, что действия на советско-германском фронте ограничивались сухопутными операциями [60]. Подобную точку зрения сформулировал Ч. Макдональд, а вслед за ним и Х. Патиссон, заявив, что по этой причине Красную Армию нельзя считать главным архитектором победы [10]. Им признавались вооруженные силы США, которые сражались одновременно на нескольких театрах войны.

Несмотря на широкие возможности современной базы источников, продолжают выходить книги, содержащие в себе повторение уже устоявшихся концепций негативного освещения Красной Армии в борьбе с вермахтом и отрицании определяющего значения ее успехов в ходе всего мирового конфликта. Одной из таких работ является книга американского исследователя К. Беллами [22], в которой автор, ставя целью развенчание советских пропагандистских мифов о Великой Отечественной войне, вновь повторяет известные штампы периода «холодной войны». Главной причиной советских побед снова называется почти безграничная готовность жертвовать людьми, которых бросали в бой, как пушечное мясо. Автор много внимания уделяет описанию деятельности НКВД – «советского карательного органа». М. Гастингс, разделяя взгляд Беллами в рецензии на его книгу, отметил, что «только такой зверский диктаторский режим, как сталинский, и народ, настолько приученный к жестокости, как русский, мог одолеть Гитлера». «Триумф сталинских армий действительно поражает, однако достигнут он был методами, которые не могут не заставить граждан западных демократических стран побледнеть от ужаса», – пишет Гастингс [56].

На этом фоне выделяется группа авторов (Дж. Эриксон, Д. Глэнтц, Дж. Робертс), которые на основе более внимательного и объективного исследования советских источников пересмотрели традиционные концепции, показав в своих работах решающую роль советско-германского фронта во Второй мировой войне, внутренние источники побед Красной Армии, героизм и высокие боевые качества ее бойцов, совершенствование советского оперативного искусства. Труд британского профессора Дж. Робертса «Войны Сталина. От мировой войны до холодной войны. 1939–1953», опубликованный в Великобритании и США, является одним

из наиболее значительных трудов о советско-германском фронте, охватывающим вопросы от внешней и внутренней политики до стратегии, раскрывающим ход вооруженной борьбы и значение морального фактора в войне [50].

Британский историк Н. Дэвис пишет: «В течение четырех лет на Восточном фронте дрались 400 немецких и советских дивизий. Линия фронта тянулась на 1600 километров. А на Западном фронте даже самые интенсивные бои шли между 15–20-ю дивизиями. 88% всех потерь немецкая армия понесла на Восточном фронте. В июле 43-го именно советские войска сломали волю и способность немецкой армии к массированным атакам по всему фронту... Главенствующая роль советской армии во Второй мировой войне будет настолько очевидна историкам будущего, что они отведут Британии и Америке лишь роль решающей поддержки» [30].

Чем дальше в прошлое уходят события Второй мировой и Великой Отечественной войн, тем отчетливее проявляются две противоположные тенденции: с одной стороны, по-прежнему предпринимаются усилия ряда зарубежных авторов понизить роль СССР в победе над нацистской Германией, а с другой – новые условия и возможности позволяют отдельным историкам пересматривать консервативные западные концепции и более объективно доносить до своих соотечественников историю решающего во Второй мировой войне советско-германского противостояния 1941–1945 гг.

Библиографический список

1. Буранок С.О., Суржик Д.В., Белов Д.А. «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценке общественности США и Великобритании. Документы и материалы. Самара, 2014.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны / Под ред. О.А. Ржешевского и др. М., 2012.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции / Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2014.
4. Глэнтц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны / Пер. с англ. М., 2007.
5. Глэнтц Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 г. М., 2008.
6. Глэнтц Д. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008.
7. Глэнтц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.
8. Деборин Г.А. Вторая мировая война. Военно-исторический очерк. М., 1958.
9. Коротков Г.И. Критика буржуазных фальсификаторов военной истории. М., 1970.

10. Макдональд Ч. Тяжелое испытание. Американские вооруженные силы на Европейском театре во время второй мировой войны. М., 1979.
11. Орлов А.С., Роголев А.П. Американская и английская историография Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995.
12. Ржешевский О.А. Война и история. М., 1984.
13. Робертс Дж. Сталинград. Победа, которая изменила историю / Пер. с англ. М., 2003.
14. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956.
15. Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. / Пер. с англ. М., 1991.
16. Якушевский А.С. Освещение истории Великой Отечественной войны в новейшей буржуазной историографии. М., 1980.
17. Якушевский А.С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.
18. American Historical Review. 1970. Vol. 75. № 7. P. 1901.
19. Atkinson R. An Army at Dawn. The War in North Africa, 1942–1943. NY., 2003.
20. Beevor A. Stalingrad. L., 1998.
21. Beitzell R. The Uneasy Alliance: American, Britain and Russia, 1941–1943. NY., 1972.
22. Bellamy C. Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. NY., 2007.
23. Braithwaite R. Moscow 1941: a city and its people at war. L., 2007.
24. Caidin M. The Tigers are Burning. NY., 1974.
25. Carmichael T. The Ninety Days: Five Battles that Changed the World. NY., 1971.
26. Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. L., 1965.
27. Cooper L. Many Roads to Moscow. L., 1968.
28. Craig W. Enemy at the Gates. The Battle for Stalingrad. NY., 1973.
29. Cross R. Citadel: The Battle of Kursk. L., 1993.
30. Davies N. Europe at War 1939–1945: No Simple Victory. NY., 2006.
31. Department of the army pamphlet 20–230. Russian combat methods in World War II. Washington, 1950.
32. Dupuy R. World War II. A Compact History. NY., 1969.
33. Dupuy T. The Military History of World War II. NY., 1965.
34. Dupuy T., Martell P. Great Battles on the Eastern Front. The Soviet-German War 1941–1945. Indianapolis – NY., 1982.
35. Encyclopedia Americana. Vol. 28. NY., 1970.
36. Erickson J. The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany. L., 1985.
37. Gallacher M. The Soviet History of World War II. NY. – L., 1963.
38. Glantz D. American Perspectives on Eastern Front Operations in World War. Fort Leavenworth, 1986.
39. Glantz D. Soviet Airborne Experience. Washington, 1986.
40. Glantz D. From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations December 1942 – August 1943. Portland, 1990.
41. Glantz D. Barbarossa: Hitler's Invasion of Russia 1941. Stroud (Gloucestershire) – Charleston (South Carolina), 2001.
42. Grigg D. 1943. The Victory that Never Was. NY., 1980.

43. Higgins T. Hitler and Russia. NY., 1966.
44. Hoyt E. 199 Days: The Battle for Stalingrad. L., 1999.
45. Irish examiner. 2011. July 23.
46. Jukes G. The Defence of Moscow. NY., 1970.
47. Megargee G.P. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Littlefield, 2006.
48. Reader's Digest Illustrated Story of the Second World War. NY., 1969.
49. Reynolds D. In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. NY., 2005.
50. Roberts G. Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven – L., 2006.
51. Roberts G. Victory at Stalingrad: The Battle that Changed History. L., 2002.
52. Salisbury H. The Unknown War. Toronto, 1978.
53. Seaton A. The Battle for Moscow 1941–1942. L., 1971.
54. Stokesbury J. A Short History of World War II. NY., 1980.
55. Taylor A. The Second World War. L., 1975.
56. The Times. 2007. July 24.
57. Truman H. The Memoirs. Vol. I. NY., 1955.
58. Turney A. Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. Albuquerque, 1970.
59. Wallin H. Pearl Harbor. Washington, 1958.
60. Ziemke E. Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East. Washington, 1968.

Е.С. Котова, С.В. Ширяева

Всеобщая история права профессора Павла Гавриловича Виноградова

В статье рассматривается исследовательский путь одного из основоположников исторической школы права Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), профессора всеобщей истории Императорского Московского университета и профессора кафедры юриспруденции Оксфордского университета. П.Г. Виноградов – выдающийся знаток социальной истории Великобритании, по признанию самих английских историков, открывший англичанам их собственную историю, автор многочисленных научных трудов, а также известных учебников

всеобщей истории, преподавание по которым производилось в российской школе с 1890-х гг. до 1921 г.

Ключевые слова: Павел Гаврилович Виноградов, феодальное право и обычаи Англии, историческая школа права, всеобщая история, западноевропейское средневековье, история человеческого общества, история германского права, феодальные отношения лангобардов, происхождение феодализма, средневековая социальная история Англии, историко-сравнительный метод, Британский Музей, библиотека Оксфорда, Генри Брэктон.

Всеобщей историей права (или историей права и институтов) на Западе нередко именуется наука и дисциплина истории государства и права зарубежных стран. Как самостоятельная область научного знания, всеобщая история права берет свое начало с конца XVIII – начала XIX вв. В России историческая школа права получила свое развитие в трудах ее двух наиболее ярких представителей: Н.И. Кареева и П.Г. Виноградова [4, введение].

Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) – профессор Императорского Московского университета и Оксфордского университета – прославился научными достижениями в двух областях знаний: истории и юриспруденции [8, с. 84–85]. Виноградов – «англо-русский ученый-правовед и медиевист, который являлся в свое время, может быть, величайшим авторитетом в области феодального права и обычаев Англии», – такими словами характеризует его Британская энциклопедия [8, с. 84–85].

Точкой отсчета становления Виноградова как ученого исторической школы права можно считать его поступление в 1871 г. на историко-филологический факультет Московского университета после окончания гимназии (с золотой медалью) [12, с. 7]. В университете Виноградов познакомился и завел дружбу с Николаем Ивановичем Кареевым, который был старше его двумя курсами. Общие научные интересы зарождались на семинарах профессора Владимира Ивановича Герье [5, с. 128–129]. Среди университетских преподавателей наибольшее влияние на Виноградова также оказали профессора С.М. Соловьев и Ф.И. Буслаев. Темой исследования выпускной работы Виноградов избрал историю западноевропейского средневековья: «О землевладении в эпоху Меровингов», в которой, знакомясь с историческими материалами, обратил свое внимание на значение права в истории человеческого общества. В этой сфере он достигнет блестящих успехов и приобретет известность в среде ученых всей Европы [8, с. 85].

По окончании курса Виноградов был оставлен в Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Совершенствование

познаний по истории и юриспруденции началось с 1875 г., когда он был отправлен в Берлинский университет, где занимался историей Древнего Рима, посещая лекции знаменитого немецкого историка Теодора Моммзена, а также слушал лекции по истории германского права у признанного знатока этой науки Генриха Бруннера [12, с. 14].

Древнегреческой историей Виноградов занимался в Боннском университете в 1876 г. на занятиях А. Шеффера [6, с. 103–104]. Возвратившись в Москву, Виноградов начал свою карьеру как преподаватель. Он читал лекции по всеобщей истории на Высших женских курсах, которые продолжались с небольшими перерывами до закрытия учреждения в 1880 г. Осенью 1877 г. Павел Гаврилович был приглашен читать лекции по средневековой истории в Московском университете [8, с. 90].

В 1878 г. после путешествия в Италию Виноградов приступил к сбору материалов для магистерской диссертации. Предметом его выбора было происхождение феодальных отношений в северо-итальянской области Ломбардии. Происхождение феодализма интересовало его как фундаментальный вопрос, на правильной оценке которого должно быть основано любое истинное познание средневековой социальной истории. Изначально феодализм рассматривали почти исключительно с точки зрения франкских социально-бытовых условий. На защиту Виноградов выносил следующие вопросы: насколько структура итальянского общества под управлением лангобардов (король лангобардов, основатель и первый правитель королевства лангобардов в Италии) повторяла особенности, которые открывались оку истории франкскими документами; каковы были сходства и различия? Источники в его распоряжении были богатыми и многочисленными. Они показали, что даже в третьем и четвертом веках римской истории политическая организация государства в Риме имела большое влияние на формирование классов в северо-итальянской области Ломбардии [2, с. 1–2]. Методологической основой в исследованиях по избранной тематике Виноградов избрал широко распространенный во второй половине XIX – начале XX вв. историко-сравнительный метод, способствовавший изучению истории государства и права в контексте экономических и социальных отношений, пришедший на смену позитивизму.

После того, как Виноградов выдержал магистерский экзамен, в 1877 г. он был приглашен на историко-филологический факультет Московского университета читать лекционный курс по истории средних веков в качестве внештатного (стороннего) преподавателя. П.Н. Милюков, учившийся в то время на первом курсе данного факультета, вспоминал о «молодом приват-доценте, только что вернувшемся из-за границы».

«П.Г. Виноградов, может быть, не удовлетворял нас как теоретик. Но он импонировал нам своей серьезной работой над интересовавшими нас сторонами истории на основании архивного материала. А кроме того, он сразу привлек нас к себе тем, что, в противоположность Герье, не отгораживался от нас и не снисходил к нам, не приходил в затруднение от наших вопросов, а, наоборот, вызывал их и трактовал нас как таких же работников над историческим материалом, как и он сам. Он приехал с готовой работой о Лангобардах в Италии, составленной на месте по архивам и на деле показывавшей, чего можно от него ожидать. Я не помню точно последовательности его университетских курсов: была ли это Римская империя или начало Средних веков. Но еще важнее, чем его лекции, были его семинары. Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ей научились» [7, с. 114].

В 1883 г. исторические поиски Виноградова впервые привели его в Англию, страну, которая из-за ее защищенности от вторжения и серьезного внутреннего беспорядка сохранила богатство средневековых юридических документов, не имеющих аналогов по своей занимательности и их неповрежденной полноте и целостности. Его целью стал сбор материалов для докторской диссертации по земельным древностям острова на тему «Исследование по социальной истории Англии в Средние века». Виноградов, как обычно, обратился к первоисточникам и провел приблизительно пятнадцать месяцев, работая в Государственном архиве, Британском Музее и библиотеках Оксфорда, Кембриджа и Челтнхэма. Это было посещение экстраординарного значения [12, с. 17–20].

Работая в архиве Британского музея, Павел Гаврилович обнаружил манускрипт, содержащий собрание подлинных судебных решений, вынесенных в первые двадцать четыре года правления английского короля Генриха III [8, с. 95–96]. Коллекция была ценной, исключительной важностью было то, что данный манускрипт был составлен специально для самого известного английского королевского судьи того периода Генри Брэктона и что именно на его основе был написан его знаменитый трактат «О законах и обычаях Англии». Русский ученый опубликовал свою статью 19 июля 1884 г. в лондонском журнале «Атенеум» (*Athenaeum*) [10, с. 81–82]. Это было эпохальное открытие, и вело к выпуску записных книжек Брэктона, которые по настоящее время занимают место шедевра исторических научных знаний [11].

Итогом изысканий стала в 1887 г. защита докторской диссертации, за которую Виноградов был удостоен степени доктора наук. Текст диссертации в 1889 г. издается отдельной книгой: «Исследование по социальной истории Англии в Средние века» [3]. В том же году он стал ordinary

профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории. А в 1892 г., благодаря М.М. Ковалевскому, опубликовавшему рецензию на докторскую диссертацию Виноградова в одном из английских юридических журналов, эта работа получила широкую известность среди историков Англии под названием «Villainage in England» [13].

В 1895 г. Виноградов работал в библиотеках и архивах Норвегии, изучая тексты древнего скандинавского права с целью определить степень влияния последнего на правовую культуру англосаксонского общества. Результатом его архивных изысканий стали статьи по истории древненорвежского права [14, с. 1–43]. Творческие поиски Павла Гавриловича продолжались в библиотеках университетов США и Индии.

Накопленное обширное публицистическое наследие нашло свое отражение в различных книгах и статьях: «Государственное право Англии. Лекции экстраординарного профессора П.Г. Виноградова» (М., 1888), «Учебник Древней истории» (М., 1892), «Римское право в средневековой Европе» (М., 1910), «Господство права» (М., 1911), «Очерки по теории права» (СПб., 1915); литографированные издания: «Государственное право Англии. Лекции экстраординарного профессора П.Г. Виноградова» (М., 1888), «История правоведения. Лекции, читанные в Московском университете» (М., 1908), а также статьи: «Германское право» в 14-м томе «Энциклопедического словаря Гранат» (М., 1911), «Аристотель о восстановлении нарушенного права» в журнале «Гермес» (1909, № 6, с. 252–256; № 7, с. 282–290) и многие другие. Полный перечень наследия Виноградова, изданного как в России, так и за ее пределами, представлен в труде доктора исторических наук, профессора Петербургского университета А.В. Антощенко «Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов» [1, с. 309–338].

Закономерным этапом в жизни ученого становится его стремление к общественной деятельности, продиктованной его сформировавшейся гражданской позицией. С 1890 г. Виноградов подключается к работе Московского комитета грамотности в качестве руководителя Комиссии по организации домашнего чтения Общества по распространению технических заданий. В 1896 г. Виноградов возглавил Московское педагогическое общество, созданное совместно с единомышленниками. В 1897 г. Павел Гаврилович вошел в Московскую городскую думу, заняв в ней пост председателя Училищной комиссии, в задачу которой входила разработка плана преобразования системы начального образования в Москве. Свою общественную деятельность он продолжил в Московской муниципальной думе, став председателем ее комитета по образованию [12, с. 21–29].

Московский университет Виноградов сделал одним из основных объектов влияния на общее образование в России. Он полагал, что многое будет зависеть от учебников истории, используемых в средних школах. По его мнению, в учебниках должна быть точность без несправедливой политической необъективности, что стало бы смыслом государственной деятельности, и русский народ получал бы знания мудрого осуществления политической власти. Эта задача была расценена им как наиболее актуальная, он отложил в сторону свои личные исследования в течение трех лет, чтобы написать учебник всеобщей истории по Древнему миру, Средним векам и Новому времени [9]. Учебник был принят во всех российских школах, переиздавался тринадцать раз вплоть до 1921 г., а также использовался преподавателями истории в других западноевропейских странах.

В 1903 г. в судьбе Виноградова произошел решительный поворот: он был избран профессором кафедры юриспруденции в Оксфордском университете. За ним последовал поворот и в творчестве ученого: Павел Гаврилович избрал в качестве главной сферы своих научных изысканий юриспруденцию.

Библиографический список

1. Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010.
2. Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.
3. Виноградов П.Г. Исследование по социальной истории Англии в Средние века. СПб., 1887.
4. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. Ч. 1 / Под ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. М., 1998.
5. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
6. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005.
7. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1859–1917). М., 1990.
8. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв.: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. Т. 2. М., 2007.
9. Учебник всеобщей истории / П.Г. Виноградов. Ч. 1–3. М., 1893–1896.
10. *Athenaeum. A journal of literature, science, the fine arts, music and the drama.* L., 1884. 19 July.
11. *Bracton's Note Book. A collection of cases decided in the King's Courts during the reign of Henry the Third, annotated by a lawyer of that time, seemingly by Henry of Bracton / Ed. by F.W. Maitland. Vol. 1–3. L., 1887.*
12. Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff. A Memoir // *Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1 / Ed. by H.A.L. Fisher. Oxford, 1928.*
13. Vinogradoff P.G. *Villainage in England.* Oxford, 1892.
14. Vinogradoff P.G. *Geschlecht und Verwandtschaft im altnorwegischen Rechte // Zeitschrift für Social- und Wirtschafts geschichte.* 1899. Bd. 7. Heft 1. S. 1–43.

С.В. Курзанов

Синергетические процессы в эволюции права

В статье рассмотрено изменение правовой системы под влиянием различных детерминант, в результате которого происходит взаимопроникновение и поступательное саморазвитие систем, разных по сути, но развивающих друг друга процессов, испытывающих флуктуационные явления при прохождении бифуркационных точек в синергетическом процессе эволюции права.

Ключевые слова: синергетика, флуктуация, диссипативная структура, бифуркация, диссипативность, коллизия, иерархичность, генезис права, тектология, инновация, транспарентность, глобализация.

Греческое слово «синергетикос» переводится как «совместное действие». Заостряя внимание на том, что процессы самоорганизации происходят при обязательном взаимодействии значительного количества разнородных объектов, и, вследствие этого, формируются совместным, комплексным действием, немецкий физик-теоретик, основатель синергетики Герман Хакен и внедрил рассматриваемый термин. В то же время, ученый лично заостряет внимание на спорности термина, при этом доказывая и уделяя внимание непререкаемости взаимодействия ученых самых разнообразных областей знаний. Исключительностью синергетики является то, что она «опирается на сходство математических моделей, игнорируя различную природу описываемых им систем» [5, с. 23].

Изменение правовой системы неотъемлемо происходило совместно и параллельно с изменением общества, регулируя основные аспекты жизнедеятельности, с прохождением, как и любая другая система, *стадий хаоса, порядка и перехода к хаосу и выхода из него (самоорганизация)*. В юридической литературе в настоящее время имеются отдельные попытки реализации синергетической парадигмы. Однако следует отметить, что представителями юридической науки не сформировано единого представления о сущности синергетики. Отчасти это связано с тем, что само возникновение синергетики было неоднозначно воспринято научным сообществом, поскольку обоснование новой парадигмы было принято далеко не всеми учеными. Применение синергетической теории к общественным процессам имеет в своей основе аналогию с физическими, техническими, биологическими и прочими процессами. Ведь самоорганизация – это тот механизм, который лежит в основе эволюции всех систем [1, с. 3].

Рассмотрим динамику синергетического развития права в системе шкал времени (развития цивилизаций и технологий) и количества пользователей права.

Начальной точкой отсчета в этой системе шкал выбираем свод религиозных правил, записанных на глиняных табличках шумерской цивилизации, которые были обнаружены в 1900 г. в том месте, где раньше находился древний шумерский г. Ниппур. Они были извлечены из земли в виде двух наполовину разрушенных фрагментов глиняных табличек. Они дублировали правовой кодекс основателя Третьей династии Ура, правившего в самом конце III тыс. до н.э., – царя Ур-Намму. Шумеры впервые в истории человечества записали на глиняных табличках не только свод религиозных правил, но и зачатки стадий судопроизводства. Найденные артефакты относятся ко времени заката шумерской цивилизации, можно сказать, к *периоду порядка* в зачатках правовой системы, когда урегулирование различных жизненных ситуаций происходило в правовом поле, а законотворческая работа стала правилом для государств Шумера уже к середине III тыс. до н.э., которому предшествовало *время хаоса* – бесправия и произвола.

Эпоха Вавилона (XVIII в. до н.э.) представляет научным кругам первый известный во всемирной истории сборник законов, известный нам как законы царя Хаммурапи. Этот правовой источник включает в себя значительную часть правоотношений вавилонского общества, закреплявших рабовладельческий строй, частную собственность, эксплуатацию человека человеком. Данные законы были запечатлены на черном базальтовом столбе, на гранях которого был высечен текст законов. Можно сказать, что для реализации права в стране были произведены и размещены для всех пользователей права по всей территории царства во всех его крупных городах дубликаты законов – вторая точка системы координат [3, с. 112–116].

Поскольку человеческая память несовершенна и неспособна вместить все знания и опыт, которые переходят из поколения в поколение, а слово ограничено расстоянием и кратковременно, то с развитием цивилизаций и технологий менялся формат фиксации и передачи результатов правотворческого процесса (информации) последующим поколениям: камни, глиняные таблички, металлические и костяные пластины, восковые таблички, папирус, пергамент, бумага, магнитные и цифровые носители.

С появлением новых способов передачи знаний о праве от поколения к поколению они становятся доступны более широким слоям населения: со временем стали открываться учебные заведения (школы, институты),

все больше людей становятся носителями права. Таким образом, в нашем воображении рисуется шкала, поднимающаяся быстро вверх.

Можно проследить синергетическое взаимодействие права и технологического роста человечества, взаимопроникновение и поступательное саморазвитие взаимопроникающих систем, таких разных по сути, но развивающих друг друга процессов. Все системы включают в себя непрерывно флуктуирующие подсистемы.

Флуктуация – случайное отклонение величины, характеризующей систему из большого числа частиц, от ее среднего состояния структуры. Порой обособленная флуктуация или сочетание флуктуаций оказывают (в результате положительной обратной связи) столь значительное воздействие, что действовавшая до этого момента структура не может устоять и ломается. Система становится неустойчивой в точках бифуркации. Именно в этот момент времени в данных точках система испытывает множественность выбора относительно пути, который будет выбран для дальнейшего развития системы. В подобные переходные отрезки времени практически нельзя спрогнозировать, в каком векторе будет протекать следующее развитие: приобретет ли система хаотический характер (состояние) или, возможно, она выберет направление к более дифференцированному и более высокому уровню организованности или строения, на уровень диссипативной структуры. Так вероятно неожиданное образование порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации. Мы можем наблюдать, как случайное воздействие на микроуровне может способствовать упорядочению системы на макроуровне. Это т.н. «синергетический эффект». Его можно сравнить с эволюцией в природе, на которую влияет много факторов (систем) и, оказавшись влияние одного фактора (системы) немного больше, чем другого, эволюция может происходить по-другому. Важно заметить, что эволюция будет происходить, а ее движение все равно будет поступательным. Возможно, движение может оказаться роковым для каких-то видов (систем), но в целом будет идти вперед и другие виды (системы) приобретут новые способности, необходимые в сложившихся условиях.

В точных науках, таких, как математика и физика, стараются использовать линейные системы и принципы суперпозиций, которыми мы стараемся описать малую часть процессов, помещенных в замкнутые системы, происходящих в нелинейных системах и осуществляющих взаимодействия с другими системами. Т.е. решением линейных замкнутых систем описываем нелинейные открытые системы, и это понятно, потому что для познания всеобщего нужно начать с частного. Наука сейчас переживает качественно новый этап в своем развитии – неклассический период.

В отличие от механистической парадигмы, она изучает сложные динамические системы, акцентирует внимание на таких аспектах реальности, как разупорядоченность, неустойчивость, необратимость, неравновесность, нелинейность и т.д. [1, с. 8].

Абстрактные возможности синергетического подхода дают направления для проведения исследований и в теории права, из чего можно сделать вывод о многосторонности используемых методов. Так, А.Б. Венгеров в своих трудах от размытых описаний использования синергетики в праве дошел до теоретического ее освоения в качестве одного из методов, способного заменить диалектику [2, с. 36–45]. Венгеров относит к составу предмета теории права случайное, непредсказуемое и вероятностное. Изучение данных явлений значительно труднее, чем закономерных и последовательных процессов. Однако случайные явления и процессы «не только могут, но и должны быть такой же областью научных интересов, как и закономерности» [7, с. 318].

На простом носителе информации права (камень, бумага, цифровые носители) можно проследить взаимодействие большого количества «систем», благодаря которым стало возможно гиперболическое развитие правовой системы в мире. Так, за обработкой камня можно проследить развитие ремесел и торговых отношений, за созданием бумаги – развитие мануфактур и связанных с ними торговых отношений, за изобретением цифровых носителей – развитие высоких технологий и совершенно новый скачок в торгах через электронные торговые площадки.

По принципу *иерархичности* на низших уровнях можно проследить все четыре стадии эволюционного процесса развития права (порядок, хаос, фазы перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации)) в моменты зачатков новой цивилизации, ее развития, эпоху стабильности и заката. Но, если мы возьмем «более высший уровень иерархичности», период от времени развития разных цивилизаций до наших дней, то гиперболическое развитие права не оставляет никаких сомнений в том, что с развитием технологий, расширением их сферы деятельности во вновь открываемых наукой направлениях, развиваются и формируются новые правоотношения, регулирующие деятельность «человека» (части общества, государства) в этих инновационных сферах. С расширением сфер деятельности человека возрастает «нагрузка» и на право. Право, как любая другая система, не может функционировать в идеальном состоянии. Этому объективно противостоят возмущения – флуктуации. В праве разновидностью внутренних возмущений выступают коллизии. Однако право не безразлично к возмущениям, поэтому в нем имеются системосохраняющие факторы, например, механизм

выработки коллизийных норм, призванных разрешать такие возмущения. Наличие системосохраняющих факторов присуще только высокоорганизованным системам, обладающим элементами частичного саморегулирования. Таким образом, с точки зрения синергетики, у права имеются такие признаки, как нелинейность, бифуркационность (неравновесность) и диссипативность.

В кратком анализе генезиса синергетики можно проследить связь ее идей и представлений с философскими взглядами мыслителей древности, тектологией, попытками создания общей теории систем, высокотехнологичными инновационными технологиями. Указанная генетическая связь имеет важное значение для понимания особенностей формирования и развития единой концепции самоорганизации на пути к общей теории организации.

К одной из таких инновационных сфер можно отнести и космическую деятельность человека. В настоящее время отмечается значительный рост числа стран и частных компаний, активно участвующих в освоении космоса. Государства, уже имеющие действующие космические группировки, планируют существенно их наращивать. Некоторые страны, например США, прямо заявляют, что рассматривают космическое пространство как перспективный театр военных действий. Вместе с тем, эффективная международная нормативно-правовая база, регламентирующая подобную деятельность, практически отсутствует. Договором об освоении космического пространства от 1967 г. (по состоянию на 1 октября 2013 г. его участниками являются 135 государств) запрещается размещать в космическом пространстве ядерное и любые другие виды оружия массового поражения (ОМП), но не устанавливается запрет на размещение других вооружений. Космические боевые системы, не относящиеся к ОМП, могут стать средством поражения в глобальной зоне охвата, возможностью внезапного и скрытого использования, что ведет к дестабилизации международной обстановки [6, с. 54–56].

Отдельно нужно заметить, что гипербола развития права резко уходит вверх с развитием цифровых технологий и коммуникационных сетей, способных обеспечить передачу информации «с одного края света на другой» в максимально короткое время. Миниатюрные цифровые носители способны содержать правовую информацию, которую раньше можно было найти только в определенных местах (архивы, библиотеки и т.д.). Создаются правовые информационные ресурсы (Гарант, Консультант, lexisnexis, westlaw), объединяющие в себе все правовые документы, комментарии к ним и практику применения этих документов. Интернет позволяет осуществлять доступ к самым последним новостям мирово-

го права, а персональные компьютеры, находящиеся в сети, выступают фракталами данной системы. Вследствие тенденции глобализации, интеграции и унификации в различных сферах и направлениях деятельности государств, международное право приобретает особый статус, поскольку принимаемые правовые решения распространяют свое действие не на область, регион или отдельное государство, а на большинство развитых и развивающихся стран мира. Данное обстоятельство накладывает особую ответственность на правовые институты, разрабатывающие международные документы. Упущения в таких документах могут привести к тяжелым последствиям.

Ярким примером нахождения правовых решений, имеющих глобальное значение в одной из инновационных и высокотехнологичных сфер, является космическая деятельность. Договор от 27 января 1967 г. «О принципах деятельности по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» за годы, прошедшие с момента его подписания и с учетом развития высоких технологий, в т.ч. высокотехнологичного и интеллектуального оружия, в реалиях современности не обеспечивает международную безопасность, что может привести к смещению фактора «силы» в сторону одного государства. Такое однобокое геополитическое распределение «силы» может привести мир из многополярного в однополярный, что, в свою очередь, приведет к ущемлению прав и свобод многих государств и их народов, соответственно [6, с. 57].

Для недопущения в будущем подобного развития событий и устранения правовой коллизии существует договор, находящийся в разработке, о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве (ДПРОК), применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Проект ДПРОК получил поддержку со стороны представителей всех стран, за исключением США, прямо заявивших о неприемлемости этого документа в качестве основы юридически обязательной договоренности в сфере космической безопасности. Документ предусматривает меры транспарентности и укрепления доверия в космической деятельности, которые можно отнести к некоторым сферам действия: обеспечение большей транспарентности космических программ; расширение объема информации, касающейся космических объектов на орбитах; соблюдение правил поведения в процессе космической деятельности. Параллельно разрабатывается кодекс поведения в космической деятельности [Там же, с. 58–59].

Космическая деятельность человека затронута в рамках этой статьи неслучайно. На сегодняшний день данное направление – это кладезь

всех знаний и передовых достижений человечества практически во всех сферах его научной и производственной деятельности, в которых четко прослеживается междисциплинарное и синергетическое взаимодействие всех научных знаний, в т.ч. и правового. Важно заметить, что наличие окружающей пространственно-временной среды есть необходимое, но недостаточное условие самоорганизации, фиксация определяющая роль внутренних свойств системы, т.е. самоорганизация, происходит при оптимальном сочетании внутренних и внешних детерминантов, в качестве которых могут выступать и научные открытия, и социальная обстановка в обществе, экономическое состояние государства и т.д. Самоорганизация – это понятие для обозначения процесса структурообразования в результате действия внутренних детерминант. Очевидно, что из многообразия внешних воздействующих факторов далеко не каждый может быть «сигналом» для одной и той же системы, если последний понимать как процесс, который способен изменить внутреннюю структуру некоторой самоорганизующейся системы.

Космическая область деятельности достаточно молода, и на наших глазах формируется правовой комплекс мер регулирования ситуаций, предлагающих в будущем значительные преференции одним странам и приносящих значительный урон другим. Как показывает практика, мировое сообщество серьезно озабочено разрешением проблем, тенденции развития к которым прослеживаются сейчас.

В заключение из вышесказанного видно, что право развивается в ногу со временем. У инков право – вера в единого бога и ритуалы жертвоприношений. В Древней Греции была развита правовая система, что не мешало иметь рабов и распоряжаться ими по своему усмотрению, таковы были реалии того времени.

С развитием человечества неизменно росла его активность, направлений его деятельности становилось все больше (от добывания пищи, чем ежедневно был озабочен древний человек, до мультимногонациональной цивилизации и глобализации), где человек разнообразен в своей научной и трудовой деятельности. В сельском хозяйстве произошли глобальные перемены, выращиваются многие сельскохозяйственные культуры, с применением техники, химии и генной инженерии. Промышленность превратилась в огромный конвейер трансконтинентальных корпораций с направлениями от сталелитейной до ядерной, микро- и нанотехнологий. Человек не ограничивается сухопутными территориями, он осваивает и суровые ледяные просторы Антарктиды, подводные шельфы, богатые ресурсами, изучает космическое пространство. И во всем этом развитии обязательно должен быть регулятор (аттрактор), дабы система не вышла

из равновесия и не уничтожила себя. Право является одним из аттракторов, которое саморазвивается вместе с каждым из направлений деятельности человека.

Правотворчество государственными законодательными органами осуществляется ежедневно. С открытием цифровых технологий и созданием всемирной сети Интернет информация для людей стала доступнее. Сформированы правовые базы (вещающие целые мировые библиотеки информации), которые обновляются сразу после вступления правовых документов в силу. Современные технологии дают возможность проводить дистанционные судебные совещания, конференции, обучение – базальтовые столбы как источники информации уже не актуальны. Внедрение современных технологий позволяет человеку дистанционно принять взвешенное во многих аспектах решение, получая для этого достаточный объем необходимой информации и осуществлять контроль выполнения принятого решения (установка средств звуко-, видео- и фотофиксаций в режиме реального времени и сохранения информации в архивах). На сегодняшний день любой пользователь Интернета в режиме реального времени может наблюдать планету Земля с установленной на Международной космической станции (МКС) камеры высокого разрешения. Название космической станции показывает, что современные процессы развития технологий затрагивают не одну страну, и регулирование этих глобальных вопросов осуществляется на международных конференциях (саммитах, сессиях, форумах) усилиями многих государств, где вырабатываются стратегические направления международного права.

Система права претерпевает во времени такие же эволюционные изменения, как и все остальные системы, ее окружающие и влияющие друг на друга. Некоторые области права за ненадобностью со временем «отмирают» (регулирование рабовладельческого строя, крепостное право), появляются новые векторы развития права. Одним из примеров является интеллектуальная собственность, сохранить которую в век цифровых технологий становится с каждым днем все труднее при ежедневном значительном росте числа продуктов, представляющих интеллектуальную собственность (например, компьютерные программы). Соотношение закономерного и случайного в правовой жизни с точки зрения синергетики не основывается только на причинно-следственной связи типичных факторов. Оно требует понимания и, соответственно, юридической квалификации случайных, маловероятных и даже «неожиданных» факторов. На основании изложенного, следует положительно оценить развитие синергетических методов (конструкций) в системе юридических наук, включая потенциальные возможности их использования в целях

совершенствования основ правопорядка в современном обществе и правовой системы.

Заведомо не переоценивая значения использования синергетических конструкций в правовой науке, следует отметить возможность открытия новых взаимосвязей юридических процессов и состояний, объясняющих их неустойчивость и случайность как определенного рода закономерность. Соответственно, открываются новые горизонты прогнозирования критических моментов, обусловленных определением новых циклов. Не исключено, что эти новые взаимосвязи приведут к необходимости пересмотра и расширения базовых правовых понятий, таких, как правопорядок, преступление, а, может быть, даже и право [4, с. 209–210].

Библиографический список

1. Букина Е.Я. Методологический анализ предмета и метода синергетики: Автореф. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1988.
2. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 39–45.
3. Всемирная история / Под ред. Ю.П. Францева. Т. 1. М., 1953.
4. Григорьев О.А. Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2007.
5. Данилов Ю.В. Герман Хакен о синергетике // Синергетическая парадигма: нелинейное мышление в науке и искусстве / Сост. и отв. ред. В.А. Копчик. М., 2002. С. 22–27.
6. Сергеев Л. Состояние международной нормативно-правовой базы в сфере военно-космической деятельности // Зарубежное военное обозрение. 2014. № 1. С. 54–60.
7. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. А.Б. Венгерова. М., 1998.

О.А. Никонов

Становление отношений Российской империи с регионом Персидского залива

Статья посвящена первым инициативам российского правительства, направленным на установление политических и коммерческих отношений с регионом Персидского залива. На основе анализа материалов из фондов Архива внешней политики Российской империи раскрывается роль императорских консульств в Багдаде и Басре в налаживании взаимовыгодных контактов представителей торгово-промышленных кругов Российской империи с арабскими рынками региона. Особое внимание уделено английской политике, противодействующей начинаниям российских структур. Автор считает, что реализовать их планы не позволили не столько объективные трудности, связанные с удаленностью региона от империи, сколько политическая конъюнктура, требовавшая сохранения дружеских отношений России с Великобританией. Вместе с тем, усиление российского присутствия, включая военные демонстрации, в Персидском заливе в последней четверти XIX – начале XX вв. привело к изменению политического расклада сил и способствовало оформлению русско-английского соглашения 1907 г. о юридическом разделе «сфер влияния» на Востоке.

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи на рубеже XIX–XX вв., Персидский залив, русское консульство в Басре, русское императорское консульство в Багдаде, внешняя политика Великобритании в конце XIX – начале XX вв.

Интерес российского государства к региону Персидского залива впервые обозначился в период правления Петра Великого. Со времен Великих географических открытий страны, считающие себя морскими державами, пытались основать в бассейне Залива торгово-перевалочный пункт на пути из Европы в Индию. Русский царь-реформатор был наслышан

о богатом торге в этих портах «гурмышскими зернами» (жемчугом) из Бахрейна, экзотическими товарами из Индии и Африки. Кроме того, без организации здесь российского пункта не мыслилась торговля с наиболее перспективным рынком – индийским.

С другой стороны, сложившаяся здесь к концу XVII в. политическая ситуация способствовала активизации всех европейских держав. Острое противоборство Ирана и Османской империи за включение местных арабских племен в состав собственных подданных привело в конечном итоге к утрате эффективного контроля над этими землями обеих враждующих сторон. Используя подходящий момент, шейхи бедуинского племени бану халед, несмотря на уважение к традициям исламского халифата, уже к 1670 г. сумели захватить оазисы Эль-Хаса и Катиф, низвергнуть османского пашу и провозгласить свою независимость. Шейх Барак ибн Гарир распространил свою юрисдикцию от Катара на юге до Басры на севере [25, с. 297–298]. В дальнейшем западная часть побережья залива, прежде всего Кувейт, оказалась, с одной стороны, практически недосыгаемой для османских вали, имеющих центральное представительство в Багдаде и Басре, а с другой – стала самой спокойной и защищенной от внутренних смут.

Первая попытка России ознакомиться с ситуацией в регионе была предпринята в рамках большой экспедиции в Индию. В 1695 г. Петр I послал купца гостиной сотни Семена Маленького со своими грамотами к иранскому шаху и индийскому Великому Моголу. Его сопровождали московский купец Сергей Аникеев, астраханский посадский человек Иван Севрин и ряд приказчиков. Посланцам удалось посетить индийские города Сурат, Агра, Дели. Они сумели получить от императора Аурангзеба разрешение на торговлю, закупили ткани и другие индийские товары для ввоза в Россию [22, с. 15, 45]. Возвращаться на родину миссия должна была морским путем, через один из портов залива. Выбор этот оказался ошибочным в силу полного незнания местных традиций и нравов. В Персидском заливе посольство было ограблено «арапами корсарями», после чего началась череда несчастий. Маленький и Аникеев скончались на обратном пути в Шемахе, а доставленный в 1716 г. «сотоварищем» Андреем Семеновым отчет об экспедиции не принес никакого результата, поскольку верительные грамоты и прочие документы «перевести в Посольском приказе не сумели» [26, с. 56].

Неудача не испугала Петра, напротив, ускорила подготовку т.н. «мадагаскарской» экспедиции, в ходе которой о. Мадагаскар намеревались превратить в российскую базу для контроля над местным судоходством и продвижения к «богатствам» Индии [1, с. 396, 432]. В 1723 г.

в обстановке большой секретности началась подготовка морского похода адмирала Д. Вильстера.

Со смертью первого русского императора интерес к региону Персидского залива угас, и, начиная с середины XVIII в., инициатива в освоении прилегающих к Заливу территорий перешла к Великобритании. Благодаря тесным связям с семейством ас-Сабах, англичане сначала закрепились в Кувейте, а затем и в соседних арабских портах – Мохаммере (Хоррем-шехр), Бушире и Бендер-Аббасе.

В Российской империи к идее установления отношений с портами Персидского залива вернулись только в последней четверти XIX в., после завоевания прочного влияния в Иране.

Традиционно опорой для расширения российского присутствия на новых территориях были императорские консульства. Они обеспечивали защиту коммерческих и иных интересов отечественных предпринимателей. Первым шагом по проникновению в арабские земли стало открытие консульства в Багдаде. В задачу новой структуры входило планомерное изучение рынка и создание условий для организации здесь сбыта отечественных товаров: тканей, керосина и сахара. В дальнейшем экспортный ассортимент расширился, что потребовало учреждения собственного финансово-кредитного органа для поддержки отечественных производителей. Весьма любопытным является факт, зафиксированный в 1896 г. консулом В. Машковым. Переводы Русского Московского банка, обслуживающие иранско-иракский транзит, составили 76% против 24% Шахиншахского банка, что позволяет предположить наличие пусть небольших (всего 5 тыс. ф. ст.) [19, л. 48 об.], но вполне устойчивых оборотов русских товаров на месопотамском рынке. К 1898 г. из Багдада удалось наладить сбыт российского керосина в порты Персидского залива. За период 1898–1900 гг. ежегодно ввозилось в среднем 44 214 ящиков с керосином [12, л. 52 об.]. К 1903 г. количество товара увеличилось до 80 тыс. ящиков.

Примечательно, что увеличение экспорта было достигнуто благодаря усилиям представителя национальной буржуазии Индии – купца хаджи Алляна Мемени. Ящики доставлялись через Лондон – Бомбей – Карачи в Басру, откуда он распределялся по всем рынкам. Такой путь делал доставку керосина очень дорогой, отчего на рынке цена продукта колебалась в пределах 2 руб. 36 коп. – 3 руб. 15 коп. В этой связи консульство намеревалось предложить маршрут через Батум, что привело бы к снижению цены керосина до 1,6–2 руб. и, соответственно, к увеличению поставок.

Успешные операции в портах залива с керосином позволили индийским купцам включить текстиль в реестр российского экспорта. Первоначально

ткани из России в Индию везли с территории Ирана через Герат и Афганистан. Однако впоследствии был налажен более удобный путь – через порты Персидского залива. Так, в 1897 г. из Мешхеда в Бомбей через Бушир было впервые завезено русское полусукно (молескин) московской фабрики Викулы Морозова. Партия была небольшая, но качество товара удовлетворяло высокие требования заказчиков. В 1898 г. последовал заказ на 8 кусков, в следующем 1899 г. – на 20 кусков и в 1900 г. – на 40 кусков полусукна. При этом надо иметь в виду, что доставка одного пуда полусукна (100 аршин) через Ашхабад – Мешхед – Бендер-Бушир в Бомбей обходилась в 20% от стоимости товара. Т.е. при цене куска в Москве 36 руб. его доставка достигала почти 6 руб. 70 коп. Выписывали его мешхедские персы Мохаммед Исмаил и Гулям Неби, проживающие в Дели [10, л. 2–3].

На консула в Багдаде легла задача изучения возможности открытия российского представительства непосредственно в Персидском заливе. Консул Г. Овсеенко, дважды инспектировавший Басру, пришел к выводу о необходимости открытия представительства именно в этом городе [13, л. 3]. Басра, не имеющая прямого выхода в Персидский залив, была выбрана намеренно, поскольку преодолеть сопротивление англичан открытию российского пункта в любом морском порту залива русская дипломатия оказалась не в состоянии.

Накануне официального открытия консульства Россия провела ряд демонстраций, способных заинтересовать местных предпринимателей и потенциальных покупателей русских товаров. Во-первых, в 1900 г. сюда была направлена канонерская лодка «Гиляк», которой рекомендовалось обойти все порты и «показать... наш флаг, и поколебать глубоко укоренившееся среди них (арабов. – *О.Н.*) убеждение, будто Залив доступен для одних английских военных судов» [Там же, л. 5]. Следует отметить, что судно радушно встретили как в Басре, так и в Кувейте. Во-вторых, отправили пробный коммерческий пароход «Корнилов», который доставил в залив «десант» из представителей русских фирм с образцами товаров отечественных фабрик [Там же, л. 5 об.].

Уже первые инициативы империи в Персидском заливе спровоцировали появление ряда обвинительных статей в англоязычной прессе, в которых на российское консульство возлагалась вина за политические неудачи Великобритании. В издающейся в Бомбее на персидском языке газете «Каукаби Насири» весной 1898 г. появилась статья, трактующая деятельность российского консульства в Багдаде как разведывательно-диверсионную работу против Великобритании. Показательным в данной связи является тот факт, что автор статьи призывал применять к лицам,

имеющим отношение к консульству, в качестве меры пресечения арест и высылку из страны. При этом не из турецкой Месопотамии, как этого следовало ожидать, а из Ирана. Кроме того, в статье подчеркивалось, что все эти «диверсанты» переодеты в платье местного образца и, как правило, выдают себя за врачей или купцов [15, л. 25–25 об.].

Доля правды в обвинениях была, поскольку, не имея солидного штата сотрудников, багдадское консульство нанимало для сбора текущей информации туземных купцов, заинтересованных в продвижении на местные рынки российских товаров. Еще в 1892 г. консул В. Машков предлагал российскому МИДу снабдить таких внештатных сотрудников рекомендательными письмами и соответствующими документами, позволявшими им именовать себя «русско-подданными, пользующимися законным покровительством» [17, л. 12 об. – 13]. По мнению Машкова, такая мера была бы защитой от посягательств со стороны прибрежных властей Ирана и Османской империи, являвшихся марионетками в руках английских дипломатов [Там же].

Политические и торговые инициативы Российской империи становились серьезной угрозой для британского господства в Персидском заливе. Сам факт проникновения российских товаров далеко на юг от государственных границ свидетельствовал о неуклонном вытеснении британских купцов из сферы русского влияния в Иране. Это подтверждали и британские аналитики. В опубликованном весной 1900 г. в газете «Times of India» комментарии к финансово-торговому отчету за 1898–1899 гг. подчеркивалось, что без собственных дорог на юге Ирана с появлением конкуренции в Персидском заливе Великобритания потеряет все северные рынки Ирана. В газете приводилась и негативная для англичан тенденция к сокращению экспорта в пограничные с Россией регионы. За последние 5 лет ввоз в Хорасан через Бендер-Аббас из Бомбея сократился в 2,5 раза [24, л. 53–55].

Положение Великобритании усугублялось двумя обстоятельствами. С одной стороны, усилиями посланника Германии в Тегеране фон Гартнера удалось организовать морской маршрут из Гамбурга в Бушир. Несмотря на то, что немецкая компания «Werths linie» плавала под флагом «Льва и солнца», русский консул в Багдаде В. Машков справедливо утверждал, что ее главная цель – «завоевание Германией экономического положения в юго-восточной Персии» [18, л. 47]. Это стремление Германии подтвердилось, когда вскрылись факты германо-турецких переговоров о строительстве Багдадской железной дороги. В частности, стало известно, что в одном из проектов, датированным 1902 г., предполагалась покупка 20 квадратных миль на побережье Персидского залива для строительства

терминала дороги. Германия предпочла Кувейт, который имел выход на два глубоководных залива Хор-Абдалла и эз-Зубайра [25, с. 322].

С другой стороны, российские начинания совпали с известным франко-английским конфликтом в Маскате¹. Боясь упустить политическую инициативу и влияние в арабских землях, британский МИД поспешил провести ряд демаршей и демонстраций. Так, весной 1899 г. из Бомбея в Персидский залив проследовало военное судно «Эклипс», на борту которого находились адмирал Дуглас и британский генеральный консул в Бушире. Судно посетило Басру, Мохаммеру, Кувейт, Ахваз. Как доносил консул в Багдаде А. Круглов, встречаясь с арабскими шейхами, шахскими властями и представителями торгового мира, «команда» Дугласа распространяла слухи, что маскатский инцидент был урегулирован по первому требованию англичан, и захваченные французами территории возвращены [14, л. 2–3].

Во-вторых, из-за английских интриг был лишен должности бассорийский вали Али Мухсеин, которого за радушный прием корабля «Гиляк» правительство Российской империи наградило орденом Св. Анны 1-й ст. [7, л. 9]. В-третьих, во время захода в порт Бушир судна «Корнилов» оно было демонстративно подвергнуто досмотру британскими офицерами, а команда – допросу о целях появления и маршруте. Ответы были зафиксированы в специальной книге. Консул России в Басре справедливо полагал, что цель этих мероприятий – уронить престиж страны в глазах туземного населения [11, л. 16]. В целом, Круглов довольно точно оценивал обстановку, сложившуюся на рубеже XIX–XX вв. Он писал: «Напуганные русскими мероприятиями со стороны сухопутной границы Индии, они (британцы. – *О.Н.*) во все глаза смотрят за каждым шагом иностранца, а тем более русского» [14, л. 3 об.].

Российский МИД, осознавая фактор видимого проявления могущества на реакцию местного населения, адекватно ответил на британские провокации. В 1901 г., при посещении крейсером «Варяг» портов Персидского залива, судно встало на якорю в Кувейте рядом с английской канонерской лодкой «Помона», которая обеспечивала связь и несла патрульную службу в заливе. По сравнению с современным крейсером «Помона» выглядела жалко. Усилил эффект от визуального сравнения положенный при

¹ Поводом для франко-английского конфликта стал концессионный договор, заключенный Парижем в 1898 г. с султаном Маската Фейсалом об организации угольной станции для французских военных кораблей в Персидском заливе (Бендер-Иссе). В феврале 1899 г. военные суда Великобритании вошли в бухту Маската и вынудили султана денонсировать франко-маскатский договор.

заходе в дружественный порт салют из 21 выстрела, данный из корабельных орудий. В Бушире, несмотря на тот факт, что из-за большой осадки «Варяг» встал на рейде в 6 милях от города, его посетил весь цвет провинции, включая губернатора – мирзу Халиль хана – и командующего войсками Фатех ус Салтане. Особое впечатление на местных произвела ночная подсветка города, устроенная боевыми прожекторами крейсера. Как доносил российский консул: «Слухи о приходе в Персидский залив русского крейсера дошли до Шираза и Исфахана», распространились по аравийскому побережью, «в Дубее, Расуль-Химе, Абу-Зубе», и «везде находят отклик среди коренного местного населения, благоговееющего, как известно, пред обширною мощью России, известной им до самого последнего времени лишь по имени» [9, л. 8 об. – 9, 16].

Императорская тактика принесла свои плоды. Посетившее Бушир в 1900 г. судно «Зигфрид» не только сумело без задержки разгрузить доставленный товар, но и найти фрахт на обратный рейс с продукцией местных рынков [3, л. 29]. Посланник России в Тегеране К.Э. Аргиропуло считал, что для создания устойчивого морского сообщения необходимо включить в обязательные стоянки судов порты Линг, Бахрейн, Кувейт и облегчить стоянку в Басре. Он предлагал увеличить грузоподъемность российских транспортов и иметь собственное мелкое судно в заливе, которое могло бы проходить пороги у Фао и, таким образом, включить в список мест отправления и Багдад.

Активизация российской политики в районе Персидского залива вызвала ответные инициативы со стороны местных шейхов. Так, накануне открытия консульства в Басре русский исследователь Сыромятников посетил Кувейт, где имел частную беседу с шейхом Мубараком ас-Сабахом и его наследником – шейхом Джабаром. Шейха Мубарака заинтересовал проект организации пароходного сообщения по линии Одесса – Басра, он предложил использовать Кувейт в качестве одного из перевалочных пунктов [16, л. 52–55]. По мнению Сыромятникова, установление отношений с шейхом Мубараком позволяло надеяться на устойчивый сбыт русских тканей, сахара и керосина не только в самом Кувейте, но и на рынках, традиционно связанных с Кувейтом – в Риаде и Хаиле, куда ежегодно отправлялось до 20 караванов по 3–4 тыс. верблюдов [17, л. 56].

С учетом рекомендаций тегеранского посланника империи в 1901 г. была учреждена торговая линия Одесса – Басра. Для обслуживания линии специально открывался ближневосточный филиал Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ). Предполагалось ежегодно совершать по 4–5 регулярных рейсов. Правовое сопровождение и защиту

коммерческих операций осуществляло открытое в том же году генеральное консульство в Басре. Параллельно консульство провело переговоры с турецкой пароходной компанией «Оман», которая предварительно согласилась предоставить свои каботажные суда в пользу русского пароходного товарищества [3, л. 29 об.].

В задачу нового консульства, «в виду невозможности безучастно относиться долее к политико-экономическим замыслам Англии» в районе Персидского залива, входила популяризация коммерческих отношений местных народов с империей и этнографическое, политическое и экономическое изучение края, его возможностей удовлетворить экономические и политические амбиции российского государства [14, л. 2]. Особое внимание необходимо было обратить на иранский порт Мохаммеру. Посол в Константинополе в секретной инструкции консулу в Басре А.А. Адамову отмечал: «Я полагал бы также весьма полезным, чтобы, воспользовавшись первым удобным случаем, вы вошли в личные, официозные сношения с мохаммерским шейхом Мугуз эс-Салтане» [13, л. 8]. Однако развить свои первые успехи империи не удалось. Причиной тому были объективные условия организации транзита на такое расстояние. Отсутствие сухопутных шоссейных или железных дорог, способных связать Персидский залив с центрально-промышленными губерниями России, основную нагрузку переносило на морское сообщение. Высокие риски такого транзита (таможенные и политические), с учетом прохождения проливов и Суэцкого канала, делали его малопривлекательным. В результате, несмотря на все усилия РОПиТ, с 1904 по 1913 гг. заметного роста товарооборота не произошло. Причем с 1905 по 1912 гг. он падал, и по состоянию на 1913 г. товарооборот составил всего 1% общего баланса региона. В связи с этим капитану Жерару, директору местного отделения РОПиТ, постоянно напоминали о необходимости разработки мероприятий по увеличению русской торговли. Но реально изменить что-либо не удалось, и английский капитал остался практически единственным в Персидском заливе. К 1910 г. англо-индийские коммерсанты занимали 83% общего товарооборота территорий Персидского залива своими экспортно-импортными сделками. Показательно, что основной упор делался на укрепление именно на багдадском рынке, где английские фирмы смогли закрепить за собой 55,7% ввоза и 35,3% вывоза [27, с. 102].

Усугубила положение империи и сложная политическая обстановка в арабских провинциях Ирана и Османской империи. С первых дней исполнения своих обязанностей российские дипломаты фиксировали рост национализма и политического сепаратизма арабских шейхов,

подогреваемого британским Министерством иностранных дел. В частности, отмечалось, что британскими судами периодически осуществлялись контрабандные поставки вооружения и боеприпасов. Машков докладывал в Петербург, что главными пунктами такого ввоза являются Маскат и Бахрейн для аравийских племен, Линг и Бендер-Аббас для внутренних провинций Ирана и Бушир для Месопотамии. При неполных подсчетах багдадского консула, ежегодное снабжение проблемных регионов современными ружьями со стороны британской миссии составляло до 4300 единиц [20, л. 24 об.; 21, л. 28 об.].

Пароходы коммерческой компании «British India» и военные суда после появления русских кораблей в заливе стали давать салюты в 21 залп шейхам Кувейта и Мохаммеры – подданным османской и иранской короны [7, л. 15 об.]. Согласно морскому этикету, такое количество залпов полагалось только независимому правителю, например, султану Маската. Глава миссии в Тегеране Аргиропуло довольно точно определил политические цели британской державы, «которая, завладев Египтом и Суданом, не скрывает стремлений установить непрерывную связь Египта с Индией путем подчинения себе промежуточной береговой полосы» [2, л. 10 об.].

Поскольку МИД империи прекрасно осознавал уязвимость позиции России, то консулу А. Адамову рекомендовали «воздержаться от деятельного участия в политической жизни этого края» [13, л. 6 об.]. Правительство опасалось, что такая деятельность даст повод британскому правительству к активному вмешательству во внутренние дела Османской империи (как в случае с племенами Аравии) и к территориальным захватам в арабских провинциях султана и шаха [Там же]. Именно этим объясняется отказ от предложения о российском покровительстве, сделанного Адамову шейхом Кувейта Мубараком ас-Сабахом. Несмотря на коммерческие перспективы, МИД империи рекомендовал консулу «не вмешиваться в авантюры». Любопытным выглядит совет о линии поведения консульства с шейхом Кувейта – не обольщать обещаниями, но и «не лишать шейха надежды на наше сочувствие» [13, л. 7]. В осуществление этой стратегии в ноябре 1902 г. шейха Мубарака с дружеским визитом посетил командир военного крейсера «Аскольд» капитан первого ранга Н.К. Рейценштейн [4, л. 3 об.]. Не менее примечательным является и факт совместного русско-французского похода силами крейсеров «Боярин» и «Infernet» в феврале 1903 г. с заходом в главные порты Персидского залива: Бушир, Кувейт, Линг, Бендер-Аббас и Маскат [Там же, л. 3].

В июне 1901 г. в южные порты Ирана был направлен капитан Генерального штаба Серебрянников с задачей оценить ситуацию с учетом

непростых англо-французских и англо-русских отношений в регионе. Основная цель сводилась к выявлению перспективы военного сценария развития событий в «проблемных» иранских провинциях и портах, контролируемых англичанами. С документами члена Географического общества он должен был проследовать по пути Решт – Тегеран – Кум – Шустер – Бендер-Бушир – Чахбар [23, л. 3]. Однако надобность в достоверной информации именно об арабских землях внесла в маршрут изменения. Серебрянников выехал из России через Буруджир в Керманшах, оттуда в турецкие вилайеты до Пушти Куха, затем в Багдад, Басру и Мохаммеру. Возвращался капитан в Россию через Индию (Бомбей), где получил дополнительные инструкции и отчеты от местного российского консула [5, л. 7]. По-видимому, сведения, добытые Серебрянниковым, оказались вполне утешительными, и российский МИД не стал предпринимать никаких антианглийских демаршей.

Нельзя сказать, что первые политические и коммерческие инициативы Российской империи в Персидском заливе оказались полностью провальными. Изменившийся баланс сил в регионе привел к серьезным политическим дебатам в английском парламенте. Инициированные в начале 1902 г. известным путешественником по Востоку Уальтоном, дебаты привели к замене т.н. «drift policy» началом конструктивного диалога с Россией [6, л. 23–25 об.]. Автором проекта выступил лорд Э. Грей, будущий глава МИД Великобритании, которого поддержали либерал Норман и независимый консерватор сэр Альберт Роллит. По словам лорда Грея, существующая тактика пассивного наблюдения за событиями является наихудшим выбором в деле защиты британских интересов в регионе. Подводя итоги дискуссии, заместитель министра иностранных дел виконт Кранборн очертил границы территориальных претензий Великобритании. Он заявил: «Англия не может уступить своего первенства в Персидском заливе, основанного на могуществе английского флота, и в провинциях, прилегающих к индийской империи» [Там же, л. 26 об.]. Тем самым была озвучена генеральная политическая линия британской дипломатии, а именно, сохранение «status quo» в русско-английских делах, закрепленных позднее соглашением 1907 г.

Конечно, договор не означал снятия всех англо-русских противоречий в колониальном вопросе. Напротив, именно через Басру и Багдад накануне Первой мировой войны в подконтрольные России провинции Ирана устремился поток английского экспорта. В 1911–1912 гг. из Басры и Багдада по пути Ханекен – Керманшах в Иран было доставлено товаров на сумму 3,1 млн. ф. ст., и к 1913 г. поток англотоваров был доведен до 7,4 млн. ф. ст. [8, с. 33; 28, р. 48].

Вместе с тем, знакомство потребителей из района Персидского залива с качественными российскими товарами значительно облегчило процесс восстановления взаимовыгодного сотрудничества, предпринятого новым, уже советским, правительством.

Библиографический список

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
2. Аргиропуло К.Э. Секретное донесение в МИД России от 25 сентября 1899 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482. Д. 3181.
3. Аргиропуло К.Э. Деша в МИД России от 5 декабря 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
4. Выписка из донесения коллежского асессора Г. Овсенко из Бушира от 8 апреля 1903 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 366.
5. Выписка из секретной депеши российского посланника в Тегеране от 9 января 1902 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144 (Персидский стол). Оп. 488. Д. 588.
6. Гревенец Г.А. Деша в МИД Российской империи от 16/29 января 1902 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
7. Зиновьев И.А. Секретная депеша от 28 сентября / 11 октября 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
8. Камаль М.А. Национально-освободительное движение в иракском Курдистане (1918–1932). Баку, 1967.
9. Копия донесения управляющего Императорским генеральным консульством в Бушире от 11 января 1902 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 365.
10. Копия с отношения генерального консула в Хорасане генеральному консулу в Бомбее от 22 октября 1900 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194 (Миссия в Персии (1809–1913)). Оп. 3. Д. 367.
11. Копия с секретного донесения консула в Басре (Адамова) послу в Константинополе (И.А. Зиновьеву) от 1 ноября 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
12. Копия с секретного донесения российского консула в Басре от 12 декабря 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
13. Копия с секретной инструкции, данной послом в Константинополе консулу в Басре коллежскому асессору Адамову от 31 августа 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.
14. Круглов А.Ф. Донесение консула в Багдаде посланнику России в Персии Аргиропуло от 17 марта 1899 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1446.
15. Круглов А.Ф. Донесение российского императорского консульства в Багдаде посланнику России в Персии Е.К. Бюцову от 13 апреля 1898 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1443.

16. Круглов А.Ф. Донесение консула в Багдаде первому секретарю миссии России в Персии Д.А. Нелидову от 19 октября 1900 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1446.
17. Машков В. Выписка из письма консула в Багдаде посланнику России в Персии // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1675.
18. Машков В. Донесение генконсульства в Багдаде первому секретарю миссии России в Персии А.Н. Щеглову от 10 апреля 1896 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1443.
19. Машков В. Донесение консульства в Багдаде первому секретарю миссии России в Персии А.Н. Щеглову от 3 июля 1896 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1443.
20. Машков В. Донесение консульства в Багдаде первому секретарю миссии России в Персии А.Н. Щеглову от 3 апреля 1896 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1864.
21. Некоторые дополнительные сведения о контрабандном ввозе оружия в Арабистан, Месопотамию и Аравию за 1895 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1864.
22. Новая история Индии / Отв. ред. К.А. Антонова и др. М., 1961.
23. Письмо Военного Министерства в I Департамент МИД России от 1 июня 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Оп. 488. Д. 588.
24. Письмо генерального консула в Хорасане посланнику России в Персии Аргиропуло от 29 апреля 1900 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 3. Д. 363.
25. Родригес А.М. Аравийские монархии в XX веке: экономика, политика, социальная структура. NY., 2000.
26. Уляницкий В.А. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. М., 1889.
27. Шаповалов В.Л. Экспансия английского капитала в Месопотамии в начале XX в. // Проблемы преподавания и изучения истории зарубежных стран. Вып. 1. Курск, 1999. С. 98–107.
28. Ireland P.W. Iraq. A study in political development. L., 1937.

Д.С. Кузнецов

Движение за объединение еврейского народа в Пензе в 1917–1920 гг.

На основе архивных документов и материалов газет реконструированы события, связанные с еврейскими организациями 1917–1920 гг., в г. Пензе. Сравнивается деятельность сионистских организаций в различных районах России. Выявлены как общероссийские, так и региональные особенности, характерные для еврейских партий. Опубликованы документы, связанные с темой исследования.

Ключевые слова: еврейские политические партии в 1917–1920 гг., еврейские партии г. Пензы, «Союз увечных и демобилизованных евреев-воинов», спортивный клуб «Маккаби», «Еврейский национальный фонд», Всероссийский еврейский съезд, «Городской комитет пензенской сионистской организации» в г. Пензе, Фолкспартей, «Еврейский комитет помощи жертвам войны», Бунд, Ахдос Исроэль, Поалей Цион.

Тема еврейских политических партий в 1917–1920 гг. достаточно хорошо изучена. Тем не менее, остались белые пятна, в частности, не изучены еврейские партии г. Пензы. Представленные материалы позволяют в деталях рассмотреть политическую деятельность еврейских партий данного региона, что важно для исследования общероссийской ситуации компаративным методом.

В России евреи развернули значительную политическую активность с конца XIX в. [10; 21, с. 118]. К 1917 г. обилие еврейских партий было следствием как мощного подъема национального самосознания, так и экономической и культурной развитости евреев в Российской империи. Погромы и антисемитизм также были причинами еврейской политической активности.

На политический расклад к 1917 г. повлияла фактическая отмена «черты оседлости» в 1915 г. Беженцев-евреев отправляли во внутренние губернии. Типичным примером являлся г. Пенза. Так, в 1897 г. население города составляло 60 тыс. чел. [5, с. 442]; во всей губернии проживало 536 евреев [30, с. 172]. С 1914 г. ситуация кардинально меняется. В Пензу приехало от 7,5 [Там же] до 13 тыс. евреев [31]. Открываются многочисленные образовательные и благотворительные учреждения. Общее число учащихся составило более 1 тыс. чел. Таким образом, в течение короткого промежутка времени евреи стали одним из значительных национальных меньшинств. Тем самым была подготовлена почва для деятельности еврейских партий. С окончанием Первой мировой войны большинство беженцев вернулись домой. В Пензе осталось 1909 евреев (данные за 1923 г.) [30, с. 172], при общем населении в 92 тыс. (данные за 1926 г.) [5, с. 442].

В документах и газетах Пензы упоминается пять политических организаций: «Всемирная сионистская организация», «Бунд», «Идише Фолкс-партей», «Поалей Цион», «Ахдос Исроэль» [9, с. 23–25]. Кроме того, были различные социалистические организации, ведущие свою пропаганду в т.ч. и на «еврейской улице» [4, с. 4; 11, с. 4; 22, с. 3].

В Пензе среди всех еврейских организаций выделялись сионисты. Они выдержали жесткую конкуренцию со стороны других политических партий, завоевали доверие народа, национальной буржуазии и религиозной элиты. Успех был обусловлен множеством факторов. Сионисты опирались на традиционную национальную культуру, что не могло не вызвать симпатии народа. Для сравнения, их главный конкурент (Бунд) ставил целью построить новую еврейскую общину без опоры на иудейские ценности. Но самое главное преимущество сионистов – это высокий уровень политической организации. Сионисты умело вели полуподпольную работу, имея практику скрытной агитации еще со времен империи. Их деятельность охватывала самые разнообразные слои населения: по социальному положению, возрасту, профессиональной принадлежности. Так, в газетах упоминаются благотворительные, культурные, просветительские и спортивные еврейские учреждения [23, с. 4; 26, с. 4; 27, с. 1; 36, с. 4]. Но де-факто большинство из них было частью сионистской организации или же тесно с ней переплетены.

Сионисты играли руководящую роль в «Союзе увечных и демобилизованных евреев-воинов». Логично предположить, что этот пензенский союз был частью Всероссийского, ставивший целью, в случае необходимости, организацию самообороны [20]. Необходимость в такой

организации была, т.к. в Пензе звучали призывы к еврейскому погрому [25, с. 3]. Несмотря на это, целенаправленных антисемитских действий так и не было. Когда в 1917 г. в Пензе произошли беспорядки, они выразились в погроме магазинов и общей дестабилизации обстановки [18, с. 151–155, 229–232]. Следствием данных событий стало создание «Союза самообороны граждан г. Пензы». Возможно, союз воинов-евреев входил в данную структуру, т.к. в союз самообороны могли целиком входить различные организации [34, с. 3]. Тем более что поддержание общественного спокойствия было важной превентивной мерой по предотвращению антиеврейских выступлений.

Обращает на себя внимание и упоминание в документах спортивного клуба «Маккаби» и «Еврейского национального фонда». Первый был международной еврейской организацией. В 1917 г. в России было 125 клубов «Маккаби», в основном, в районе бывшей черты оседлости [20]. Второй был международным фондом для приобретения и освоения земли в Эрец Исраэль [12].

Сторонники сионизма набрали наибольшее количество голосов во время выборов на Всероссийский еврейский съезд. Победа сионистов была обусловлена и тем, что они добились определенных успехов за рубежом. В пензенских газетах регулярно сообщалось о деятельности сионистов на Ближнем Востоке [8, с. 2]. Не стоит забывать, что 1917 г. был особым в истории сионизма. Декларация Бальфура [1] и одобрение ее на самом высоком правительственном уровне в США, Франции, Италии показали, что цель сионистов – не утопия. Даже местная (в данном случае, пензенская) буржуазия стала серьезно относиться к идее еврейского государства.

Деятельность пензенских сионистов – это частный пример предпосылок образования государства Израиль. К ним относится развитие национальное самосознание, народные пожертвования на сионистскую деятельность [9, с. 25], организация курсов изучения иврита. Интересно сравнить Пензу с регионами, также бывшими ранее за чертой оседлости. Сравнение проводится по двум работам: в первой рассматривается деятельность сионистов в Уфе [35], в другой – в Сибири [17]. Как и в Пензе, количественные и качественные изменения в деятельности сионистов связаны с Первой мировой войной, особенно с 1915 г. Завоевание умов в Сибири произошло после волны погромов, прокатившихся в 1915–1916 гг. В Пензе ситуация тоже была напряженной, т.к. большинство евреев были беженцами, а по отношению к пришлому населению местные действовали жестоко [7, с. 4]. Они самовольно выносили приказы о выселении и отказе в продовольствии.

В 1917 г. сионизм также пережил небывалый подъем и популярность в связи с декларацией Бальфура. «В дальнейшем территория [его] распространения стала еще больше: в годы Гражданской войны от Урала до Тихого океана числилось 56 сионистских комитетов» [17, с. 269]. Но, в отличие от Пензы, на этих территориях велись боевые действия, что наложило свой отпечаток на сионистскую деятельность. Так, в апреле 1919 г. наиболее состоятельные члены общины Уфы перечислили для нужд армии адмирала А.В. Колчака 300 тыс. руб. Естественно, «Верховный правитель» высказался против национальной вражды. Фактически, это была «дань» для предотвращения антиеврейских акций со стороны колчаковцев. Скорее всего, сионистские лидеры покинули город после его захвата большевиками. В местной газете была опубликована статья «Контрреволюция в Уфе», напечатанная «Известиями» Губревкома. «Они (сионисты. – Д.К.) не должны открыто продолжать свою работу в освобожденной от ставленника Ротшильда – Колчака – Уфе», – говорилось в ней [35, с. 285–286].

В Пензе, находившейся в советском тылу, отношение к сионистам было немного более мягким. Они свободно размещали свои объявления в газетах с указанием официальных названий: «Городской комитет пензенской сионистской организации», «Пензенское подрайонное сионистское бюро» [29, с. 1]. Однако чекисты регулярно вели за ними агентурную слежку. Так, публикуемый документ («Доклад Пензенского ГЧК о деятельности сионистов») представляет служебную секретную переписку. При изучении данного материала надо учитывать, что он написан крайне субъективно, отражает точку зрения спецслужб. Столь обширный отчет подводит результат многолетней агентурной работы. Именно весной 1920 г. большевистское правительство решило всерьез заняться искоренением сионизма на общегосударственном уровне. Документ местных спецслужб датируется 13 мая 1920 г., а уже 26 мая власти разогнали конференцию сионистов в Москве [35, с. 286]. Скорее всего, пензенских сионистов постигла участь сионистов других регионов: тюремные сроки, ссылка (иногда ее заменяли выдворением в Эрец Исроэль), письменный отказ от членства в сионистской организации. Зачастую без ведома и согласия авторов эти отказы публиковались в печати [19, с. 281]. Одной из мер борьбы с сионизмом была и коммунистическая агитация на «еврейской улице» совместно с Бундом. Но она не давала желаемых результатов, т.к. местные большевики проводили ее большей частью для профформы.

Вызывает интерес и партия «Ахдос Исроэль» (Единство Израиля). «Ахдос Исроэль» фактически представляла собой элиту местной

«Всемирной сионистской организации». Отделения этой партии существовали и в других городах. Также упоминается о том, что данная группа близка к сионистам [24, с. 210].

Агитация идишистских организаций является важным пунктом в изучении деятельности еврейских политических партий.

Главным конкурентом сионистов была идишистская партия «Бунд», оказавшая значительное влияние на распространение марксизма в России. На X конференции Бунда в апреле 1917 г. было принято решение о создании агитационной газеты «Арбайтер штимме» («Рабочий голос»). Помимо агитации на идише, планировалось создание отдельной газеты на русском языке [3, с. 1077]. Данная продукция распространялась членами партии. Но во время выборов целесообразней было вести пропаганду на страницах обычных газет. В Государственном архиве Пензенской области не удалось найти специальных газет Бунда, но была обнаружена бундовская агитация в меньшевистской газете «Наш путь». Текст написан с точки зрения классовой борьбы. Прослеживается идея о конфликте между «старым» религиозным и «новым» прогрессивно-демократическим сегментом общины. Главным аргументом в антисионистской агитации была угроза начала арабо-еврейского конфликта.

В 1917 г. конкуренцию Бунду пыталась составить Фолкспартей (Народная партия). После Февральской революции она расширила свое влияние, но не выдержала конкуренции со стороны других еврейских партий [33]. Ее пропаганда значительно отличалась от бундистской. Основной упор делался на социальную сферу: проблемы беженцев, мелких еврейских ремесленников, организация национальных школ, библиотек и домов для престарелых. Во время выборов Фолкспартей также вела агитацию в газетах. В Пензе пропаганда велась на идиш. Но из-за отсутствия шрифта еврейского квадратного письма текст печатался кириллицей.

Агитационные материалы представляют собой информацию по выборам в местную общину и на Всероссийский еврейский съезд [6], прошедший в июне 1918 г. в Москве. Предварительные результаты выборов хорошо рисуют региональную раскладку еврейских политических организаций (см. документ: «Итоги выборов на еврейский съезд»). Первое место заняла «Всемирная сионистская организация» (46%), второе – ортодоксы (25,5%), третье – Бунд (18%), четвертое – Фолкспартей (7%), пятое – Поалей Цион (2,5%) и шестое – «Объединенные социалисты» (скорее всего, речь идет об «Объединенной еврейской социалистической рабочей партии» – Фарейникте), которые набрали 1% голосов.

Интересной особенностью того времени было то, что один человек мог представлять сразу несколько партий. Так, в Пензе Фолкспартей

выставила кандидатом Самуила Ашкенази, который был председателем местного отделения партии социалистов-революционеров [14, с. 4]. Ашкенази вел активную деятельность, особенно примечательна его антибольшевистская статья «Заговор против еврейской демократической общины» [13, с. 1]. В ней описываются демократические тенденции в построении нового еврейского самоуправления. Обсуждение вопросов организации еврейских автономных органов было характерно и для других регионов [24, с. 203].

Проявление демократии хорошо видно на примере просионистской организации «Еврейский комитет помощи жертвам войны» [27, с. 1]. Выборы в данный комитет происходили на основе равного, прямого и тайного голосования. К участию допускались лица, достигшие 20 лет, а также все военнослужащие-евреи.

Таким образом, документы предоставляют возможность рассматривать историю в самых различных аспектах: деятельность сионистов по подготовке к переселению в Эрец Исраэль во время Третьей Алии; установление однопартийной системы в России; антисемитизм в годы Гражданской войны; деятельность революционных партий и деятельность национальных партий. Кроме того, эти документы могут быть использованы для изучения истории Пензенской области и для разработки различных тем по истории России.

Тексты русскоязычных документов публикуются в соответствии с современными правилами правописания. Стилистические особенности сохранены, исправлены только явные грамматические ошибки.

Доклад о деятельности пензенской организации сионистов. 13 Мая 1920 года. Город Пенза.¹

О деятельности сионистов в Пензенской губернии до 1914 года никаких сведений не имеется и можно определенно сказать, что таковую организацию принесло в Пензу движение беженцев из прифронтовых западных губерний в 1915 году. Об их деятельности в это время сведений собрать не удалось, так как организация существовала подпольно. Открыто сионисты стали выступать с первых дней Февральской революции в 1917 году, выставляя группу своих кандидатов в гласные пензенской городской думы в числе девяти человек:

¹ Составлен по агентурным сведениям секретно-оперативного отдела Пензенского ГЧК. Машинописный текст, копия. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р2. Оп. 4. Д. 148. Л. 23–25 об.

1) Цимкин Израиль Берицкович, врач – председатель к[омите]та сионистов.

2) Пинес Ханан Авелович, крупный капиталист, домовладелец, заводчик.

3) Левит Гирш Беркович, крупный капиталист, подрядчик по казенным подрядам, домовладелец, заводчик, член организации «Единение» (Ахдос).

4) Гольштейн Мовша (так в тексте. – Д.К.] Аронович, крупный капиталист, домовладелец, имел большую типографию, сионист.

5) Кауфман Симон Маркович, капиталист, крупный лесопромышленник, сионист.

6) Черный Израиль Ицкович, купец, капиталист, крупный торговец-спекулянт.

7) Гольдбер Моисей Борисович.

8) Рабинович Нисон Беркович.

9) Шиц Борис Захарович, беженец из Вильны, сионист.

Из видных деятелей организации в это время был доктор Цимкин, которого организация командировала в Москву на всероссийский съезд сионистов, где он выступал с докладом о положении в Пензенской губернии.

В это время члены организации принимали деятельное участие в существующей еще с довоенного времени так называемой еврейской общине, имевшей первоначально своей целью благотворительную деятельность среди еврейской части населения. Они получают большинство мест в правлении общины и постепенно вытесняют оттуда другие партии (Бунд, Пойалей-Цион, Фолкс-партей), за исключением «Ахдос Исроэль», которая, как близкая сионистам, остается и работает (довольно мертво по сие время).

Община обладает довольно крупным капиталом, который бедичивается (так в тексте, надо: увеличивается. – Д.К.) через слияние общины с еврейским комитетом помощи жертвам войны (беженцам).

По случаю закрытия общины в 1918 году сионисты принимают в свое ведение весь богатый инвентарь таковой и, как стоящие во главе правления, весь денежный капитал, об оборотах которого никому не дают отчета.

Закрытие общины лишает их возможности работать открыто, поэтому сионисты вместе с организацией «Единение» (Ахдос) образуют так называемую «благотворительную комиссию», ничем не отличающуюся от закрытой общины по своим целям, но не имеющую таких прав, какие имела община. Кроме того, сионисты поселяют в б[ывшем] помещении общины «Союз евреев увечных воинов», где занимают руководя-

щую политическую роль. С закрытием «Союза евреев увечных воинов» в руках сионистов остается только благотворительная комиссия, под ширмой которой они продолжают работать.

Работа их, главным образом, сводится к «просветительной» деятельности, но на шовинистической подкладке, не забывая пропаганды ортодоксальных идей. Эта просветительная деятельность сионистов выразилась в устройстве в 1919 году курсов древнееврейского языка и спортивного кружка «маккаби» и в марте месяца 1920 года открытии клуба любителей древнееврейского языка (древнееврейской истории и литературы).

Курсы древнееврейского языка организовались в последних числах ноября 1919 [года] при деятельном участии местного раввина Форрера и буржуазных слоев еврейского населения в знак протеста против изъятия из школ библии и древнееврейского языка согласно декрета Наркомпроса. Занятия на курсах разбили на две группы: для взрослых и детей, где за плату, состоящую из добровольного сбора среди учеников, местное еврейское учительство (в большинстве своем сионисты) преподают библию в ортодоксальной обложке и древнееврейский язык. Среди учеников большинство дети до 12 лет. Между прочим, следует отметить, что занятия на курсах ведутся целый день в три смены, в то время, как все остальные школы в городе закрыты ввиду тифозной эпидемии. Курсы были устроены в помещении 41-й трудовой школы, преобразованной из еврейского училища общины. В настоящее время [школа] находится в здании спортивного кружка «Маккаби».

Деятельность спортивного кружка «Маккаби» выражается в преподавании гимнастики и устройстве лекций и вечеров. Почти все вечера кружок устраивает по еврейским праздникам на национальной подкладке. В программных номерах исполняются после гимнастических делений (так в тексте, надо: упражнений. – Д.К.) еврейские национальные гимны и другие произведения, пропагандирующие национальные идеи, самостоятельность в Палестине и «Исход из рабства». Доходами от вечеров усиливаются средства организации сионистов.

Стесняясь узкими рамками почти подпольной работы и понимая, что для развития своей деятельности и увеличения своего влияния на массы необходима более открытая работа, видные сионисты во главе с местным раввином организывают клуб любителей древнееврейского языка (древнеевр[ейской] истории и литературы), который официально регистрируется в отделе народного образования и пользуется субсидией последнего как «просветительская организация». Для проведения своих целей в жизнь сионисты устраивают при клубе детскую школу, где воспитание детей протекает в национальном, антисоветском духе.

Партией «Бунд» было на это обращено внимание инструктора по еврейским школам, который разъяснил городскому отделу народного образования деятельность клуба и поднял вопрос о закрытии клуба, что было решено в положительном смысле, но, благодаря ходатайству сионистов, Губ[ернский] Отдел Наробраз[a] отменил постановление городского отдела, чем дал возможность клубу существовать и продолжать свою деятельность.

Пользуясь ширмой этого клуба, так же, как и других своих легальных организаций, сионисты устраивают собрания, на каковые, кроме своих членов, зачастую приглашают и учителей, и родителей обучающихся в сионистских организациях детей. Собрания созываются путем широкого распространения и расклейки по городу объявлений на еврейском языке, подписанных видными деятелями сионистов и раввином, причем в повестке дня указываются вопросы о школе, обучения детей древнееврейскому языку и т.п., а на деле сионисты выступают с горячими речами, призывая массу к протесту против декрета об изъятии из школ древнееврейского языка, библии, к записи на курсы др[евне]еврейского языка и в члены клуба любителей такового и вообще к объединению под флагом сионизма.

В своих речах ораторы-сионисты проповедуют антирусское и антисоветское направления, часто трактуя о погромах, избиениях евреев и т.п., разъясняя, что отношение Советской власти к евреям ничем не лучше царского, что как раньше, так и теперь, евреи находятся в рабстве и что сионисты, как «истинные демократы», будут делать то, что нужно еврейскому народу. С такими речами на собраниях выступают, главным образом, сионисты Цимкин, Рабинович, Ратнер, Фридлянд, Кауфман и некоторые другие.

Собрания эти иногда происходят в частных квартирах членов организации, но чаще всего в помещениях курсов и клубов еврейского языка или 41 трудовой школы, что разрешалось учительским советом школы, так как большая часть еврейского учительского персонала находится в организации сионистов или находится под ее влиянием. Благодаря этому, некоторые еврейские школы, даже будучи частью преобразованными в единые трудовые школы и финансируясь отделом народного образования, всецело находятся под влиянием сионистов. Там еще в ноябре прошлого года висели портреты еврейских национальных вождей (Теодора Герцеля), детей обучали еврейским национальным гимнам, во время еврейских праздников в школах устраивались синагоги.

С этим сионистским влиянием в школах и вообще с их организацией сильную и упорную борьбу ведет местная организация «Бунда» (полуком-

мунистическая) путем срыва собраний, агитации в своих клубах, а иногда и официальным путем через отделы народного образования. Достигнуть окончательной победы в этом направлении, хотя добиваясь иногда положительных результатов, бундовцам очень трудно, не только потому, что сионисты пользуются там доверием, но и потому, что Горкомы Р.К.П. и Р.К.С.М. ведут довольно слабую агитацию, точнее сказать, никакой, и к тому же кружки и «просветительные» организации сионистов поддерживают субсидиями и пр. губернский отдел народного образования.

Пензенская организация «Пайалей-Цион» (близкая к с[оциал]-д[емократам]), располагающая в Пензе рабочим клубом имени Борохова, тоже ведет борьбу с сионистами, хотя не столь энергично, как «Бунд», как не имеющая такой же сильной почвы под собой.

С финансовой стороны средства организации состояются из следующих поступлений: 1) Членские взносы; 2) Доходы с вечеров Маккаби; 3) Добровольные пожертвования, собираемые в синагоге и кружке Маккаби и 4) Доход с курсов еврейского языка. Но главным источником, финансирующим организацию, является так называемый «Еврейский национальный фонд». Пожертвования в национальный фонд проводятся сионистами как нечто обязательное для всего еврейского населения. Сборщики организации периодически обходят все еврейские квартиры в городе и собирают пожертвования, цифра взноса которого невелика и устанавливается организацией, причем взносы взимаются ежемесячно и в приеме таковых выдаются квитанции от имени «Пензенского Бюро Национального фонда».

Внутри организации сионистов замечается привилегированная группа (центр), так называемые «Ахуденники» [вероятно, Ахдос Исроэль. — Д.К.], состоящая из чисто буржуазных элементов. Ахуденники выделяются из остальной массы сионистов тем, что они являются будущими собственниками земли в Палестине. Вступивший в организацию ахуденников вносит единовременный взнос, а потом увеличивает его ежемесячными дополнительными взносами, пока его вклад возвысится до суммы стоимости покупаемой им для себя земли из будущих палестинских владений. Эти вклады доходят до 12–15 тысяч рублей. Из членов Пензенской организации ахуденников выяснить удалось следующие [фамилии]:

1) Ратнер Абрам Симонович, врач с 11-летней практикой, имел состояние, женат на дочери пенз[енского] капиталиста А.И. Раппорта, служит гарнизонным врачом и председатель врачебной комиссии по отсрочкам.

2) Кауфман Симон Маркович, бывший лесопромышленник, бухгалтер фабрики Госзнак.

3) Надлер Арон Меерович, б[ывший] лесопромышленник, в настоящее время служит на фабрике Госзнак.

4) Гольдштейн Моисей Аронович, крупный капиталист, имел большую типографию, в настоящее время безработный.

5) Шип [Шиц?] Борис Захарович, беженец из Вильны, спекулянт.

6) Слободской Лев Исаевич, имел большой часовой и ювелирный магазин, в настоящее время имеет часовую мастерскую, где и работает.

7) Лось Израиль Лейба Маркелович.

8) Поберевинский.

9) Ципин, бывший купец, лесопромышленник.

10) Басман Исаак Беняминович.

11) Ципиновский [?] Абрам, портная мастерская.

12) Вогуславский.

13) Файншмидт.

14) Вольнерт.

15) Винер.

16) Криммер, имеет крупное состояние, несколько фотографий.

17) Хаиш.

18) Кроль, капиталист, имел большой часовой и ювелирный магазин.

Пензенская организация ахуденников, насчитывающая в своих рядах всего около 35 членов, активной деятельности не проявляет и связи их с центром не обнаружено. Ахуденники (обособленно от остальной организации) редко устраивают собрания, последнее такое собрание состоялось 7 января с[его] г[ода], где обсуждался вопрос о денежной поддержке семье умершего б[ывшего] председателя организации сионистов д-ра Цимкина, причем было постановлено выдать семье Цимкина единовременное пособие в сумме 20 000 р. Такие пособия, даже и в более крупных размерах (до 100 000 р.) сионисты выдавали семьям некоторых умерших деятелей организации.

Таким образом, можно сказать, что деятельность сионистской организации в 1919 году усилилась и выразилась в следующих фактах:

1) Усилен сбор в пользу национального фонда, капитал которого доводится до громадной суммы. 2) Расширена и обогащена организация ахуденников. 3) Распространено сильное влияние на еврейский учительский персонал, посредством которого организация овладела почти всеми еврейскими школами, где играет руководящую политическую и воспитательную роль, воспитывая детей в антирусском и антисоветском духе и 4) Начата борьба с демократическими еврейскими рабочими партиями, которая особенно усилилась в текущем году.

Из видных членов пензенской организации сионистов можно отметить следующих:

1) Рабинович Михель Зуселевич, лет около 35, б[ывший] студент, член ЦК сионистов, командирован для работы в Пензу, активный работник, хороший агитатор и организатор.

Выступая на собрании Пенз[енской] Орг[анизации] сионистов 6 сентября 19[19] г. на тему об еврейской школе, высказывался против изъятия из школ древнееврейского языка: «Еврейский народ в настоящее время находится в рабстве, несколько безответственных мальчуганов издают нам в Москве декреты, как строить школу, но мы, “истинные демократы”, будем делать то, что нам нужно, хотя бы для этого пришлось работать в подполье».

Активное участие в организации принимал до конца 1919 года, а в настоящее время выбыл из г. Пензы неизвестно куда, оставив дальнейшее руководство организацией д-ру Фридлянду.

2) Фридлянд Яков Мартинович, Бол. [вероятнее всего, больничный. – Д.К.] врач с 28-летней практикой, врач советской больницы, б[ывший] председатель еврейского комитета помощи жертвам войны, член президиума еврейской общины и член комиссии по созданию национального фонда, членом комитета которого состоит в настоящие время.

Ахуденник (акционер палестинской земли), б[ывший] кадет, крайне враждебно относится к советской власти.

Более активно стал работать после смерти председателя организации д-ра Цимкина (место которого занимает д-р Ратнер), проявил себя ярым сионистом.

Выступая на собраниях, провозглашает, что еврейский народ всегда страдал, страдает и теперь, и что единственный выход из вечного угнетения – это Палестина.

3) Д-р Ратнер Абрам Симонович, 36 лет, врач, имеет состояние, в настоящие время гарнизонный врач.

Б[ывший] член президиума еврейской общины и член союза евреев-воинов.

В настоящие время считается председателем местного комитета сионистов, где примыкает к более либеральным течениям.

Организатор клуба любителей древнеевр[ейского] языка, член организации ахуденников и видный деятель ея.

4) Кауфман Симон Маркович, 38 лет, б[ывший] лесопромышленник, в настоящее время работает на фабрике Госзнак – бухгалтер.

Бывший секретарь Еврейской Общины в 1917 году, активный работник помощи жертвам войны.

Секретарь комитета сионистов, играет большую роль в организации.

Выступает на собраниях, провозглашает, что запрещение еврейского языка и библии в школах для еврейского народа хуже погрома.

Ахуденник.

5) Климовицкий Моисей Львович, 35 л[ет], б[ывший] лесопромышленник, в настоящее время служит конторщиком на фабрике Госзнак.

Член комитета сионистов, б[ывший] член комитета помощи жертвам войны, б[ывший] член еврейской общины.

Состоял членом союза евреев-воинов, пропагандировал в их массе идеи сионизма.

Является тихим, но деловым работником организации.

6) Любомиц Ефим Соломонович, 38 л[ет], б[ывший] лесопромышленник, в настоящее время служит агентом по заготовке дров.

Бывший член еврейской общины.

Член комитета организации, где является пассивным работником.

7) Надлер Арон Меерович, 48 лет, б[ывший] лесопромышленник, в наст[оящее] время работает на фабрике Госзнак.

Писал и подписывал воззвания, чтобы дети учились древнееврейскому языку. Ахуденник. Тихо, но упорно проводит свои задачи.

8) Шиц Борис Захарович, беженец из Вильно.

Б[ывший] член еврейской общины. Видный работник настоящей организации.

Хороший агитатор, выступая на собраниях, шумно выражает свои мнения и протесты (крикун). Член организации Ахуденников.

9) Гольдштейн Моисей Аронович, крупный капиталист, домовладелец, имел большую типографию, служит в Главкрахмале.

Б[ывший] тов[арищ] председателя Еврейской Общины в 1917 году, б[ывший] член к[омите]та помощи жертвам войны.

Видный работник организации, хотя скрывает свои убеждения.

Из трусости на собраниях не выступает. Член организации ахуденников.

10) Хургин Шас Мордухович, 40 л[ет], учитель трудовой школы, деятельный работник настоящей организации. Бывший член общины. Большое участие принимает в курсах древнееврейского языка.

11) Хургина Роза Потеловна, б[ывшая] учительница, в наст[оящее] время ничем не занимается, бывший член общины.

Никогда не выступает, но очень много работает в организации.

12) Шомович Авраам Исакович, б[ывший] торговец-спекулянт, в настоящее время учитель трудовой школы (еврейского училища).

Член организации. Организатор курсов древнееврейского языка. Мало выступает, но много работает. На собраниях сионистов 6. IX. [19]19 г. призвал еврейскую массу записываться на курсы.

Наша работа по отношению к сионистам заключается в настоящее время в агентурном наблюдении и прекращении разных привилегий

и пособий, которых сионисты добиваются в наших государственных учреждениях.

По сему докладу ждем Ваших указаний.

Председатель комиссии.

Заведующий секретно-оперативным отделом.

13 мая 1920 г.

г. Пенза

Агитация Бунда¹

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд».

Граждане-евреи рабочие, мастеровые и все трудящиеся.

24 и 25 декабря состоятся выборы в пензенскую еврейскую общину.
7–8 и 9 января 1918 г. состоятся выборы делегатов на еврейский съезд от Пензенской, Симбирской и Тамбовской губ[ерний].

Каждый из Вас должен принять живое участие в создании народных органов, где будут положены основы новых форм еврейской жизни в свободной демократической России.

Каждый сознательный гражданин должен хорошенько подумать, какой партии он отдаст голос.

Помните, граждане, что список № 1 – это список еврейской буржуазии и клерикалов – союз лжи и невежества.

Они хотят оживить ту допотопную общину, где царствовал мрак, где подавлялась личность, и убивалось всякое стремление к лучшей светлой жизни.

Список № 6 – список сионистов. Они зовут в Сион и говорят, что король английский прогнал турок и отдает вам Палестину с миллионом арабов.

Не верьте им!

Это предвыборный выпад, чтобы заманить избирателя. Ваша жизнь, будущность ваших детей связана с теми страданиями, где жили, страдали и боролись поколения еврейского народа.

Нет той силы, которая могла бы это изменить! Ни одного голоса этим фантазерам и лже-мессиям!

¹ Газета «Наш путь», 20 декабря 1917 г. С. 2. Данное объявление размещалось систематически в нескольких выпусках газеты «Наш путь», например, также в выпусках от 22 и 24 декабря 1917 г.

Составлено пензенским отделением партии Бунд.

Если Вы хотите создать свободную еврейскую общину, если Вы хотите, чтобы на еврейском съезде властно прозвучал голос еврейской демократии, голосуйте все, как *один за список* [курсив в тексте. – Д.К.] № 5 всеобщего еврейского рабочего союза «Бунд», друзей народа, борцов за лучшие идеалы человечества, за свободное культурно-национальное развитие еврейских масс.

Агитация Идише Фолкспартей¹

Граждане евреи!

24-го и 25-го декабря состоятся выборы в пензенскую общину. Все на выборы! Идите сознательно, помните, что вы должны сделать.

Не голосуйте за список № 1. Это союз ассимиляторов с клерикалами, союз богатых карманов с мраком.

Не голосуйте за сионистов, для которых еврейский народ – игрушка для их фантазий, они презирают ваш язык и тем причиняют вам обиду.

Если вы хотите, чтобы община была демократической и вправду отстаивала интересы широких народных масс, голосуйте за список № 4.

Если вы хотите, чтобы были созданы независимые еврейские народные школы, еврейские библиотеки, госпитали, дома престарелых, голосуйте за список № 4.

Если вы хотите, чтобы развитие и поддержку получили еврейские ремесленники, чтобы был кредит для еврейских лавочников, чтобы было улучшено экономическое положение еврейских масс, голосуйте за список № 4.

Если вы хотите, чтобы позаботились о беженцах так, чтобы они смогли вернуться и устроиться на своих старых местах, голосуйте за список № 4.

За список еврейской народной партии (фолкспартей) № 4.

Итоги выборов на еврейский съезд²

Местная жизнь.

Итоги выборов на еврейский съезд.

¹ Газета «Наш путь», 21 декабря 1917 г. С. 2. Данное объявление размещалось систематически в нескольких выпусках газеты «Наш путь», например, в выпуске от 22 декабря 1917 г.

Текст написан на идише, транскрибированным кириллицей. Перевод В.А. Дымшица, д-ра химических наук, сотрудника Центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Объявление перепечатано без исправлений. В тексте присутствует ряд опечаток.

² Газета «Наш путь», 28 декабря 1917 г. С. 3.

Пока результаты выборов на Всероссийский еврейский съезд известны из Пензы, Саранска, Сызрани, Козлова, Моршанска, Алатыря, Лизюк и Борисоглебска. Список № 2 (объединенные социалисты) получили 42 голоса; список № 3 (ортодоксы) получили 1105. Список № 4 (фолкспартей) получили 302 голоса, № 5 (бунда) – 777 голосов, № 6 (сионисты) получили 2000 голосов и, наконец, список (Поалей-Цион) получили 106 голосов.

Библиографический список

1. Бальфура декларация // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 1. URL: <http://www.eleven.co.il/article/10390> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
2. Бунд // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 1. URL: <http://www.eleven.co.il/article/10791> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
3. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010.
4. В союзе еврейской молодежи вечерние курсы // Известия Пензенского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 15 сентября. № 192 (295). С. 4.
5. Вишневский К.Д. Пенза // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 436–444.
6. Всероссийский еврейский съезд. 1918 г. // Библиотека исторической информации. URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=58> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
7. Городская жизнь. Беженцы // Известия Пензенского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. 28 января (10 февраля). № 20 (223). С. 4.
8. Государственная жизнь в Палестине // Наш путь. 1917. 17 декабря. № 1. С. 4.
9. Доклад Пензенского ГЧК о деятельности сионистов. 13 мая 1920 г. // Государственный архив Пензенской области. Ф. Р2 (Исполнительный комитет Пензенского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком)). Оп. 4. Д. 148.
10. Дорман Е. Революционный террор в России. М., 1917.
11. Еврейская литература // Известия Пензенского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 15 сентября. № 192 (295). С. 4.
12. Еврейский национальный фонд // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 2. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11516> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
13. Заговор против еврейской демократической общины // Наш путь. 1918. 17 мая (4 мая). № 106. С. 1.
14. Идише Фолкспартей // Наш путь. 1917. 22 декабря. № 5. С. 4.
15. Идн Биргер // Наш путь. 1917. 21 декабря. № 4. С. 2.
16. Итоги выборов на еврейский съезд // Наш путь. 1918. 28 января. № 31. С. 3.
17. Кальмина Л. Сионизм в Сибири в 1910–20-х годах: спорные моменты истории // Проблемы еврейской истории. Ч. 2. Материалы научной конференции Центра «Сэфер» по иудаике. М., 2008. С. 267–277.
18. Кондрашин В.В. Пензенская губерния в годы Первой мировой войны 1914 – март 1918. Кн. 2. Прага, 2014.
19. Копыл А., Тригуб А. Деятельность сионистских политических партий на юге Украины в 1920-е гг. // Проблемы еврейской истории. Ч. 2. Материалы научной конференции Центра «Сэфер» по иудаике. М., 2008. С. 277–283.

20. Кременецкий И. Участие евреев в политической деятельности России и СССР // Сетевой портал «Заметки еврейской истории». URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer11/Kremen1.htm> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
21. Лакер В. История сионизма. М., 2000.
22. Ликвидация еврейского союза молодежи // Красное знамя. 1919. 15 ноября. № 73. С. 3.
23. Маккаби // Известия. 1919. 26 января. № 19 (402). С. 4.
24. Нам И. Евреи в Сибири в 1917 году: между сионизмом и бундизмом // Научные труды по иудаике. Ч. 2. Материалы XVII международной научной конференции по иудаике. Т. II. М., 2010. С. 198–217.
25. Обвинение в агитации к еврейскому погрому // Пензенская речь. 1917. 25 мая. № 11. С. 3.
26. Общее собрание увеченных и демобилизованных евреев-воинов // Известия Пензенского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 июля. № 138 (241). С. 4.
27. Общественное собрание еврейского комитета помощи жертвам войны // Пензенская речь. 1917. 4 июня. № 20. С. 1.
28. Общие сионисты // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 6. URL: <http://www.eleven.co.il/article/13036> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
29. Объявления // Наш путь. 1918. 27 января. № 30. С. 1.
30. Пекный А.И. Евреи // Пензенская Энциклопедия. М., 2001. С. 171–172.
31. Пенза // Российская еврейская энциклопедия. URL: <http://rujen.ru/index.php/ПЕНЗА> (дата обращения: 09.04.2015 г.).
32. Пролетарии всех стран, соединяйтесь // Наш путь. 1917. 20 декабря. № 3. С. 2.
33. Фолькспартей // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 9. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14314> (дата обращения: 04.04.2015 г.).
34. Хроника. Союз самообороны граждан г. Пензы, уездных городов и иных населенных мест губернии // Пензенская речь. 1917. 6 декабря. № 86. С. 3.
35. Шкурко Э. Сионисты в Уфе // Проблемы еврейской истории. Ч. 2. Материалы научной конференций Центра «Сэфер» по иудаике. М., 2008. С. 284–290.
36. Юный маккавей // Известия. 1919. 20 мая. № 108 (491). С. 4.

Барабанов Максим Валерьевич – кандидат политических наук, г. Москва. E-mail: maxim112007@yandex.ru.

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова, МПГУ. E-mail: vinokurovnl@list.ru.

Глухарев Николай Николаевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры новейшей истории России, МПГУ. E-mail: gluharevn@yandex.ru.

Закиров Ринат Саярович – кандидат исторических наук, г. Москва. E-mail: rinatz1978@gmail.com.

Котова Елена Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования МПГУ; заведующий музеем, Государственный академический театр им. Моссовета. E-mail: kotovaelena83@mail.ru.

Кузнецов Данила Сергеевич – студент историко-филологического факультета Пензенского государственного университета. E-mail: cosmopolit_88@mail.ru.

Курзанов Сергей Владимирович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования, МПГУ. E-mail: kurzanovsv@yandex.ru.

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук; заведующий сектором, Музейное объединение «Музей Москвы». E-mail: maksi-moisee@yandex.ru.

Никонов Олег Александрович – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ. E-mail: Nikonov100@mail.ru.

Патрикеева Ольга Алексеевна – доктор исторических наук; профессор Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: olpatrikeeva@yandex.ru.

Пономарёв Леонид Юрьевич – архитектор, ПК «Таврия», г. Керчь, Республика Крым. E-mail: l_ponomarev@mail.ru.

Ширяева Светлана Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент; заместитель директора Института социально-гуманитарного образования, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования, МПГУ. E-mail: cемantika@gmail.com.

M. Barabanov

East Europe's "Post-Socialist" Transformation: Historical Background

In this article the author describes some negative aspects in economic relations between Council for Mutual Economic Assistance (Comecon) and European Economic Community (EEC), USSR-European socialist countries relations in the transformation ("perestroika") period and the main reasons for these countries political and economic "post-socialist" transformation.

Key words: "International Socialist Division of Labor", Council for Mutual Economic Assistance (Comecon), West European integration, European Economic Community (EEC), "Common Market", economic relation forms, discrimination, "post-socialist" transformation.

N. Glukharev

To the issue of the place of the Soviet-German front of the Second World War in the British and American historiography

The article examines the main trends in the study of the events of the Great Patriotic War in the British and American historiography. Its development is determined by many factors (both political and practical). In the UK and the US a lot of books about the war events with the participation of the Wehrmacht and the Red Army are published. The authors bring new sources and new approaches. However, the nature of the coverage of the German-Soviet conflict during World War II in the West often continues to bear the imprint of the era of the "cold war".

Key words: British and American historiography, Great Patriotic War, Second World War, Soviet-German front.

E. Kotova, S. Shiryaeva

General history of law by professor Pavel Gavrilovich Vinogradov

The article discusses the research path of one of the founders of the historical school of law Pavel Gavrilovich Vinogradov (1854–1925), professor of

General History of the Imperial Moscow University and professor of jurisprudence at Oxford University. P.G. Vinogradov is recognized by the outstanding English historians as an expert on the social history of England, who opened the British their own history. The author of numerous scientific papers, as well as well-known textbooks which were used in all Russian secondary schools from 1890-s until 1921.

Key words: Pavel Gavrilovich Vinogradov, feudal law and customs of England, historical school of law, general history, Western Middle Ages, history of human society, history of German law, feudal relations of the Lombards, origins of feudalism, medieval social history of England, historical-comparative method, British Museum, Oxford library, Henry Bracton.

S. Kurzanov

Synergetic processes in the evolution of law

This work covers the change in the legal system under the influence of different determinants. As a result, there is the interpenetration and progressive self-development of interpenetrating systems, such different in nature but developing each other processes, which experience fluctuation phenomena during the passage of the bifurcation points in the synergetic processes in the evolution of law.

Key words: synergetics, fluctuation, dissipative structure, bifurcation, dissipative, collision, hierarchical pattern, genesis, tectology, innovation, transparency, globalization.

D. Kuznetsov

Movement for the unification of the Jewish people in Penza in 1917–1920

On the basis of archival documents and newspaper materials the article presents the events connected with Jewish organizations in 1917–1920s in Penza. The author compares activity of Zionist organizations in different regions of Russia. Both general and regional peculiar characteristic of Jewish parties have been described. The documents related to the research topic are published.

Key words: Jewish organizations in 1917–1920s, Jewish organizations in Penza, the Union of injured and demobilized Jewish soldiers, sports club “Maccabi”, “Jewish National Fund”, All-Russia Jewish Convention, “City Council of Penza Zionist Organization” in Penza, Volkspartei, Jewish Committee for helping the victims of war”, Bund, Ahdos Yisroel, Poale Zion.

M. Moiseev

Great games of Moscow diplomacy: the problem of the “Crimean threat” neutralization in Russian-Nogai relations in the 30–60’s of the XVI century

The article considers the relationship of the Nogai Horde, the Crimean khanate and Russia in the 30–60’s of the XVI century. Special attention is paid to the activities of the Russian diplomacy aimed at neutralizing the Crimean khanate. The study was able to show that only with the second half of the 50’s of the XVI century one can clearly see coherent strategy of the Russian-Nogai anti-Crimea cooperation. By 1563 due to the current trend to minimize active Eastern policy, Russian-Nogai anti-Crimea military alliance was terminated. Russian authorities were trying to achieve their goals purely by diplomatic means, which proved to be not very effective.

Key word: Nogai Horde, Crimean khanate, the Crimean-Nogai confrontation, Russian-Nogai relationships.

O. Nikonov

History of Relations Forming between the Russian Empire and Persian Gulf Region

The article is dedicated to the first initiatives of the Russian government directed to the formation of political and commercial relations with the Persian Gulf region. The role of Imperial consulates in Bagdad and Basra in stimulating of mutual profitable relations between trade and industrial elite of the Russian Empire and Arab markets is described. Special attention is devoted to the English policy contradicting initiatives of the Russian structures. The author points out that not only objective problems connected with the remoteness of the region to the Empire didn’t allow it to realize its plans but it was mainly political interests that demanded to keep good relations between Russia and Great Britain. Nevertheless, the strengthening of Russia’s presence including military demonstrations in the Persian Gulf in the last quarter of the 19th – the beginning of the 20th centuries led to the change of political power balance and signing the Russian-English agreement of 1907 of juridical partition of the “influence spheres” in the East.

Key words: foreign policy of the Russian Empire in XIX–XX centuries, Persian Gulf, Russian consulate in Basra, Russian Imperial consulate in Bagdad, foreign policy of Great Britain in XIX–XX centuries.

O. Patrikeeva

Preparation of the Imperial Tauride Palace to the work of the State Duma of Russia (1906–1917)

The article is devoted to the main stages of work of a Special Commission for the adaptation of the building of the Imperial Tauride Palace for areas of the State Duma. The main attention is paid to the reconstruction of the winter garden of the Tauride Palace under the hall of sessions of the General meeting of the lower house of the Russian Parliament: the unique technology of laying parquet, furniture supply and draperies, acoustic and so on. The basis of the article consists of materials from the collections of the Russian state historical archive, part of which is first introduced into scientific circulation. Stated facts of archival documents are complemented by memories, letters, diaries, journalists and deputies of the State Duma of the Russian Empire, the periodical press materials that help recreate the atmosphere, the emotional background of the significant events.

Key words: Tauride Palace, hall of the sitting of the State Duma, journalists in the State Duma, State Duma of the Russian Empire.

N. Vinokurov, L. Ponomarev

Artesian-site of ancient settlement in the Middle Ages
(on result of archaeological research)

The article analyzes few findings that allow to reconstruct less known periods in the medieval history of the settlement Artesian (Kerch Peninsula). The earliest of them belong to the early Byzantine period and date to the VI–VII centuries. The next group includes the second half of X – XIII century, the period during which the steppes of Kerch Peninsula were controlled by the Pechenegs, and then Cumans. The rest of the findings date to the XIV–XVIII centuries. Most of them are associated with late medieval settlement. Its remains can be traced in the northern part of the settlement.

Key words: Kerch Peninsula, site of fortified settlement Artesian, amphora, fibula, arrowhead, Pechenegs, Cumans, early Byzantine period.

R. Zakirov

On the role of SR-Terrorist I.P. Kalyaev in the Russian history

Based on the analysis of memoirs, historical data and various published materials the author investigates biography of SR-Terrorist I.P. Kalyaev, as well as the evolution of his worldview. The author focuses on the reasons of

the radicalization of Kalyaev's views and the attitude to religion. The article shows the influence of Kalyaev on Russian culture, the reflection of his biography in literature and cinema.

Key words: 1905, SRs, Party of Socialist revolutionists, Fighting Organization of Party of Socialist revolutionists, terrorism in pre-revolution Russia, I.P. Kalyaev, Grand Duke Sergei Alexandrovich's assassination, revolution-terrorist subculture, political radicalism.

Издание
подготовили
к печати:
редактор –
А. А. Козаренко,
корректор –
А. А. Алексева,
обложка, макет,
верстка –
М. В. Кантакузен

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Вестник Московского государственного
гуманитарного университета им. М. А. Шолохова
2015.4

Электронная версия журнала: www.mpgu.ru

Подписано в печать 24.12.2015 г.
Формат 60×90 1/16.
Объем 7,5 п. л. Тираж 100 экз.